

ISSN 2071-3622

ВЕСТИ

Прикамского социального института

№ 2 (92) 2022

Пермь

ВЕСТНИК ПРИКАМСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

VESTNIK PRIKAMSKOGO SOCIAL'NOGO INSTITUTA

BULLETIN OF PRIKAMSKY SOCIAL INSTITUTE

2022. № 2 (92)

Научный журнал

Учредитель:

автономная некоммерческая организация
высшего и профессионального образования
«Прикамский социальный институт»

Адрес учредителя, издателя, редакции:

614002, Пермь, ул. Чернышевского, 28

Тел.: (342) 205-50-36

E-mail: psi.nauka@mail.ru

Издается с 2001 года, выходит 3 раза в год

Журнал включен в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

В журнале публикуются научные материалы,
которые связаны с анализом социально-
экономических и правовых отношений,
посвящены актуальным проблемам
развития общества и личности, носят как
теоретический, так и экспериментальный
характер. Приоритетное исследовательское
направление журнала – теоретические
и практические вопросы совершенствования
системы обеспечения национальной
безопасности

Позиция авторов статей может
не совпадать с мнением редакции

Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются

Редактор В. О. Дедова
Компьютерная верстка Л. Н. Голубцовой

Выход в свет 31.10.2022. Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 18,13. Тираж 100 экз.
Заказ № 1420/2022. Свободная цена

2022. No. 2 (92)

Science journal

Founder:

the Prikamsky Social Institute

Address of the founder, editor, publisher:

Chernyshevsky st., 28, Perm, Russia, 614002

Ph.: (342) 205-50-36

E-mail: psi.nauka@mail.ru

Published since 2001, 3 times a year

The journal is included in system
of the Russian Science Citation Index

The journal publishes scientific
materials that are connected with
the analysis of socio-economic and legal
relations, and devoted to the urgent problems
of society and personality. Moreover,
they are both of theoretical researchers' results
and make known specialists' experience
in different spheres. Priority direction of the
journal is to discuss theoretical and practical
issues of improving the national
security system

The position of the authors of publications
may not coincide with the opinion
of the editorial board

The copyright materials reviewed
and will not be returned

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательства Пермского национального
исследовательского политехнического университета.
614099, Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113.
Тел.: (342) 219-80-33.
© АНО ВПО «ПСИ», 2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Никитина Инна Филипповна – канд. юрид. наук, ректор Прикамского социального института

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Аренков Игорь Анатольевич – д-р экон. наук, профессор Высшей экономической школы Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Безукладников Константин Эдуардович – д-р пед. наук, профессор, заведующий кафедрой методики преподавания иностранных языков Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

Булахтин Максим Анатольевич – д-р истор. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, кафедры истории и археологии Пермского государственного национального исследовательского университета
Голохвастова Наталия Вениаминовна – канд. истор. наук, заведующая кафедрой теории и истории государства и права, проректор по научной работе Прикамского социального института (заместитель главного редактора)

Игнатенко Виктор Васильевич – д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Иркутского областного государственного казенного учреждения «Институт законодательства и правовой информации имени М. М. Сперанского»

Кузнецова Ольга Анатольевна – д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданского права, заместитель декана по научной работе юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета

Пастухов Павел Сысоевич – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета

Похмелькин Виктор Валерьевич – канд. юрид. наук, доцент, научный руководитель Научно-исследовательского и внедренческого центра Прикамского социального института

Руденко Марина Николаевна – д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательства и экономической безопасности Пермского государственного национального исследовательского университета

Светлаков Андрей Геннадьевич – д-р экон. наук, профессор кафедры организации аграрного производства Пермского государственного аграрно-технологического университета имени академика Д. Н. Прянишникова

Хочрадел Ребекка – доктор наук (PhD), Бизнес-колледж Университета Дельта (Кливленд, США)

Шевелева Светлана Викторовна – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета Юго-Западного государственного университета

Шедяков Владимир Евгеньевич – д-р социол. наук, канд. экон. наук, доцент (Киев, Украина)

Шестова Татьяна Юрьевна – д-р истор. наук, профессор кафедры теории и практики управления Пермского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Юлдашева Оксана Урняковна – д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой маркетинга Санкт-Петербургского государственного экономического университета

EDITOR IN CHIEF

Nikitina Inna Philippovna – Cand. of Juridical Sciences, Rector, Prikamsky Social Institute

EDITORIAL BOARD

Arenkov Igor Anatolyevich – Dr. of Economic Sciences, Professor, Higher School of Economics, Saint-Petersburg State Economic University

Bezukladnikov Konstantin Eduardovich – Dr. of Pedagogic Sciences, Professor, Head of the Department of Methodology of Teaching Foreign Languages, Perm State Humanitarian Pedagogical University

Bulakhtin Maxim Anatolyevich – Dr. of Historical Sciences, Professor at the Department of Public Administration, Department of History and Archaeology, Perm State University

Golokhvastova Natalia Veniaminovna – Cand. of Historical Sciences, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Vice-rector for Scientific Work, Prikamsky Social Institute (deputy editor)

Ignatenko Viktor Vasilyevich – Dr. of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Leading Researcher at the Irkutsk Regional State Treasury Institution “Institute of Legislation and Legal Information named after M. M. Speransky”

Kuznetsova Olga Anatolyevna – Dr. of Juridical Sciences, Professor at the Department of Civil Law, Vice Dean for Scientific Affairs of the Faculty of Law, Perm State University

Pastukhov Pavel Sysoyevich – Dr. of Juridical Sciences, Professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Perm State University

Pokhmelnin Victor Valeryevich – Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor, Scientific Director of the Research and Innovation Centre, Prikamsky Social Institute

Rudenko Marina Nikolayevna – Dr. of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Entrepreneurship and Economic Security, Perm State University

Svetlakov Andrey Gennadyevich – Dr. of Economic Sciences, Professor at the Department of Organization of Agricultural Production, Perm State Agro-Technological University named after Academician D. N. Prvanishnikov

Hochradel Rebecca – Philosophiae Doctor (PhD), Assistant Professor, College of Business of the Delta State University (Cleveland, USA)

Sheveleva Svetlana Viktorovna – Dr. of Juridical Sciences, Professor, Dean of the Law Faculty, Southwest State University

Shedyakov Vladimir Evgenyevich – Dr. of Sociological Sciences, Cand. of Economic Sciences, Associate Professor (Kiev, Ukraine)

Shestova Tatiana Yuryevna – Dr. of Historical Sciences, Professor at the Department of Theory and Practice of Management, Perm branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Yuldasheva Oksana Urniakovna – Dr. of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Marketing, Saint-Petersburg State Economic University

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Голохвастова Наталия Вениаминовна – канд. истор. наук, заведующая кафедрой теории и истории государства и права, проректор по научной работе Прикамского социального института (заместитель главного редактора)

Воронцов Сергей Германович – канд. юрид. наук, заведующий кафедрой гражданского права и гражданского процесса Прикамского социального института

Головкина Дарья Витальевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Прикамского социального института; доцент кафедры предпринимательства и экономической безопасности Пермского государственного национального исследовательского университета

Каминский Борис Борисович – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Прикамского социального института

Карнаухова Людмила Исмагиловна – заведующая кафедрой дизайна Пермского гуманитарно-технологического колледжа, член Международной общественной ассоциации «Союз дизайнеров», Общероссийской общественной организации «Союз дизайнеров России»

Николаева Ирина Николаевна – декан юридического факультета Прикамского социального института

Пискунова Виктория Валентиновна – канд. мед. наук, доцент, заведующая кафедрой психологии и педагогики Прикамского социального института

Советов Игорь Константинович – канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного, муниципального и административного права Прикамского социального института

Струков Александр Владимирович – канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Прикамского социального института

Субботина Яна Владимировна – канд. с.-х. наук, доцент, заведующая кафедрой экономики и управления Прикамского социального института

EDITORIAL STAFF

Golokhvastova Natalia Veniaminovna – Cand. of Historical Sciences, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Vice-rector for Scientific Work, Prikamsky Social Institute (deputy editor)

Vorontsov Sergey Germanovich – Cand. of Juridical Sciences, Head of the Department of Civil Law and Civil Procedure, Prikamsky Social Institute

Golovkina Daria Vitalyevna – Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law and Civil Procedure, Prikamsky Social Institute; Associate Professor at the Department of Entrepreneurship and Economic Security, Perm State National Research University

Kaminsky Boris Borisovich – Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Prikamsky Social Institute

Karnaukhova Lyudmila Ismagilovna – Head of the Department of Design, Prikamsky Social Institute, a member of the International Association “Society of Designers”, a member of “Association of Designers of Russia”

Nikolaeva Irina Nikolaevna – Dean of the Faculty of Law, Prikamsky Social Institute

Piskunova Victoria Valentinovna – Cand. of Medical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy, Prikamsky Social Institute

Sovetov Igor Konstantinovich – Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional, Municipal and Administrative Law, Prikamsky Social Institute

Strukov Aleksander Vladimirovich – Cand. of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Prikamsky Social Institute

Subbotina Yana Vladimirovna – Cand. of Agricultural Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economics and Management, Prikamsky Social Institute

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА.....	6
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	
С. Г. Воронцов Право как вид социального взаимодействия: проблемы низкой эффективности информационно-правовой коммуникации.....	8
В. В. Соловьёва Права человека в контексте глобализации.....	14
О. В. Мальцев Недобросовестная конкуренция в законодательстве России и Евросоюза.....	21
М. Л. Мушарацкий Экономическая преступность и ее влияние на экономическую безопасность.....	25
Л. А. Березюк Стандартные режимы рабочего времени: исторические, сравнительно-правовые аспекты и направления совершенствования.....	29
Д. В. Елфимов, М. В. Максименко Исполнение требований режима как средство обеспечения безопасности функционирования исправительных учреждений.....	39
М. С. Мачехин, Э. Ю. Бузинская Проблемы реализации и защиты конституционного права граждан на доступ к информации в цифровой среде.....	46
Н. В. Кузнецова, М. В. Казача Юридическая ответственность в сфере физической культуры и спорта.....	52
М. Р. Кучукбаева, А. С. Пастухова, И. Н. Плешакова Предоставление социальных выплат при возникновении поствакционных осложнений: до пандемии и во время пандемии.....	55
ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ	
С. А. Аликулов, И. И. Ризаев Значимость повышения финансовой грамотности населения Узбекистана.....	60
В. С. Хомякова, Н. В. Гущина Социальное партнерство в сфере труда в условиях регуляторной гильотины.....	65
Е. В. Рожков Возможность балансировки бюджета муниципального образования при новом подходе к управлению собственностью (по материалам города Перми).....	71
ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА	
О. Б. Панова Правовая социализация личности в социологическом и психолого-педагогическом дискурсах.....	81
А. И. Ташёва, М. Р. Арпентьева, С. В. Гриднева Диагностика и коррекция девиаций в вузе.....	89
Е. М. Калинин Возможности применения техники репертуарных решеток Дж. Келли при изучении особенностей восприятия осужденных.....	102
Т. В. Шершнёва, О. В. Степанова Уровень агрессии и враждебности студентов с разными предпочтениями в выборе компьютерных игр.....	110
НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ	
М. А. Булахтин Французский переговорщик: культурно-психологический портрет.....	115
Т. Ю. Шестова Немецкие и австрийские военнопленные в Пермской губернии в годы Первой мировой войны.....	130
В. В. Шилов, А. Н. Брезгина, С. С. Лепп, Е. В. Самойлова Формирование революционной ситуации на территории Березниковского городского округа Пермского края в конце XIX – начале XX века. Часть II.....	136
М. К. Дуванская, Н. А. Литвиновская, А. В. Литвиновский Проблемы совмещения рабочего процесса и обучения взрослых людей, специалистов.....	141
УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ.....	151

CONTENTS

EDITOR'S LETTER	6
JURISPRUDENCE	
S. G. Vorontsov Law as a type of social interaction: problems of low efficiency of information and legal communication	8
V. V. Solov'yova Human rights in the context of globalization	14
O. V. Maltsev Unfair competition in the legislation of Russia and the European Union	21
M. L. Musharatsky Economic crime and its impact on economic security	25
L. A. Berezyuk Standard working hours: historical, comparative legal aspects and directions of improvement	29
D. V. Elfimov, M. V. Maksimenko Implementation of the requirements of the regime as a means of ensuring the security of the functioning of correctional institutions	39
M. S. Machekhin, E. Yu. Buzinskaya Problems of implementing and protecting the constitutional right of citizens to access information in the digital environment.....	46
N. V. Kuznetsova, M. V. Kazacha Legal responsibility in the field of physical culture and sport.....	52
M. R. Kuchukbayeva, A. S. Pastukhova, I. N. Pleshakova Provision of social payments in the event of post-vaccine complications: before the pandemic and during the pandemic	55
ECONOMICS AND MANAGEMENT	
S. A. Alikulov, I. I. Rizaev The significance of increasing the financial literacy of the population of Uzbekistan	60
V. S. Khom'yakova, N. V. Gushchina Social partnership in the sphere of labor in the conditions of the regulatory guillotine	65
E. V. Rozhkov The opportunity of balancing the budget of municipal education with a new approach of property management (on the materials of the city of Perm)	71
PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY	
O. B. Panova Legal socialization of personality in sociological and psychological-pedagogical discourses	81
A. I. Tashcheva, M. R. Arpentieva, S. V. Gridneva Diagnostics and correction of deviations in university.....	89
E. M. Kalinkina Possibilities of application of the technique of repertory grids J. Kelly when studying the features of perception of convicts.....	102
T. V. Shershniova, O. V. Stepanova The level of aggression and hostility of students with different preferences in choosing computer games	110
SCIENCE AND EDUCATION	
M. A. Bulakhtin French negotiator: cultural and psychological portrait	116
T. Yu. Shestova German and Austrian prisoners of war in Perm governor during the First World War.....	130
V. V. Shilov, A. N. Brezgina, S. S. Lepp, E. V. Samoilova Formation of a revolutionary situation on the territory of the Berezniki urban district of the Perm territory in the late 19th – early 20th century. Part II.....	136
M. K. Duvanskaya, N. A. Litvinovskaya, A. V. Litvinovskiy Problems of combining the job activities and educational process of adults, specialists	141
TERMS OF PUBLICATION AND RULES FOR DESIGN MANUSCRIPTS OF ARTICLES	151

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемый читатель!

Перед Вами очередной выпуск журнала «Вестник Прикамского социального института», который является научным периодическим изданием. Выпуски журнала с 2015 г. индексируются в базе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) (с ними можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU), а также размещаются в Научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

В журнале публикуются материалы, которые связаны с анализом социально-экономических, правовых, социокультурных процессов, посвящены актуальным проблемам развития личности, общества и государства, носят как теоретический, так и экспериментальный характер, обобщают результаты исследований ученых и распространяют опыт практической работы специалистов в указанных отраслях.

Приоритетное исследовательское направление «Вестника Прикамского социального института» сегодня – теоретические и практические вопросы совершенствования системы обеспечения национальной безопасности и реализации стратегических национальных приоритетов. Это не случайно: в условиях глобальных изменений в современном мире возрастает опасность новых угроз, и разработка государством эффективной стратегии национальной безопасности должна основываться в первую очередь на научном анализе условий и факторов, оказывающих как позитивное, так и негативное влияние на безопасность страны, общества и личности.

Миссия нашего журнала в связи со всем вышесказанным:

- поддержка научных исследований широкого спектра социально-экономических, общественных и гуманитарных наук, так или иначе связанных с анализом проблем обеспечения национальной безопасности;
- опубликование значимых материалов и дискуссий по юридическим, экономическим, психолого-педагогическим вопросам общественного развития в контексте прошлого и современности;
- содействие ученым, преподавателям, специалистам-практикам, молодым исследователям в области коммуникации и информированности.

Мы предлагаем ученым, преподавателям, аспирантам, руководителям и специалистам-практикам, всем, кому небезразлично будущее нашей страны, вместе подумать о том, как формировать механизмы безопасной жизнедеятельности нашего государства, общества, личности в непростое время глобальных перемен – на основе оптимального развития социально-экономических и правовых отношений, системы государственных органов и правовых институтов, обеспечивающих защиту прав и законных интересов граждан, сохранения нашего историко-культурного наследия, традиционных духовно-нравственных ценностей, становления российской национальной идентичности, укрепления психологического здоровья нации.

За двадцать лет существования Прикамский социальный институт прочно занял свое место в образовательном пространстве края, накопил опыт продуктивной научно-образовательной деятельности, функционирования и развития в конкурентной среде. Среди авторов журнала, в составе его редакционного совета и редакционной коллегии – из-

вестные ученые и специалисты, которые могут предложить конструктивный анализ и варианты решений актуальных проблем социально-экономического, правового, культурного развития современного общества, вопросов укрепления системы национальной безопасности. К этой дискуссии мы, конечно, приглашаем и молодых ученых, без «свежего» взгляда которых невозможно прогрессивное развитие и продвижение вперед любой отрасли науки.

На страницах журнала мы публикуем и материалы научно-практических форумов, проводимых Прикамским социальным институтом совместно с представителями международного и российского научно-образовательного сообщества, органов публичной власти, общественных организаций, бизнес-структур; представляем и анализируем результаты реализации исследовательских и социально значимых проектов, в которых участвует вуз.

В номерах журнала 2022 г. в том числе представлены материалы, апробированные в рамках международной научно-практической конференции «Личность, общество, государство: проблемы безопасности и социального взаимодействия», которая состоялась в Перми 26 мая 2022 года по инициативе вуза при поддержке Уполномоченного по правам человека в Пермском крае, Пермского отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», ООО «ТелекомПлюс».

Если Вас, уважаемый читатель, заинтересует содержание нашего журнала и идеи, высказанные на его страницах, ждем Вашего отклика и предложений и приглашаем к публикации статей в «Вестнике Прикамского социального института».

Материалы просьба направлять в электронном виде по адресу: psi.nauka@mail.ru или представлять по адресу: 614002, Пермь, ул. Чернышевского, 28, Прикамский социальный институт, каб. 930 (9-й этаж), научный и редакционно-издательский отделы. Телефон редакции – (342) 205-50-36.

*Главный редактор журнала
«Вестник Прикамского социального
института», ректор института,
кандидат юридических наук,
доцент*

И. Ф. Никитина

Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 8–13.

Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2022. No. 2 (92). P. 8-13.

Научная статья

УДК 34.01

ПРАВО КАК ВИД СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ПРОБЛЕМЫ НИЗКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сергей Германович Воронцов^{1,2}

¹ Прикамский социальный институт, Пермь, Россия, medeo2006@mail.ru

² Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

Аннотация. Представление о правотворчестве как об одностороннем акте является традиционным для классической отечественной юриспруденции. В настоящей работе этот подход отнесен к числу теоретических просчетов, и механизм правового регулирования представлен в качестве двустороннего акта массовой информационной коммуникации, что позволяет применять при изучении права «непрофильные» для юридических наук приемы и методы, обеспечивающие быструю и точную оценку реальной эффективности информационного взаимодействия.

К таким методам, в частности, относятся «пятивопросная модель Лассуэлла» (социология, политология, теория массовых коммуникаций), теория Шеннона – Уивера, модель Ю. Воронцова, метод верификации (теория коммуникации и кибернетика) и многие другие.

В статье утверждается, что без учета общих и специальных возможностей целевой аудитории нормативных правовых актов успешное правовое регулирование невозможно.

Современное количество и качество нормативно-правовых отечественных источников оценивается как нерабочее из-за их катастрофической нестабильности, крайней сложности и чрезмерного объема, которые понуждают потребителей правовой информации перейти от использования права к другим способам социальной адаптации и ориентации.

Ключевые слова: эффективность права, адресат правовой информации, информационная теория права, эффективность правового воздействия, информационная функция права

Для цитирования: Воронцов С. Г. Право как вид социального взаимодействия: проблемы низкой эффективности информационно-правовой коммуникации // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 8–13.

Original article

LAW AS A TYPE OF SOCIAL INTERACTION: PROBLEMS OF LOW EFFICIENCY OF INFORMATION AND LEGAL COMMUNICATION

Sergey G. Vorontsov^{1,2}

¹ Prikamsky Social Institute, Perm, Russia, medeo2006@mail.ru

² Perm State National Research University, Perm, Russia

Abstract. The notion of lawmaking as a unilateral act is a traditional notion of classical jurisprudence. In this paper, the mechanism of legal influence is considered as a two-way informational mass communication, which makes it possible to apply to the study of law “non-core” methods for legal sciences that provide a quick and accurate assessment of the real effectiveness of information impact. Such methods, in particular, include the “five-question Lasswell model” (a method of sociology, political science and the theory of mass communications), the Shannon – Weaver theory, the Vorontsov model, the verification method (the method of communication theory, cybernetics) and many others.

This paper argues that without taking into account the general and special capabilities of the target audience of regulatory legal acts, successful legal regulation is impossible.

The current quality of the main codified sources of modern Russia is assessed as non-working due to their catastrophic instability, extreme complexity and completely excessive volume, which gives rise to a forced refusal of legal information consumers to use the law and its replacement with other ways of social adaptation and orientation.

Keywords: addressee of legal information, information theory of law, effectiveness of legal influence, information function of law

For citation: Vorontsov S. G. Law as a type of social interaction: problems of low efficiency of information and legal communication. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2022. No. 2 (92). Pp. 8-13. (In Russ.).

Эффективность права является одной из сложнейших и многогранных теоретических проблем, волнующих правоведов всех школ и поколений. Не смотря на то, что со времен Древней Греции и Рима было предложено множество вариантов оценки эффективности правового воздействия, остается констатировать, что юриспруденция так и не нашла универсального рецепта «идеальных пропорций» позитивной правовой нормы, следование которым безальтернативно приводило бы к социальному процветанию любое государство, использующее его.

Большинство известных приемов определения эффективности правового воздействия фактически сводится к подведению итогов правотворчества и к их оценке путем сопоставления с целями законотворцев. Иными словами, только тогда, когда события уже развернулись и повлиять на их текущее состояние не представляется возможным. Исправление допущенных ошибок и выявленных недочетов в этой ситуации может быть обращено только в будущее и осуществляется путем внесения соответствующих изменений и дополнений в действующее законодательство.

Этот алгоритм хорошо известен всем современным студентам юридических факультетов и вузов страны, поскольку вся их научно-исследовательская деятельность в большинстве случаев сводится к поиску проблем текущего законодательства и формулированию более удачных вариантов соответствующих статей, разделов, глав или целых законов.

Подчинена этой логике и деятельность отечественных законотворцев всех уровней. В результате, характеризуя действующий правовой массив, у нас принято говорить, что «99 % действующего законодательства – это законы о внесении изменений и дополнений в действующее законодательство».

В то же время галопирующий рост социальных конфликтов, который фиксирует из года в год российская судебная статистика, красноречиво свидетельствует о том, что все усилия российского законодателя, направленные на достижение стабильности в обществе, в очередной раз не увенчались успехом.

Действительно, простые и реально работающие приемы предварительной оценки правовой коммуникации, которые хорошо известны в других, неюридических отраслях знаний, в отечественной юриспруденции практически не применяются. При этом их достаточно много, и успешно используются они уже давно. Среди подобных и далеко не новых приемов, в частности, можно отметить «пятивопросную модель Лассуэлла» (прием социо-

логии, политологии, теории массовых коммуникаций, но, к сожалению, не юриспруденции), теорию Шеннона – Уивера, модель Ю. Воронцова, метод верификации (теория связи и кибернетика) и многие другие.

Представляется, что одной из основных причин низкой эффективности правового воздействия любого уровня, в том числе и в современной России, является теоретически неверное представление о правотворчестве как об акте одностороннего коммуникативного воздействия.

Упоминание и обоснование подобного представления о праве легко обнаруживается и в работах представителей дореволюционной отечественной цивилистики, и в современной учебной литературе по теории государства и права, и в сочинениях зарубежных классиков юриспруденции. К примеру, известный русский правовед Е. В. Васьковский, критикуя немецкого коллегу, в свое время писал: «Главная ошибка Danza была вызвана тем, что он применил принципы толкования двусторонних юридических актов к законам, упуская, что нормы закона аналогичны не двусторонним, а односторонним юридическим актам (напр., завещаниям)» [1, с. 272].

Современная теория государства и права также исходит из представления о том, что нормативный правовой акт адресован «неопределенному кругу лиц» [2, с. 511].

Среди зарубежных классиков юриспруденции, в работах которых можно найти вариант подобного или даже гипертрофированного представления о ничтожности массовой аудитории, следует отметить Бернгарда Виндшейда – немецкого «идеолога» и автора одного из проектов германского гражданского уложения, который считал, что гражданский кодекс, условно говоря, не для толпы. Он должен писаться цивилистами и для цивилистов.

Иначе говоря, как адресат правовой информации обычное население, являющееся основным субъектом гражданских правоотношений, при формулировании цивилистических законоположений (самых массовых, самых употребляемых и самых распространенных) во внимание приниматься не должно, поскольку подобные акты адресованы не ему.

Представляется, что именно в этих привычных и традиционных для правоведения установках («закон есть односторонний юридический акт», «закон адресован неопределенному кругу лиц», «закон пишется профессорами для профессоров») и кроется причина низкой эффективности современного правового регулирования.

Попробуем проиллюстрировать и доказать этот тезис, пропустив, насколько это возможно в рамках текущего формата исследования, действующий российский правовой массив через «фильтр» пентады Г. Д. Лассуэлла (о линейной модели коммуникации Г. Д. Лассуэлла см. подробнее: [3]), которая представляет собой прием оценки массовых коммуникаций и сводится к необходимости получения ответов на следующие вопросы:

- кто говорит?
- кому говорит?
- каким текстом?
- по какому каналу передается текст?
- с каким эффектом?

Первое. Кто говорит? Если рассуждать о законодательстве в узком смысле слова (в названии нормативных актов присутствует слово «закон»), то транслирующих свою непреклонную волю коммуникаторов (инициаторов одностороннего по традиции правового общения) по Конституции РФ у нас три:

- сам народ (при проведении референдума);

- палаты Федерального собрания в их различном сочетании;
- законотворческие органы субъектов РФ.

Не вдаваясь в подробности подсчета возможных субъектов законодательной инициативы, примерное количество которых колеблется вокруг солидного числа семи с половиной сотен, необходимо отметить, что основная проблема современного российского транслятора законов заключается в том, что отечественных законотворцев много и работают они, как правило, на профессиональной основе (за исключением референдумов и части представительных законодательных органов субъектов Федерации, представительство в которых отчасти может быть и непрофессиональным).

Государственная дума РФ, как основной законотворческий орган страны, «выдает на гора» за каждый созыв в районе 4–6 тыс. нормативных правовых актов. Среди них принимаются и очень объемные «послания», по 500–700 страниц. Оцените, к примеру, содержание Налогового кодекса РФ, Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и т. п.

Для общего представления о количестве правовых коммуникаторов необходимо прибавить к числу законотворцев и авторов подзаконных нормативных актов. Их тоже огромное количество, и не только федерального уровня. В субъектах РФ, например в Пермском крае, объем подзаконных нормативных актов, которые регистрируются органами Министерства юстиции РФ, колеблется от 4 тыс. до 6 тыс. в год. Этот объем с большим трудом поддается юридической экспертизе и регистрации.

Можно ли рассчитывать при такой нагрузке, что этот информационный массив дойдет до населения страны и будет им успешно усвоен? Это вызывает некоторые сомнения.

Отечественных нормотворцев должно быть меньше, и работать они должны на непрофессиональной основе. Иначе тезаурусы коммуникатора и коммуниканта будут настолько разными, что станут совершенно непригодными для передачи какой-либо информации.

С этих позиций пребывание в числе депутатов спортсменов, музыкантов... и других представителей совершенно разных слоев населения представляется не только оправданным, но и совершенно необходимым. Единственное условие сводится при этом к тому, что принимаемые законы они должны читать, писать и принимать самостоятельно.

Второе. Кому говорит? На получателя правовой информации, в силу победившего подхода «законотворчество – это односторонний акт», внимание обращать у нас вообще не принято. Уместно здесь упомянуть и М. М. Сперанского (с его работой по кодификации и составлению Свода законов Российской империи, адресованной аудитории, 70 процентов которой было абсолютно неграмотно), и принцип нормативности современной теории права («право рассчитано на неопределенный круг лиц»). О проблемах «безадресного» правового регулирования смотрите, например: [4; 5].

Третье. При помощи какого текста производится попытка общения? Анализ действующего правового массива при помощи «непрофильных», «неюридических» методов оценки красноречиво говорит о том, что российское законодательство является низкоэффективной, а в ряде случаев и просто неработающей, массовой коммуникацией.

Отечественное законодательство катастрофически нестабильное, запредельно сложное, необоснованно объемное и не отвечает основным характеристикам участников правовой коммуникации. Смотрите об этом подробнее: [6].

После вывода о том, что текст, при помощи которого производится попытка коммуникации, совершенно не соответствует возможностям адресной аудитории, от дальнейших рассуждений по поводу избранного предмета исследования вполне можно и воздержаться. Рассматриваемая коммуникация неэффективна.

Единственное, о чем хотелось бы еще раз сказать, это о том, что по Г. Лассуэллу термин «эффективность» рассматривается как простое «возрастание рациональности». Дешевле, быстрее, меньше текста и т. д. – все это возможные грани данного явления. Как отечественное правоведение, так и российское законодательство, к сожалению, не используют этого простого рецепта и превращают понятие «эффективность» в еще одну многогранную теоретическую проблему, затрудняя на практике и без того весьма сложный процесс усвоения российского права. О правовом содержании термина «эффективный» смотрите подробнее: [7].

Список источников

1. Васьковский Е. В. Избранные работы польского периода. М.: Статут, 2016. 640 с.
2. Марченко М. Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. 640 с.
3. Воронцов С. Г. Модель коммуникации Г. Д. Лассуэла как элемент методологии цивилистических исследований // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 414–431. EDN XDTJRL.
4. Воронцов С. Г. Адресат правовой информации: понятие и свойства // Экономика и предпринимательство. 2016. № 12-1 (77). С. 1219–1226. EDN XGVAKT.
5. Воронцов С. Г. Адресат правовой информации: для кого пишутся российские законы // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 29. С. 43–47. EDN VVCCGR.
6. Воронцов С. Г. К вопросу о проблеме эффективности правового регулирования в современной России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 3 (17). С. 16–22. EDN PDRZIB.
7. Воронцов С. Г. «Эффективный»: правовое содержание понятия и способы определения // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов: сб. науч. ст., Пермь, 18–19 нояб. 2016 г. / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. Пермь: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2017. С. 63–68. EDN TCNCPW.

References

1. Vas'kovskii E. V. Izbrannye raboty pol'skogo perioda [Selected works of the Polish period]. Moscow, Statut, 2016, 640 p. (In Russ.).
2. Marchenko M. N. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of Government and Rights]. Moscow, Prospekt, 2011, 640 p. (In Russ.).
3. Vorontsov S. G. Model' kommunikatsii G. D. Lassuela kak element metodologii tsivilisticheskikh issledovaniy [G. D. Lasswell's model of communication as an element of the methodology of civil studies]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy*. 2019, no. 1, pp. 414-431. (In Russ.).
4. Vorontsov S. G. Adresat pravovoi informatsii: ponyatie i svoistva [Addressee of legal information: concept and properties]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. 2016, no. 12-1 (77), pp. 1219-1226. (In Russ.).
5. Vorontsov S. G. Adresat pravovoi informatsii: dlya kogo pishutsya rossiiskie zakony [Addressee of legal information: for whom Russian laws are written]. *Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve*. 2016, no. 29, pp. 43-47. (In Russ.).
6. Vorontsov S. G. K voprosu o probleme effektivnosti pravovogo regulirovaniya v sovremennoi Rossii [To the question of the problem of the effectiveness of legal regulation in modern Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 2012, no. 3 (17), pp. 16-22. (In Russ.).
7. Vorontsov S. G. «Effektivnyi»: pravovoe soderzhanie ponyatiya i sposoby opredeleniya ["Effective": legal content of the concept and methods of definition]. *Sed'moi Permskii kongress uchenykh-yuristov*. Perm, STATUT, 2017, pp. 63-68. (In Russ.).

Информация об авторе

С. Г. Воронцов – кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса,
Прикамский социальный институт;
доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

S. G. Vorontsov – Candidate of Juridical Sciences,
Head of the Department of Civil Law and Process, Prikamsky Social Institute;
Associate Professor at the Department of Business Law,
Civil and Arbitration Process, Perm State National Research University.

Статья поступила в редакцию 06.10.2022; одобрена после рецензирования 10.10.2022;
принята к публикации 11.10.2022.

The article was submitted 06.10.2022; approved after reviewing 10.10.2022; accepted for
publication 11.10.2022.

Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 14–20.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2022. No. 2 (92). P. 14-20.

Научная статья
УДК 340

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Виктория Викторовна Соловьёва

Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецк, Россия, viktoriya-solove@list.ru

Аннотация. Статья посвящена отдельным проблемам прав человека в условиях глобализации.

Ключевые слова: права и свободы человека, глобализация, социальное равенство

Для цитирования: Соловьёва В. В. Права человека в контексте глобализации // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 14–20.

Original article

HUMAN RIGHTS IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Viktoriya V. Solovyova

Lipetsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk, Russia, viktoriya-solove@list.ru

Abstract. The article is devoted to individual problems of human rights in the context of globalization.

Keywords: human rights and freedoms, globalization, social equality

For citation: Solovyova V. V. Human rights in the context of globalization. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2022. No. 2 (92). Pp. 14-20. (In Russ.).

Глобализация представляет собой преимущественно экономический процесс, однако те вызовы, которые она бросает человечеству, выходят далеко за пределы экономики. Сам процесс глобализации, как отмечают практически все исследователи, является противоречивым явлением. С одной стороны, она открывает новые возможности для развития, позволяет эффективней использовать ресурсы и преимущества международного разделения труда. Глобализация способствовала интенсификации демократических процессов в различных регионах мира: за последнюю четверть XX в. более ста стран покончили с диктаторскими или однопартийными режимами. Правительства многих государств пересмотрели свое отношение к международным пактам по правам человека: к 2000 г. основные документы в области прав человека (Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания, Конвенция о правах ребенка) были ратифицированы почти половиной государств.

С другой стороны, глобализация обнажает и обостряет существующие в мире противоречия и конфликты, создает новые угрозы безопасности человека, что не может не сказываться на положении в области прав человека. Официальное одобрение соответствующих международных норм часто носит формальный характер, одной из причин этому является различие в ценностных установках разных типов сообществ.

Современные представления о правах человека сложились в рамках либеральных учений, базовыми ценностями которых были свобода личности и предпринимательства, гражданское равенство, представительное правление. Однако даже в рамках западной системы ценностей существует различие в понимании политики защиты прав человека между США и Европой. Современный немецкий философ Юрген Хабермас в связи с этим отмечает: «США практикуют глобальное соблюдение прав человека как национальную миссию мировой державы, которая преследует эту цель, предпосылая ей политику с позиции силы. Большинство правительств стран-участниц Европейского союза понимают под политикой защиты прав человека проект сплошного насыщения правом международных отношений, который уже сегодня изменяет параметры политики с позиции силы» [1].

То, что представляется нормой с точки зрения либерального правосознания, не обязательно воспринимается так же в других системах политических ценностей, сформированных в иной социокультурной среде. Стремление развитых западных стран навязать права человека в их западнической трактовке, зачастую пренебрегая нормами международного права, насаждая, как утверждает Ю. Хабермас, «интервенционистскую политику защиты прав человека» [1] (многим памятен плакат, на котором Джордж Буш на фоне боевых ракет указывает пальцем на вас: «Вы еще не верите в нашу демократию? Тогда мы летим к вам!»), не может не вызывать противодействия и воспринимается в остальном мире как форма экспансии. Это особенно характерно для мусульманских стран и этнических общностей. Рост национального и религиозного фундаментализма, межэтнические конфликты и неутихающие гражданские войны – яркое тому свидетельство. Религиозные организации от требований «прощения» долгов странам третьего мира перешли к критике неолиберальной экономической модели. Антиглобалистские организации призывают к упразднению Всемирного банка и Международного валютного фонда.

Между тем изменения происходят и в среде активных адептов глобальной неолиберальной политики: Всемирный банк, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, Всемирный экономический форум, говоря словами Наоми Кляйн, «перестали отрицать, что их модель глобализации не привела к обещанным результатам, и теперь заняты – по крайней мере, сообщают об этом в своих публичных заявлениях – парадоксами долгового рабства, пандемией СПИДа и судьбой миллиардов людей, не вовлеченных в мировую экономику» [2, с. 268].

Из выявившегося противоречия между принципами невмешательства во внутренние дела суверенных государств и обязательства членов ООН уважать неотчуждаемые права человека возникла доктрина «гуманитарного вмешательства», исходящая из представления о миропорядке, основанном на космополитическом, «мирогражданском праве» [1]. Но мир еще далек от такого миропорядка, а навязать его силой невозможно. Странам, берущим на себя миссию «гуманитарного вмешательства», не удастся избежать двойных стандартов, и на деле за красивыми словами часто скрываются чьи-то геополитические интересы. Однако из этого не следует максима, что нужно оставить жертвы их палачам. Мировое сообщество не может оставаться равнодушным ни к фактам нецивилизованного поведения властей, подвергающим жестоким репрессиям собственных граждан, ни к действиям тер-

рористов, посягающих на жизнь мирных людей разных стран. «Террористическое целевое отчуждение государственного насилия превращает гражданскую войну в привычном смысле этого слова в преступления против больших масс людей. Если нет другого выхода, демократические соседние страны обязаны незамедлительно оказать легитимную с точки зрения международного права вынужденную помощь» [1]. Силовое вмешательство при этом должно осуществляться на основе законных и универсальных принципов, т. е. под эгидой ООН. Как подчеркивает Ю. Хабермас, «несформированность мирогражданского состояния требует от политиков особой чувствительности. Уже существующие институты и процедуры являются единственными наличными средствами проверки правильности или ложности суждений той стороны, которая стремится действовать во имя миропорядка в целом» [1].

В контексте глобализации специального внимания требует вопрос об экономических, социальных и культурных правах, т. к. именно они являются показателем развития человека. Глобализация сопровождается усилением неравенства в распределении доходов, особенно между странами, и одновременно обостряет осознание неравенства. Мировой рынок вследствие его несовершенства различия между странами не сглаживает, а обостряет. Между «золотым» и «голодным» миллиардами – пропасть в уровне, качестве и образе жизни. ООН считает крайне бедными людей, живущих менее чем на 1 долл. в день. Это порог абсолютной бедности, или нищеты, в которой в настоящее время проживает около 1,4 млрд человек. Бедность является «первопричиной или сопутствующим, отягощающим фактором многих других глобальных проблем, что, естественно, осложняет их решение» [3]. Свыше 800 млн людей в мире страдают от недоедания, 113 млн детей не посещают начальную школу, более 850 млн взрослых не умеют читать и писать, около 1 млрд – не имеют доступа к воде, пригодной для питья, 2,4 млрд – к базовой санитарии. Треть мирового населения до сих пор лишена возможности пользоваться электроэнергией, примерно столько же не имеют доступа к элементарным лекарственным препаратам. Особенно остро эти проблемы стоят в Южной Африке. За последние двадцать лет там было потеряно полмиллиона рабочих мест, ставки заработной платы для беднейших 40 % работающего населения упали на 21 %, плата за воду в бедных регионах выросла на 55 %, а за электричество – до 400 % [2]. Отсутствие чистой, пригодной для питья воды вызвало вспышку холеры, охватившей 100 тыс. человек.

Складывающаяся ситуация несовместима с современными представлениями о правах человека. Массовая нищета, отсутствие работы, элементарного образования, доступа к медико-санитарным услугам с полным основанием стали рассматриваться как отказ в осуществлении прав. Быть бедным означает быть бесправным и уязвимым. Подобное признание, присутствующее теперь в документах ООН, является важным шагом вперед в современном понимании прав человека.

Существующая международная система прав человека отражает условия того мира, в центре которого стояло государство, она плохо приспособлена к новым историческим реалиям. Глобализация породила новые институты, способные влиять на ситуацию с правами человека: транснациональные корпорации (ТНК), мировые финансовые центры, глобальные межправительственные и неправительственные организации.

Фактически глобализация приводит к сдвигу во властных отношениях на мировой арене: власть все больше переходит от публичных к частным структурам, от национальных правительств к ТНК и международным финансовым центрам. Известны случаи, когда некоторые ТНК, действуя на территории развивающихся стран, игнорировали либо грубо нарушали права человека, поддерживали репрессивные режимы и использовали репрес-

сивные методы. Некоторые исследователи считают, что складывающаяся ситуация позволяет говорить о «феномене нового авторитаризма». Решения ТНК, влияющие на судьбы миллионов людей в различных регионах мира, принимаются никем не избранными и не подотчетными демократическим институтам чиновниками нередко в сговоре с коррумпированными местными элитами.

Недостатки рыночной системы, которые на национальном уровне еще могут быть нейтрализованы существующими механизмами государственного регулирования, на наднациональном уровне, где такие механизмы отсутствуют, проявляются с особой остротой. Государства, особенно это касается развивающихся стран, не в состоянии защитить национальную экономику и социально-экономические права своих граждан.

Все это не может не отражаться на правах человека, среди которых особое значение приобретают «права солидарности»: право на развитие, право на жизнь в условиях мира, на экологически чистую окружающую среду, право на общее наследие человечества. Эти права, включая в себя весь комплекс гражданских и социально-экономических прав, являются, таким образом, синтетическими. Их наиважнейшая особенность есть то, что они могут быть осуществлены лишь совместными, всеобщими усилиями и потому требуют деятельного участия граждан, общественных и частных учреждений, государств и международных организаций.

Наиболее активными поборниками «прав солидарности» являются антиглобалисты, чьи акции, по выражению *Financial Times*, «сотрясают правительства и крупнейшие компании мира». Движение антиглобалистов по своему характеру является транснациональным социальным движением. В нем участвуют сотни тысяч людей, ему сочувствуют миллионы. Антиглобалисты требуют большей прозрачности международных финансовых учреждений, более справедливого распределения доходов, увеличения налогов на экспорт и импорт капитала, включения в торговые соглашения положений, предусматривающих соблюдение норм трудового права и защиты окружающей среды, сокращение внешнего долга для развивающихся стран. По сути, это движение в защиту экономических и социальных прав граждан.

Под давлением мировой общественности правительства ведущих индустриальных стран вынуждены признать наличие в мире проблем, связанных с глобализацией. Так, на юбилейной сессии Генеральной ассамблеи ООН в 2000 г. и состоявшейся в ее рамках встрече глав государств и правительств (Саммите тысячелетия) была принята Декларация тысячелетия – во многих отношениях новаторский документ.

Декларация подчеркивает значение фундаментальных ценностей: права людей жить в достойных условиях, свободных от голода, страха и насилия; равенства прав и возможностей пользоваться благами развития; солидарности; терпимости; уважения к природе. В качестве одной из основных ценностей и задач мирового сообщества названа общая обязанность по управлению глобальной экономикой и социальным развитием, ибо «глобализация может обрести полностью всеохватывающий и справедливый характер лишь через посредство широкомасштабных и настойчивых усилий по формированию общего будущего, основанного на нашей общей принадлежности к роду человеческому во всем его многообразии» [4]. Это важное положение конкретизируется: назначены сроки решения ряда крупнейших социальных и экологических проблем. Так, к 2015 г. предполагалось сократить вдвое долю населения земного шара, имеющего доход менее одного доллара в день и страдающего от голода, и долю населения земного шара, не имеющего доступа к безопасной питьевой воде; обеспечить детям во все мире (как мальчикам, так и девочкам) начальное школьное образование и равный доступ ко всем уровням образования; добиться снижения материнской смертности на три четверти и смертности среди

детей в возрасте до пяти лет на две трети; к 2015 г. остановить распространение ВИЧ/СПИДа; к 2020 г. обеспечить улучшение жизни как минимум 100 млн обитателей трущоб, как это предусмотрено инициативой «Города без трущоб» [4].

Сегодня мы можем констатировать, что определенные успехи в реализации Декларации достигнуты. Однако для осуществления всех поставленных целей не хватает политической воли к действию. Без нее заявленные в этом программном документе цели будут оставаться лишь декларативными, а миллионы людей будут по-прежнему жить в нищете, не имея доступа к базовой инфраструктуре.

Несколько иная картина предстает в докладе Президента Всемирного банка Джима Ен Кима: за последние двадцать лет уровень бедности сократился с 43 до 21 %. Таким образом, «первая из Целей развития, провозглашенных в Декларации тысячелетия ООН, – сокращение масштабов бедности в два раза – была достигнута за пять лет до намеченного срока» [5]. Группа Всемирного банка, объединяющая 188 стран-членов банка, ставит перед собой достаточно амбициозные цели: покончить с нищетой к 2030 г. и увеличить доходы 40 % беднейших граждан каждой страны.

В преамбуле доклада Amnesty International 2017 г., посвященного правам человека, генеральный секретарь организации Салил Шетти отмечает: «В этом году исполняется 70 лет Всеобщей декларации прав человека, и совершенно очевидно, что никто из нас не может рассчитывать на безусловное соблюдение своих прав. Мы точно не можем рассчитывать на то, что сможем свободно собираться на акции протеста или критиковать наши правительства. Также мы не можем рассчитывать на то, что, когда мы состаримся или станем нетрудоспособными, нам будет доступно государственное обеспечение, что наши дети могут расти в городах с чистым и пригодным для дыхания воздухом, или на то, что молодые люди, закончив учебу, смогут найти работу, которая позволит им купить дом» [6]. Наступление на базовые ценности, лежащие в основе прав человека – признающие достоинство и равноправие всех людей, достигло колоссальных масштабов. Вооруженные конфликты, подпитываемые международной торговлей оружием, по-прежнему приводят к огромным и часто преднамеренным жертвам среди мирного населения в Йемене, Ираке и Сирии. В то же время защита национальной безопасности и борьба с терроризмом служили предлогами для правительств, стремящихся нарушить баланс между государственной властью и индивидуальными свободами. Государства несут непосредственную ответственность за защиту людей от актов насилия, целью которых является устрашение; тем не менее всё чаще они делают это за счет прав человека, а не ради их защиты [6].

В общем оценка влияния глобализационных процессов на реализацию прав человека коренным образом разнится в зависимости от того, кто эту оценку дает: независимые международные организации, представители антиглобалистских кругов или глобальные финансовые институции. В целом же глобализированный мир становится все более поляризованным: на одном полюсе – нищета и бесправие, на другом – вызывающая роскошь, что становится плодородной почвой для социальных и этнических конфликтов, питает международный терроризм. Ликвидация нищеты является не только целью развития человечества, но и одной из центральных задач в области прав человека в XXI в, потому как процесс глобализации отнюдь не обязательно влечет за собой нарушение прав человека. Скорее наоборот, достаточно просмотреть доклад Amnesty International, чтобы выделить страны, где наиболее широко нарушаются права человека: Афганистан, Нигерия, Зимбабве, Северная Корея, Судан. Глобализация едва ли дошла до этих стран.

Всё, чего мы хотим, очевидно: единства общества, защиты окружающей среды, искоренения нищеты, снижения уровня преступности, мирной жизни, личной свободы, равных возможностей для всех. В итоге можно объединить в одно предложение самые известные конституционные девизы на земле: право на жизнь, свобода, равенство, братство и стремление к счастью. Только сегодня, в отличие от XVIII в., недостаточно просто декларировать права и свободы, необходимо добиваться осуществления на деле всех прав человека для всего населения всех стран. Ситуация, складывающаяся в современном мире, требует согласованной политики если не в решении, то хотя бы в смягчении наиболее острых социальных проблем. Политики, способной интегрировать в процесс экономической глобализации человеческое и социальное измерение.

Список источников

1. Хабермас Ю. Зверство и гуманность. Война на границе права и морали [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Гумер». URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Hab_ZvGum.php (дата обращения: 02.05.2022).
2. Кляйн Н. No Logo. Люди против брэндов [Электронный ресурс] // Rebel Studies Library: [сайт]. URL: http://rebels-library.org/files/klein_ljudi_protiv_brendov.pdf (дата обращения: 02.05.2022).
3. Иванов Н., Гоффе Н., Монусова Г. Глобализация и бедность [Электронный ресурс] // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 9. С. 29–42. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/k00mbhxl6r/74969762.pdf> (дата обращения: 02.05.2022).
4. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сент. 2000 г. // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 02.05.2022).
5. Мир без бедности: это в наших силах – речь Президента Группы Всемирного банка Джима Ен Кима в Джорджтаунском университете // Всемирный банк: [сайт]. 2013. 2 апр. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/speech/2013/04/02/world-bank-group-president-jim-yong-kims-speech-at-georgetown-university> (дата обращения: 02.05.2022).
6. Amnesty International. Доклад 2017/2018: Права человека в мире [Электронный ресурс] // Amnesty International: [сайт]. 2018. 22 февр. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/pol10/6700/2018/ru/> (дата обращения: 02.05.2022).

References

1. Khabermas Yu. Zverstvo i gumannost'. Voina na granitse prava i morali [Brutality and humanity. War on the border of law and morality]. *Elektronnaya biblioteka «Gumer»*. (In Russ.). Available at: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Hab_ZvGum.php (accessed: 02.05.2022).
2. Klyain N. No Logo. Lyudi protiv brendov [No logo. People versus brands]. *Rebel Studies Library*. (In Russ.). Available at: http://rebels-library.org/files/klein_ljudi_protiv_brendov.pdf (accessed: 02.05.2022).
3. Ivanov N., Goffe N., Monusova G. Globalizatsiya i bednost' [Globalization and poverty]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2010, no. 9, pp. 29-42. (In Russ.). Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/k00mbhxl6r/74969762.pdf> (accessed: 02.05.2022).
4. Deklaratsiya tysyacheletiya Organizatsii Ob"edinennykh Natsii [United Nations Millennium Declaration]. *Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii*. (In Russ.). Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (accessed: 02.05.2022).
5. Mir bez bednosti: eto v nashikh silakh - rech' Prezidenta Gruppy Vsemirnogo banka Dzhima En Kima v Dzhordzhtaunskom universitete [A World Without Poverty: We Can Do It - Speech by World Bank Group President Jim Yong Kim at Georgetown University]. *Vsemirnyi bank*. 2013. (In Russ.). Available at: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/speech/2013/04/02/world-bank-group-president-jim-yong-kims-speech-at-georgetown-university> (accessed: 02.05.2022).
6. Amnesty International. Doklad 2017/2018: Prava cheloveka v mire [Amnesty International. Report 2017/2018: Human rights in the world]. *Amnesty International*. 2018. (In Russ.). Available at: <https://www.amnesty.org/en/documents/pol10/6700/2018/ru/> (accessed: 02.05.2022).

Информация об авторе

В. В. Соловьёва – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, Липецкий филиал Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Information about the author

V. V. Solovyova – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Criminal Law, Process and Criminalistics, Lipetsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Статья поступила в редакцию 05.09.2022; одобрена после рецензирования 14.09.2022; принята к публикации 15.09.2022.

The article was submitted 05.09.2022; approved after reviewing 14.09.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 21–24.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2022. No. 2 (92). P. 21-24.

Научная статья
УДК 346.9

НЕДОБРОСОВЕСТНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И ЕВРОСОЮЗА

Олег Валерьевич Мальцев^{1,2}

¹ Пермский филиал Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия, malczevleg@yandex.ru

² Западно-Уральский институт экономики и права, Пермь, Россия

Аннотация. Осуществление предпринимательской деятельности в любой экономической системе требует правовой регламентации конкурентных отношений, возникающих в процессе этой деятельности. В статье проанализированы положения конкурентного законодательства Российской Федерации и Евросоюза применительно к недобросовестному поведению участников рынка.

Ключевые слова: конкуренция, недобросовестная конкуренция, законодательство, хозяйствующие субъекты

Для цитирования: Мальцев О. В. Недобросовестная конкуренция в законодательстве России и Евросоюза // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 21–24.

Original article

UNFAIR COMPETITION IN THE LEGISLATION OF RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION

Oleg V. Maltsev^{1,2}

¹ Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Perm, Russia, malczevleg@yandex.ru

² West Ural Institute of Economics and Law, Perm, Russia

Abstract. The implementation of entrepreneurial activity in any economic system requires legal regulation of competitive relations that arise in the process of its implementation. This article analyzes the provisions of the competition legislation of the Russian Federation and the European Union in relation to the unfair behavior of participants.

Keywords: competition, unfair competition, legislation, economic entities

For citation: Maltsev O. V. Unfair competition in the legislation of Russia and the European Union. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2022. No. 2 (92). Pp. 21-24. (In Russ.).

Важной составной частью предпринимательской среды любого государства является конкуренция, ей в России уделяется особое внимание начиная с 1991 г., что отразилось в принятии закона «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»¹. Необходимо отметить, что при отсутствии в нашей стране опыта регла-

¹ О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках: закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16. Ст. 499.
© Мальцев О. В., 2022

ментации конкурентных отношений пришлось опираться на законодательство в данной области наиболее прогрессивных в тот период времени стран, таких как США, Германия, Англия, имевших длительную историю развития конкурентных отношений.

Исходя из того, что Россия входит в романо-германскую правовую семью, подходы к правовому регулированию в Германии ближе российской действительности, мы обратимся к законодательству ФРГ.

Законодательство о недобросовестной конкуренции Германии регламентирует поведение экономических субъектов в рамках делового оборота; применительно к немецкой экономике это «право деловой практики». Отметим, что первоначально в Германии были недостаточно проработаны различия между добросовестным и недобросовестным поведением, что в судебной практике приводило к принятию решений, приближенных к англо-американскому деловому праву (case law). В 2004 г. немецкое регулирование конкурентных отношений начало приобретать более самостоятельный вид, что сказалось и на российском законодательстве от 2006 г.

Национальное конкурентное право стран Евросоюза формируется под влиянием директив Европейского союза, которые должны быть реализованы всеми государствами-членами ЕС в их соответствующем национальном праве. Несмотря на то, что Россия не является членом Европейского союза, отмечается большое влияние законодательства ЕС на нормы отечественного права. Невзирая на такое сближение правового регулирования, российские хозяйствующие субъекты не стали «своими» в этой экономической реальности, о чем свидетельствуют многочисленные дела, возбужденные против российских компаний.

По европейскому законодательству недобросовестными являются только такие действия, которые противоречат профессиональным обычаям или обычаям делового оборота и оказывают или могут оказать существенное влияние на экономическое поведение сторон участников или отношения в целом. Немецкая судебная практика разрешает одно важное противоречие, которое порождено несовершенством законодательства; это противоречие связано с тем, что в какой-то определенной сфере может не быть сформировавшихся обычаев или устоявшейся деловой практики.

Аналогичный подход мы можем наблюдать и в российском законодательстве, в частности в вышеназванном законе 1991 г., который просуществовал практически в неизменном виде вплоть до 1995 г. Именно в 1995 г. в Закон «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» были внесены поправки с учетом уже накопленного опыта России, опыта входящих в Евросоюз стран.

В 2006 г. был принят Федеральный закон «О защите конкуренции»¹, в котором при сохранении основ регулирования, определенных историческим развитием, содержалось много нового. В частности, изменилось одно из ключевых понятий – понятие товара. С данного момента понятие «товар» стало рассматриваться в более широком аспекте. Во-первых, товар стали отождествлять с объектами гражданских прав, а не объектами экономических отношений, как это было ранее. Во-вторых, понятие товара охватило в том числе финансовую услугу, что имеет большое значение в связи с тем, что конкуренция на рынке финансовых услуг имеет особенности по сравнению с конкуренцией в рамках стандартного гражданского оборота. В-третьих, понятие товара связали с особенностями его введения в оборот, расширив сферу продажи и обмена. В определении Верховного Суда РФ от 9 декабря 2015 г. № 304-КГ15-8874 по делу № А67-4453/2014² было сформулировано содержание этого доста-

¹ О защите конкуренции: федер. закон от 26 июля 2006 № 135-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 9 дек. 2015 г. по делу № 304-КГ15-8874, А67-4453/2014 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

точно неопределенного понятия – «иное введение в оборот», под которым суд предложил понимать не только сам факт продажи или обмена, но и продажу и производство, предложение к продаже, демонстрацию товара на выставках и ярмарках, размещение обозначения, сходного с товарным знаком правообладателя, на интернет-сайтах.

Изменения коснулись понятий «конкуренция» и «недобросовестная конкуренция», под которой необходимо понимать только действия хозяйствующих субъектов. А это, в свою очередь, позволяет высказать мысль о том, что бездействие не образует состава нарушения законодательства о конкуренции и не может являться основанием применения к субъекту юридической ответственности в рамках антимонопольного регулирования. При этом необходимо отметить, что не должно рассматриваться как отсутствие нарушения пассивное поведение в тех случаях, когда требуется совершение каких-либо действий, но они отсутствуют со стороны экономического субъекта.

Обращает на себя внимание и тот факт, что поведение субъектов, нарушающих конкурентное законодательство, должно быть связано исключительно с предпринимательской деятельностью, а не с любым аспектом гражданского оборота. При этом важно, что данные субъекты не обязательно должны иметь легальный статус предпринимателя, т. е. быть зарегистрированными и включены в ЕГРЮЛ или ЕГРИП. Иными словами, факт государственной регистрации не может быть напрямую увязан с неконкурентным поведением. Это означает, что хозяйствующие субъекты, осуществляющие экономическую деятельность нелегально, при условии, что эта деятельность соответствует признакам предпринимательской деятельности, закрепленным в ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации¹, подпадают под действие ст. 14.1–14.8 Федерального закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

Поскольку перечень ст. 14.8 Федерального закона № 135-ФЗ является открытым, то действия, отнесенные или относимые к недобросовестным, должны соотноситься с общими признаками противоречия конкурентному законодательству и иным установленным правилам поведения в форме «обычаев оборота», что также нашло отражение в законе Швейцарии, в котором «в качестве недобросовестного и незаконного признается всякое поведение или коммерческая практика, противоречащая доброй торговой практике» [1, с. 525].

Необходимо учитывать, что несовершенство конкурентного законодательства создает противоречия между законодательными актами, его образующими. Это происходит, в частности, между федеральными законами «О защите конкуренции» и «О естественных монополиях»², что отмечалось бывшим руководителем Федеральной антимонопольной службы России И. Ю. Артемьевым.

Это позволяет нам высказать предложение о необходимости отменить Федеральный закон «О естественных монополиях» и сосредоточить все регулирование конкурентных правоотношений, в том числе в сфере естественных монополий, в Федеральном законе «О защите конкуренции», дополнив его соответствующей главой «Правовое регулирование естественных монополий».

Действия субъектов предпринимательства могут противоречить не только нормам федерального законодательства, но и общесоциальным, философским и морально-нравственным категориям, поскольку это далеко не правовые категории, то найти их черты или признаки в соответствующем законе не представляется возможным. К таким категориям закон относит добропорядочность, разумность и справедливость. Заметим: даже по вопросу о том, что представляют собой добросовестность и разумность, существуют разные точки зрения (к примеру, Е. Богданова [2], В. Емельянова [3, с. 98–100], В. Белова [4]).

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

² О естественных монополиях: федер. закон от 17 авг. 1995 г. № 147-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 34. Ст. 3426.

Данная проблема актуальна не только для российского законодательства. Так, Закон ФРГ о недобросовестной конкуренции (Gesetz gegen unlauteren Wettbewerb (UWG)) 1909 г. определял недобросовестную конкуренцию как противоречащую добрым нравам.

Изменения в законодательстве коснулись и субъектного состава. Указание на это мы находим в ст. 4 Федерального закона «О защите конкуренции» – в понятии «хозяйствующие субъекты». Сравнительный анализ законов 1991, 1995 и 2006 гг. позволяет выявить ряд различий, например, исключение органов власти из списка хозяйствующих субъектов.

Наконец, обращает на себя внимание признак, связанный с причинением убытков или нанесением ущерба деловой репутации. Развитие правовой регламентации данного признака привело к тому, что реальность убытков или ущерба перестала иметь практическое значение. Это означает, что на данном этапе развития законодательства достаточно того, что действия хозяйствующего субъекта могут причинить ущерб или убытки. Иными словами, данный признак может быть рассмотрен как факультативный.

Список источников

1. Гражданское и торговое право зарубежных стран: учеб. пособие / под ред. В. В. Безбаха, В. К. Пучинского. М.: МЦФЭР, 2004.
2. Богданов Е. Категория «добросовестность» в гражданском праве // Российская юстиция. 1999. № 9.
3. Емельянов В. И. Разумность, добросовестность и незлоупотребление гражданскими правами. М.: Лекс-книга, 2002.
4. Белов В. А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. 1998. № 8. С. 49.

References

1. Grazhdanskoe i torgovoe pravo zarubezhnykh stran [Civil and commercial law of foreign countries]. Moscow, MTsFER, 2004. (In Russ.).
2. Bogdanov E. Kategoriya «dobrosovestnost'» v grazhdanskom prave [The category of "good faith" in civil law]. Rossiiskaya yustitsiya. 1999, no. 9. (In Russ.).
3. Emel'yanov V. I. Razumnost', dobrosovestnost' i nezloupotreblenie grazhdanskimi pravami [Reasonableness, good faith and non-abuse of civil rights]. Moscow, Leks-kniga, 2002. (In Russ.).
4. Belov V. A. Dobrosovestnost', razumnost', spravedlivost' kak printsipy grazhdanskogo prava [Conscientiousness, reasonableness, justice as principles of civil law]. Zakonodatel'stvo. 1998, no. 8, p. 49. (In Russ.).

Информация об авторе

О. В. Мальцев – кандидат экономических наук, доцент,
Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
доцент, Западно-Уральский институт экономики и права.

Information about the author

O. V. Maltsev – Candidate of Economic Sciences, Docent,
Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration; Docent, West Ural Institute of Economics and Law.

Статья поступила в редакцию 02.09.2022; одобрена после рецензирования 15.09.2022; принята к публикации 17.09.2022.

The article was submitted 02.09.2022; approved after reviewing 15.09.2022; accepted for publication 17.09.2022.

Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 25–28.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2022. No. 2 (92). P. 25-28.

Научная статья
УДК 343.97

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Михаил Львович Мушарацкий

Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Пермь, Россия,
mml_59@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные угрозы экономической безопасности от преступлений экономического характера. Автор обобщены статистические данные для анализа экономической преступности в Российской Федерации. Рассмотрены актуальные направления экономических преступлений, причины совершения данных преступлений, а также уровень их латентности.

Ключевые слова: экономика, экономические преступления, экономическая безопасность, латентность

Для цитирования: Мушарацкий М. Л. Экономическая преступность и ее влияние на экономическую безопасность // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 25–28.

Original article

ECONOMIC CRIME AND ITS IMPACT ON ECONOMIC SECURITY

Mikhail L. Musharatsky

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, mml_59@mail.ru

Abstract. The article considers the main threats to economic security from economic crimes. The author summarizes statistical data for the analysis of economic crime in the Russian Federation. The current directions of economic crimes, the reasons for the commission of these crimes, as well as the level of latency of these crimes are considered.

Keywords: economics, economic crimes, economic security, latency

For citation: Musharatsky M. L. Economic crime and its impact on economic security. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2022. No. 2 (92). Pp. 25-28. (In Russ.).

За последнее время в России значительно возросло количество экономических преступлений – как в абсолютном значении, так и по сравнению с другими странами. Например, за 2021 г. было совершено более 140 тыс. преступлений в сфере экономики, по приблизительным данным принесших ущерб около 500 млрд руб. [1]. Несмотря на тот факт, что правоохранительные органы ведут работу по обеспечению экономической безопасности государства и профилактике экономических преступлений¹, уровень преступности в экономической сфере растет.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

© Мушарацкий М. Л., 2022

Под экономическими преступлениями следует понимать общественно опасные деяния, направленные на нарушение банковской, внешнеэкономической, рыночной деятельности, а также частные случаи, которые несут большие экономические потери и дестабилизируют экономику страны в целом.

Особенностью преступлений в экономической сфере является их скрытность и нанесение большого вреда всей экономической системе. Кроме того, почти все экономические преступления хорошо спланированы и имеют прямой умысел. Однако бывают и исключения, когда данные преступления совершаются без какого-либо умысла, по неосторожности.

Экономические преступления совершаются, как правило, в двух направлениях. Первое направление – вмешательство в определенное экономическое пространство, в отдельную сферу экономики с последующим причинением ущерба участникам данной сферы. Второе направление – вмешательство в экономические отношения между различными предприятиями, организациями. В последнем случае дестабилизируется экономическая составляющая данных субъектов, что может повлечь огромные финансовые потери, а также привести к полному распаду компании или организации.

Самым популярным преступлением в сфере экономики является мошенничество в области закупок. Международная сеть компаний PricewaterhouseCoopers проанализировала экономические преступления в России и отмечает, что взяточничество составляет 29 % от общего числа преступлений экономической направленности, а коррупция – 25 %, это выше средних показателей по всему миру. Экономические преступления с использованием информационных технологий, так называемые киберпреступления, составляют 31 % [2].

Стоит отметить, что киберпреступность представляет собой сложноустроенную систему, и зачастую данные преступления являются латентными или нераскрываемыми. Порой предприятия, организации даже не догадываются о таких преступлениях, а они совершаются уже систематически в течение долгого времени.

Однако латентной может быть не только киберпреступность. Экономические преступления в большинстве случаев являются латентными, что отмечают многие исследователи и практики. Уровень латентности таких преступлений от общей массы экономических преступлений составляет от 70 до 85 %.

Преступления, связанные с фальшивыми деньгами, а также другими ценными бумагами, менее латентны, поскольку выявляются при наличном расчете за товары или услугу, а также при проведении проверок во время ревизии на предприятиях или в финансовых организациях.

Латентную составляющую экономических преступлений представляют: незаконная предпринимательская деятельность; преступления, связанные с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем; монополистические действия и ограничение конкуренции; изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов; взяточничество [2].

Из-за большой латентности сложно определить реальное количество экономических преступлений и рассчитать причиненный ими ущерб, что также создает трудности в борьбе с экономическими преступлениями и в разработке профилактической политики по их совершению.

Как уже отмечалось, опасность преступлений в экономической сфере заключается не только в прямом материальном ущербе, но и в ущербе для экономической системы в целом. Преступники незаконно обогащаются, что приводит к неравномерному распределению ресурсов в обществе.

Уровень экономической преступности растет параллельно с развитием информационных технологий, и опасность от данных преступлений также увеличивается, что требует усовершенствования методики обнаружения и расследования этих преступлений.

Рассмотрим причины экономических преступлений. Их можно разделить на две категории – общие и специальные, и обусловлены они различными сферами общественной деятельности (политическая, экономическая, социальная). Мы остановимся на экономических причинах. Они включают в себя:

1. Неурегулированность экономических отношений.
2. Функционирование теневой экономики, развитие криминальных отношений.
3. Неуверенность субъектов экономических отношений в защищенности своего капитала, что приводит к его переводу за границу.
4. Большое количество людей за чертой уровня бедности.
5. Социально расслоение по уровню дохода.
6. Отсутствие экономической защиты и гарантий со стороны государства [3].

Анализируя экономические причины преступности данного вида, обратим внимание на то, что прослеживается достаточно сильная связь между преступлениями в сфере экономической деятельности и политикой. Когда в стране складывается благоприятная экономическая ситуация, когда экономика страны стабильна, тогда связь политики и экономики практически незаметна. В случае экономического кризиса начинает прослеживаться четкая взаимозависимость двух вышеназванных сфер жизнедеятельности общества: любые экономические потрясения всегда неразрывно связаны с политикой.

Следует отметить, что на качественное и количественное изменение экономических преступлений оказывает влияние огромное количество различных по своей природе факторов. Все эти факторы, независимо от своей природы, тесно взаимосвязаны. Поэтому при анализе экономических преступлений, их причин следует применять комплексный подход, т. е. исследовать все факторы преступлений в их совокупности, неразрывной связи, что позволяет более объективно оценить состояние экономической преступности и проследить динамику развития данных преступлений.

Таким образом, преступность все чаще имеет место в современных экономических отношениях. Эта ситуация, безусловно, требует разрешения. Необходимы действенные меры борьбы с экономическими преступлениями. Разработка и реализация хорошо продуманной политики борьбы с данными видами преступлений не только позволит уменьшить количество латентной преступности в экономической сфере, но и даст возможность проводить эффективную профилактику экономических преступлений. Данные действия будут способствовать развитию экономики как отдельных субъектов, так и страны в целом, повышая уровень ее экономической безопасности.

Список источников

1. Состояние преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/folder/101762/%20ket/9338947> (дата обращения: 04.04.2022).
2. Российский обзор экономических преступлений за 2021 год // PricewaterhouseCoopers: [сайт]. URL: <https://www.pwc.ru/publications/resc-2021.html> (дата обращения: 01.04.2022).
3. Кузьмина Н. В. Современные аспекты противодействия организованной преступности: криминологический анализ [Электронный ресурс]. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2021. URL: <https://www.directmedia.ru/book-602399-sovremennyye-aspektyi-protivodeystviya-organizovannoy/> (дата обращения: 04.04.2022).

References

1. Sostoyanie prestupnosti [State of Crime]. *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii*. (In Russ.). Available at: <https://мвд.рф/folder/101762/%20ket/9338947> (accessed: 04.04.2022).

2. Rossiiskii obzor ekonomicheskikh prestuplenii za 2021 god [Russian Economic Crime Survey 2021]. *PricewaterhouseCoopers*. (In Russ.). Available at: <https://www.pwc.ru/ru/publications/resc-2021.html> (accessed: 01.04.2022).

3. Kuz'mina N. V. *Sovremennye aspekty protivodeistviya organizovannoi prestupnosti: kriminologicheskii analiz* [Modern aspects of combating organized crime: criminological analysis]. Moscow, Berlin, Direkt-Media, 2021. (In Russ.). Available at: <https://www.directmedia.ru/book-602399-sovremennyye-aspektyi-protivodeystviya-organizovannoy/> (accessed: 04.04.2022).

Информация об авторе

М. Л. Мушарацкий – кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,
Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний.

Information about the author

M. L. Musharatsky – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer
at the Department of Criminal and Penal Enforcement Law,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Статья поступила в редакцию 29.08.2022; одобрена после рецензирования 12.09.2022; принята к публикации 13.09.2022.

The article was submitted 29.08.2022; approved after reviewing 12.09.2022; accepted for publication 13.09.2022.

Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 29–38.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2022. No. 2 (92). P. 29-38.

Научная статья
УДК 349.235

СТАНДАРТНЫЕ РЕЖИМЫ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ, СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Лилия Анатольевна Березюк

Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь,
2505624@gmail.com

Аннотация. Целью настоящей статьи является анализ современного уровня правового регулирования режима рабочей недели и режима рабочего дня на основе историко-правового, сравнительно-правового и формально-юридического методов познания. Результатом исследования стали рекомендации по внесению изменений в законодательство о труде Республики Беларусь.

Ключевые слова: рабочее время, режим рабочей недели, режим рабочего дня, перерывы, начало и окончание рабочего дня

Для цитирования: Березюк Л. А. Стандартные режимы рабочего времени: исторические, сравнительно-правовые аспекты и направления совершенствования // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 29–38.

Original article

STANDARD WORKING HOURS: HISTORICAL, COMPARATIVE LEGAL ASPECTS AND DIRECTIONS OF IMPROVEMENT

Lilia A. Berezyuk

Belarusian State Economic University, Minsk, Republic of Belarus, 2505624@gmail.com

Abstract. The purpose of this article is to analyze the current level of legal regulation of the regime of the working week and the regime of the working day on the basis of historical-legal, comparative-legal and formal-legal methods of knowledge. The study resulted in recommendations for amending the labor legislation of the Republic of Belarus.

Key words: working time, working week, working day, breaks, beginning and end of the working day

For citation: Berezyuk L. A. Standard working hours: historical, comparative legal aspects and directions of improvement. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2022. No. 2 (92). Pp. 29-38. (In Russ.).

Важной составляющей частью института рабочего времени является его режим. Наиболее полное отражение процесса развития законодательства, регулирующего режим рабочего времени, содержится в научных трудах таких советских ученых, как Л. Я. Гинцбург [1] и А. И. Процевский [2], а также в работах российских ученых – И. Я. Киселева [3; 4], А. М. Лушникова и М. В. Лушниковой [5].

В период независимости Республики Беларусь исследования в области правового регулирования режима рабочего времени не носили столь масштабного характера по сравнению с советским периодом. В частности, можно отметить работы таких белорусских ученых, как А. А. Греченков [6; 7; 8], В. И. Кривой [9], Л. Я. Островский [10; 11]. Помимо этого, в Республике Беларусь практически не проводилось комплексных научных исследований отдельных режимов рабочего времени и их рационального применения в организациях, несмотря на безусловную актуальность данного вопроса. Традиционно в научной литературе режимы рабочего времени принято делить на стандартные и нестандартные. К стандартным, как правило, относятся режим рабочей недели и режим рабочего дня, которые и стали объектом исследования в настоящей статье.

Историко-правовое исследование стандартных режимов рабочего времени показало, что история развития их правового регулирования началась более ста лет назад и была связана, в первую очередь, с развитием фабричного законодательства, которое закрепило минимальные правовые гарантии в области продолжительности и распределения рабочего времени (продолжительность рабочего дня, необходимость предоставления обязательных перерывов для отдыха и питания, ограничение применения сверхурочной работы, а также работы в ночное время подростков и женщин) [12].

Декрет Рабочего и Крестьянского Правительства от 29 октября (11 ноября) 1917 г. «О восьмичасовом рабочем дне»¹, впервые в мире установивший восьмичасовой рабочий день, практически не затрагивал сферу регулирования режима рабочего времени. Первым комплексным актом, урегулировавшим некоторые режимы рабочего времени, стал Кодекс законов о труде РСФСР от 4 ноября 1918 г.² (далее – КЗоТ 1918 г.), который применялся и на части территории Беларуси, входившей в рассматриваемое время в состав РСФСР на правах автономной области [13]. На уровне КЗоТ 1918 г. регулировалось распределение рабочего времени в течение рабочего дня, однако не был урегулирован такой важный элемент режима рабочего времени, как время начала и окончания рабочего дня (смены). Иные режимы рабочего времени, в том числе режим рабочей недели, не нашли правового закрепления в КЗоТ 1918 г. Следующим актом, который объединил в себе новые нормы трудового права, стал КЗоТ РСФСР от 9 ноября 1922 г.³ (далее – КЗоТ 1922 г.), действие которого было официально распространено на территорию всех союзных и автономных советских республик и областей⁴, а следовательно, на восточную часть Беларуси, т. к. западная Беларусь по Рижскому мирному договору 1921 г. являлась частью Польши [13]. КЗоТ 1922 г. содержал обновленные по сравнению с положениями КЗоТ 1918 г. нормы только относительно режима рабочего дня (а именно распределение перерывов в течение дня, а также включение / исключение их из рабочего времени) и официального закрепления режима разделения рабочего дня на части. Впервые КЗоТ 1922 г. закреплял положение, в соответствии с которым время начала и окончания рабочего дня, а также перерывов в работе устанавливалось на локальном уровне (ст. 101) (за исключением служащих государственных учреждений, для которых режим рабочего дня устанавливался в централизованном порядке на протяжении всего развития законодательства о труде).

¹ О восьмичасовом рабочем дне: декрет Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР от 29 окт. 1917 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. № 1. Ст. 10.

² Кодекс законов о труде: Кодекс ВЦИК от 10 дек. 1918 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917–1918. № 77–78. Ст. 905.

³ Кодекс законов о труде РСФСР издания 1922 года, принятый на IV сессии ВЦИК IX созыва, с алф.-предм. указ. М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. 61 с.

⁴ О введении в действие Кодекса Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р. изд. 1922 г.: постановление ВЦИК РСФСР от 9 нояб. 1922 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.

Период конца 1920-х – начала 1930-х гг. характеризуется планомерным установлением на территории СССР семичасового рабочего дня в соответствии с постановлением Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) СССР от 15 октября 1927 г., которым утверждался Манифест ко всем рабочим и трудящимся¹. Сокращение рабочего дня сопровождалось новшествами и в регулировании режимов рабочего времени, круг которых расширился такими видами рабочей недели, как «пятидневка», «шестидневка», «непрерывка» и др. Первый белорусский Кодекс законов о труде 1929 г., введенный в действие постановлением ЦИК и СНК БССР от 27 июля 1929 г.², не внес существенных изменений в правовое регулирование режима рабочего времени и продолжал действовать с некоторыми изменениями и дополнениями на территории Беларуси до 1972 г.

Период Великой Отечественной войны и послевоенный период восстановления экономики страны характеризовались некоторыми отступлениями от установленных правил продолжительности и распределения рабочего времени. В частности, режим рабочей недели сменился на семидневную с одним выходным днем³ (т. е. данный вид рабочей недели являлся аналогом шестидневной рабочей недели по действующему Трудовому кодексу Республики Беларусь⁴ (далее – ТК)); изменился порядок регулирования времени начала и окончания рабочего дня⁵.

Важным событием в истории развития правового регулирования режимов рабочего времени стал планомерный перевод работников на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями с сохранением установленной продолжительности рабочей недели, который осуществлялся в целях облегчения условий труда работников, а также в целях более рациональной и эффективной организации производства и дальнейшего роста производительности труда⁶. Отметим, что вид рабочей недели включал в себя только рабочие дни, дни отдыха оставались за пределами рабочей недели. До этого момента в законодательстве о труде рабочая неделя рассматривалась как сумма рабочих дней и дней отдыха (что показывает прямое распределение и рабочего времени, и времени отдыха). Так, пятидневная рабочая неделя означала четыре дня работы и один день отдыха. Только в 1967 г. впервые введена пятидневная рабочая неделя в современном понимании (состоящая только из пяти рабочих дней).

В связи с принятием 15 июля 1970 г. Закона СССР «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде»⁷ впервые в истории законодательства, регулирующего режим рабочего времени, на уровне кодекса был урегулирован режим рабочей недели (шестидневная рабочая неделя с одним выходным днем и пятидневная ра-

¹ Манифест ко всем рабочим, трудящимся крестьянам, красноармейцам Союза ССР, к пролетариям всех стран и угнетенным народам мира [Электронный ресурс]: постановление ЦИК СССР от 15 окт. 1927 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кодекс законов о труде БССР: постановление ЦИК и Совета нар. комиссаров БССР от 27 июля 1929 г. // Собр. законов БССР. 1929. № 33. Ст. 191.

³ О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений: указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 20. Ст. 1.

⁴ Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] от 26 июля 1999 г. № 296-З: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.; одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г.; в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 июня 2022 г. № 183-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь: [сайт]. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900296&q_id=5909789 (дата обращения: 15.06.2022).

⁵ О порядке проведения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»: постановление СНК СССР от 27 июня 1940 г. // Собр. постановлений Правительства СССР. 1940. № 16. Ст. 385.

⁶ О переводе рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями [Электронный ресурс]: постановление ЦК КПСС, Совета министров СССР и ВЦСПС от 7 марта 1967 г. № 199. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О переводе рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями: постановление ЦК КПБ, Совета Министров БССР и БРСПС от 8 апр. 1967 г. // Собр. законодательства БССР. 1967. № 15. Ст. 212.

⁷ Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде: закон СССР от 15 июля 1970 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. № 29. Ст. 265.

бочая неделя с двумя выходными днями, недельная норма рабочего времени равнялась 41 часу) (ст. 30). Выбор вида режима рабочей недели предоставлялся администрации предприятия совместно с профсоюзом с учетом специфики работы, мнения трудового коллектива и по согласованию с местным Советом народных депутатов [14].

В дальнейшем совершенствованию планомерно подвергались различные режимы рабочего времени, в первую очередь нестандартные. Правовое регулирование режима рабочей недели и рабочего дня в целом остается неизменным. Необходимо отметить: хотя использование стандартных режимов рабочего времени во всем мире постепенно снижается, особенно во многих развитых странах, доступные данные показывают, что такая стандартная модель остается преобладающим вариантом работы в большинстве стран [15; 16, р. 43]. Остановимся подробнее на современном состоянии правовой регламентации указанных аспектов и определим направления для их совершенствования.

Режим рабочей недели. Режим рабочей недели урегулирован ст. 124 ТК, которая предусматривает два вида рабочей недели: пятидневную с двумя выходными днями и шестидневную с одним выходным днем. Если при пятидневной рабочей неделе сумма часов пяти рабочих дней за календарную неделю меньше недельной нормы, неотработанная возмещается по мере ее образования в отдельные недели за счет одного или двух (за исключением воскресенья) выходных дней, которые в графике работ (сменности) планируются как рабочие дни.

Сумма часов работы по графику сменности при пятидневной и шестидневной рабочей неделе должна соответствовать расчетной норме рабочего времени каждого календарного года.

Следовательно, ТК признает равенство двух видов рабочей недели и возможность выбора любой из них. Отдельно ст. 112 ТК нормирует продолжительность рабочего времени в неделю, что является обоснованным, т. е. разграничивается нормирование продолжительности и распределения рабочего времени (в отличие, например, от смешения этих функций в законодательстве о труде Украины¹ и Казахстана²).

В целом сопоставление трудовых кодексов государств-членов СНГ позволяет подтвердить преемственность норм советского периода. Все трудовые кодексы государств-членов СНГ предусматривают пятидневную и шестидневную рабочие недели. При этом, как правило, шестидневная рабочая неделя вводится при невозможности работы в условиях пяти рабочих дней (за исключением Армении, где шестидневная рабочая неделя может устанавливаться только для работников в общеобразовательной системе)³.

Помимо стандартных пяти- и шестидневной рабочих недель, в трудовых кодексах некоторых стран прямо предусмотрена возможность организации работы в режиме рабочей недели с предоставлением выходных дней по скользящему графику⁴, а также в пределах сжатой рабочей недели, состоящей из четырех или четырех с половиной дней, при условии соблюдения предельной недельной нормы рабочего времени⁵. Широкий перечень

¹ Ст. 52 Кодекса законов о труде Украины от 10 декабря 1971 г. № 322–VIII [Электронный ресурс]: в ред. Закона Украины от 12 мая 2022 г. № 2253–IX // Законодательство стран СНГ. Союзправоинфо: [сайт]. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=8651 (дата обращения: 15.06.2022).

² Ст. 71 Трудового кодекса Республики Казахстан от 23 ноября 2015 г. № 414–V ЗРК [Электронный ресурс]: в ред. Закона Респ. Казахстан от 7 июля 2020 г. № 361–VI ЗРК // Законодательство стран СНГ. Союзправоинфо: [сайт]. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=80710 (дата обращения: 15.06.2022).

³ Ч. 2 ст. 142 Трудового кодекса Республики Армения от 14 дек. 2004 г. № ЗР–124 [Электронный ресурс]: в ред. Закона Респ. Армения от 9 июня 2020 г. № ЗР–287 // Законодательство стран СНГ. Союзправоинфо: [сайт]. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=8660 (дата обращения: 15.09.2021).

⁴ Ст. 72 Трудового кодекса Республики Таджикистан от 23 июля 2016 г. [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ. Союзправоинфо: [сайт]. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2317 (дата обращения: 15.09.2021); ч. 3 ст. 66 Трудового кодекса Туркменистана от 18 апр. 2009 г. № 30–IV [Электронный ресурс]: в ред. Закона Туркменистана от 4 нояб. 2017 г. № 636–V // Законодательство стран СНГ. Союзправоинфо: [сайт]. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=27704 (дата обращения: 28.12.2021).

⁵ Ч. 3 ст. 98 Трудового кодекса Республики Молдова от 28 марта 2003 г. № 154 [Электронный ресурс]: в ред. Закона Респ. Молдова от 21 мая 2020 г. № 69 // Законодательство стран СНГ. Союзправоинфо: [сайт]. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3836 (дата обращения: 15.09.2021).

видов рабочей недели содержит Трудовой кодекс Российской Федерации: пятидневная, шестидневная, со скользящим графиком и неполная рабочие недели¹.

Важно отметить, что и ТК прямо предусматривает еще один вид рабочей недели – неполную рабочую неделю (ч. 1 ст. 118), однако ст. 124 ТК не содержит указания на данный факт. При этом анализ правового регулирования неполного рабочего времени показал, что в ТК целесообразно разграничить правовое регулирование неполного рабочего времени как нормы рабочего времени и как разновидности режима рабочего дня (недели) [17].

ТК предусматривает преимущественно распределение рабочего времени на локальном уровне (нанимателем (ч. 1 ст. 124 ТК)). Вместе в тем в некоторых случаях вид рабочей недели предусматривается непосредственно законодательством. В частности, Советом Министров Республики Беларусь установлен режим рабочего времени в республиканских органах государственного управления, а именно для работников аппарата министерств, других республиканских органов государственного управления установлено время начала работы 9 часов, перерыв для отдыха и питания – с 13 до 14 часов, время окончания работы – 18 часов, выходные дни – суббота и воскресенье². Соответственно для названных работников централизованно установлен режим рабочего дня и режим рабочей недели. В данном контексте можно также говорить о совпадении режима работы организации с режимом рабочего времени работникам.

Такое централизованное установление режима рабочего времени (как рабочего дня, так и рабочей недели) вызывает закономерный вопрос о порядке изменения вида рабочей недели для работников соответствующих сфер. Изменение вида рабочей недели может быть вызвано инициативой работника или нанимателя как на индивидуально-договорном, так и на локальном уровне. Например, в первом случае работник может заявить о желании перейти на неполную рабочую неделю в связи с возникновением одного из обстоятельств, указанных в ч. 2 ст. 289 ТК. По инициативе нанимателя пятидневная или шестидневная рабочая неделя может изменяться в связи с обоснованными производственными, организационными или экономическими причинами в порядке, предусмотренном ст. 32 ТК. Кроме этого, не запрещено устанавливать индивидуальный режим рабочего времени по соглашению сторон. В таком случае, как видится, требуется соблюдение общего порядка установления (изменения) режима рабочего времени, при этом нормы, устанавливаемые централизованно (например, нормы Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 29 сентября 2000 г. № 1498 «Об изменении режима рабочего времени в республиканских органах государственного управления»), применяться не будут. В связи с этим возникает закономерный вопрос о необходимости в целом централизованно устанавливать режим рабочего времени работникам республиканских органов государственного управления. Возможно, в данном случае законодателем предполагалось установление *режима работы* названных органов.

При этом мнение о необходимости разграничения режима рабочего времени и режима работы неоднократно высказывалось в советской научной литературе [1, с. 241], продолжает обсуждаться и в настоящее время [9, с. 51; 11, с. 13]. Так, В. И. Кривой указывает, что режим рабочего времени адресован персоналу, а режим работы – нанимателю [9, с. 51]. Л. Я. Островский подчеркивает, что режим работы – сфера регулирования админи-

¹ Ч. 1 ст. 100 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ [Электронный ресурс]: в ред. Федер. закона от 25 февр. 2022 г. № 27-ФЗ // Законодательство стран СНГ. Союзправинфо: [сайт]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1811 (дата обращения: 15.06.2022).

² Об изменении режима рабочего времени в республиканских органах государственного управления: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 29 сент. 2000 г. № 1498 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь: [сайт]. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=c20001498&q_id=5909901 (дата обращения: 15.09.2021).

стративного законодательства, а режим рабочего времени как элемент трудовых отношений регулируется ТК и другими актами законодательства о труде [11, с. 13]. Таким образом, режим работы относится к организации в целом, режим рабочего времени – к работнику (-ам). В данном контексте видится целесообразным внести изменение в название Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 29 сентября 2000 г. № 1498, изложив его в следующей редакции: «Об изменении режима работы в республиканских органах государственного управления». Кроме этого, необходимо заменить в п. 1 Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 29 сентября 2000 г. № 1498 слова «для работников» словами «время работы».

Ч. 1 ст. 124 ТК закрепляет, что режим рабочей недели устанавливается нанимателем по согласованию с профсоюзом. Вместе с тем данная норма не содержит указания на то, каким актом определяется вид рабочей недели. Из этого следует, что вид рабочей недели, являясь разновидностью режима рабочего времени, определяется в соответствии с ч. 3 ст. 123 ТК правилами внутреннего трудового распорядка (ПВТР) или графиком работ (сменности) (аналогичным образом определяется режим рабочей недели на Украине¹ и в Кыргызстане²).

Вместе с тем, как уже выяснено, не исключается ситуация, когда вид рабочей недели устанавливается по соглашению сторон, в силу производственной необходимости, по инициативе работника, когда наниматель обязан изменить режим рабочей недели. Соответственно, вид рабочей недели может определяться также коллективным договором, соглашением, трудовым договором. В частности, соглашение сторон (при отсутствии ПВТР, иных локальных правовых актов) предусмотрено законодательством о труде Узбекистана³ и Таджикистана⁴. Режим рабочей недели устанавливается в трудовом договоре, коллективном договоре и актах работодателя согласно законодательству о труде Молдовы⁵ и Казахстана⁶.

В связи с указанным, а также учитывая положительный опыт регулирования режима рабочей недели в отдельных государствах-членах СНГ, представляется необходимым внести изменения и дополнения в ч. 1 ст. 124 ТК, дополнив ее видами рабочей недели и способом их установления, и изложить ее в следующей редакции:

«В порядке, предусмотренном частью третьей статьи 123 настоящего Кодекса, может быть установлена пятидневная, шестидневная, неполная, сжатая рабочая неделя.»

Режим рабочего дня (смены). Что касается режима рабочего дня (смены), то его значение состоит в том, что данный режим определяет время начала и окончания работы, а также время и (или) продолжительность перерывов (виды и продолжительность перерывов определяются гл. 11 ТК). Для режима рабочей смены дополнительно может определяться число смен в сутках. Режим рабочего времени работника, в том числе режим рабочего дня, в обязательном порядке указывается в трудовом договоре с работником, если он отличается от установленного в организации.

Режим рабочего дня прямо не назван в ТК, однако ч. 2 ст. 123 ТК, называя элементы режима рабочего времени, содержит и элементы режима рабочего дня: время начала и окончания рабочего дня (смены), время перерыва для отдыха и питания и других перерывов.

¹ Ст. 52 Кодекса законов о труде Украины...

² Ст. 94 Трудового кодекса Кыргызской Республики от 4 авг. 2004 г. [Электронный ресурс]: в ред. Закона Кыргызской Респ. от 6 июня 2022 г. № 41 // Законодательство стран СНГ. Союзправонино: [сайт]. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=6714 (дата обращения: 15.06.2022).

³ Ч. 1 ст. 120 Трудового кодекса Республики Узбекистан от 21 дек. 1995 г. [Электронный ресурс]: в ред. Закона Респ. Узбекистан от 3 дек. 2019 г. № ЗРУ-586 // Законодательство стран СНГ. Союзправонино: [сайт]. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=974 (дата обращения: 15.09.2021).

⁴ Ст. 72 Трудового кодекса Республики Таджикистан...

⁵ Ч. 4 ст. 98 Трудового кодекса Республики Молдова...

⁶ Ч. 3 ст. 71 Трудового кодекса Республики Казахстан...

Время начала и окончания ежедневной работы (т. е. рабочего дня) – основной и обязательный элемент любого режима рабочего времени независимо от того, зафиксирован он в ПВТР, графике работ (сменности) или индивидуальном соглашении. Начало и окончание ежедневной работы определяют не только часы и минуты, когда работник должен явиться на свое рабочее место или покинуть его, но и установленная продолжительность рабочего дня (смены). И то, и другое обязательно для работника и нанимателя. Только в графиках гибкого рабочего дня начало и конец работы могут колебаться в заданном диапазоне «от и до» и определяться по усмотрению работника (ст. 128–130 ТК) [11]. Как правило, время начала и окончания рабочего дня одинаково для всех работников либо отдельных подразделений организации. Вместе с тем ТК не запрещает индивидуализировать это время отдельным работником при наличии согласия сторон (например, можно изменить время начала и окончания рабочего дня работнику, имеющему ребенка дошкольного возраста или по другим уважительным причинам). Соглашение об этом должно быть оформлено приказом или распоряжением.

Изменение режима рабочего дня может происходить и в случаях, не зависящих от воли нанимателя и работника. Такое изменение может происходить в рабочие дни, которые предшествуют нерабочему государственному празднику или праздничному дню (ч. 1 ст. 116 ТК). Более того, изменение режима рабочего дня может происходить также по инициативе работника в случае его обращения к нанимателю с просьбой установить неполный рабочий день (ч. 2 ст. 289 ТК) либо по инициативе нанимателя в порядке, установленном ст. 32 ТК (аналогично рассмотренному порядку установления / изменения вида рабочей недели).

Сравнительный анализ трудовых кодексов государств-членов СНГ показал, что ни в одном из них режим рабочего дня прямо не назван, и только на Украине¹ и в Туркменистане² отдельно регламентируются важнейшие элементы режима рабочего дня – начало и окончание работы. При этом в названных статьях не регулируется время перерыва для отдыха и питания, иных перерывов и (или) их продолжительность. Трудовой кодекс Казахстана в ст. 71 «Режим рабочего времени», устанавливая предельную продолжительность ежедневной работы (восемь часов), закрепляет также, что продолжительность ежедневной работы (рабочей смены), время начала и окончания ежедневной работы (рабочей смены), время перерывов в работе определяются с соблюдением условий, установленных правилами трудового распорядка, трудовым и коллективным договорами (ч. 5 ст. 71). В данном случае, с одной стороны, смешивается функция нормирования и распределения продолжительности рабочего времени, с другой стороны, достаточно детально регламентируется состав режима рабочего дня.

Представляется, что в целях обозначения в ТК такой разновидности стандартного режима рабочего времени, как режим рабочего дня, правовому регулированию данного режима следует отвести отдельную статью, аналогичную ст. 124 ТК о рабочей неделе. Так, предлагается дополнить ТК ст. 124¹ следующего содержания:

«Статья 124¹. Режим рабочего дня (смены)

Режим рабочего дня (смены) определяет время начала и окончания работы, а также время перерывов в течение дня (смены). Виды перерывов и их продолжительность определяются главой 11 настоящего Кодекса. Для режима рабочей смены в графике сменности определяется число смен в сутках.

Режим рабочего дня (смены) разрабатывается исходя из режима работы, применяемого у нанимателя, и определяется локальными правовыми актами, условиями трудового договора, работником (часть вторая статьи 307–4 настоящего Кодекса)».

¹ Ст. 57 Кодекса законов о труде Украины...

² Ст. 71 Трудового кодекса Туркменистана...

При внесении указанных дополнений в ТК видится обоснованным исключить из ч. 2 ст. 123 ТК слова «время начала и окончания рабочего дня (смены), время обеденного и других перерывов», оставив состав рабочего дня только в предлагаемой ст. 124¹ ТК.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Сопоставление историко-правовых аспектов правового регулирования режима рабочего времени показало, что положения действующего законодательства в части рабочего времени во многом заимствованы из советского законодательства о труде (в частности, подход к сущности режима рабочей недели). Вместе с тем законодательство о труде Республики Беларусь лишено идеологических положений социалистической системы СССР.

В настоящее время ТК содержит достаточно детальную регламентацию режима рабочей недели и режима рабочего дня. Однако выявлены моменты, которые можно усовершенствовать. Так, в ТК требуется закрепить виды рабочей недели, способ их установления, а также разграничить регламентацию режима рабочей недели и режима рабочего дня, четко обозначив их состав. Это позволит повысить уровень правовых гарантий реализации и защиты права работников на отдых и восстановление трудоспособности, а также упорядочить действия нанимателей при установлении и (или) изменении рассматриваемых режимов рабочего времени.

Список источников

1. Гинцбург Л. Я. Регулирование рабочего времени в СССР. М.: Наука, 1966. 304 с.
2. Процевский А. И. Рабочее время и рабочий день по советскому трудовому праву. М.: Госюриздат, 1963. 182 с.
3. Киселев И. Я. Сравнительное трудовое право: учебник. М.: ТК Велби, Проспект, 2005. 360 с.
4. Киселев И. Я. Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда. М.: Эксмо, 2005. 608 с.
5. Лушников А. М., Лушникова М. В. Правовое регулирование меры труда и отдыха (рабочее время, нормирование труда, время отдыха) // Курс трудового права: учебник: в 2 т. М.: Статут, 2009. Т. 2. С. 418–531.
6. Греченков А. А. Концептуальные вопросы совершенствования положений Трудового кодекса Республики Беларусь о рабочем времени и времени отдыха // Юстиция Беларуси. 2017. № 5. С. 33–37.
7. Греченков А. А. Концептуальные вопросы рабочего времени: сравнительно-правовой анализ и возможность совершенствования трудовых кодексов государств-участников СНГ // Трудовое право в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 27–30.
8. Греченков А. А. Рабочее время // Трудовое право / В. И. Семенов [и др.]. Минск: Адукацыя і выхаванне, 2016. С. 368–382.
9. Кривой В. И. Рабочее время: комментарий новейшего законодательства. Гомель: Е. А. Ковалева, 2008. 416 с.
10. Островский Л. Я. Рабочее время: практ. пособие. Минск: Белбизнеспресс, 1998. 78 с.
11. Островский Л. Я. Режим рабочего времени: понятие, назначение, формы, виды, утверждение, стандарты // Отдел кадров. 2003. № 9 (32). С. 11–19.
12. Березюк Л. А. Возникновение и развитие фабричного законодательства, регулирующего рабочее время // Управление социально-экономическими системами и правовые исследования: теория, методология и практика: сб. науч. работ: в 2 т. / Ин-т экономики и права Брянского гос. ун-та; редкол.: Н. В. Фомин (отв. ред.) [и др.]. Брянск: ИЭиП БГУ, 2017. Т. 2. С. 40–50.
13. Административно-территориальное деление Беларуси [Электронный ресурс] // Белорусский научно-исследовательский центр электронной документации, 2006–2022. URL: <http://archives.gov.by/index.php?id=989746> (дата обращения: 26.01.2022).

14. Березюк Л. А. Режим рабочего времени в советском законодательстве о труде // *Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Сер. Д. Эканоміка, сацыялогія, права: навукова-метадычны часопіс*. 2018. № 2 (52). С. 98–106.
15. Foundation Findings: Working time in the EU [Electronic resource] / European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, 2012, Belgium. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/publications/foundation-findings/2012/working-conditions/foundation-findings-working-time-in-the-eu> (date of access: 03.08.2021).
16. Working time in the twenty-first century: Discussion report for the Tripartite Meeting of Experts on Working-time Arrangements 2011, 17–21 October 2011 / International Labour Office, Geneva, ILO, 2011. 77 p.
17. Березюк Л. А. Установление неполного рабочего времени отдельным категориям лиц // *Кадровик*. 2022. № 4. С. 43–52.

References

1. Gintsburg L. Ya. Regulirovanie rabocheho vremeni v SSSR [Regulation of working hours in the USSR]. Moscow, Nauka, 1966, 304 p. (In Russ.).
2. Protsevsikii A. I. Rabochee vremya i rabochii den' po sovetskomu trudovomu pravu [Working hours and working day according to Soviet labor law]. Moscow, Gosyurizdat, 1963, 182 p. (In Russ.).
3. Kiselev I. Ya. Sravnitel'noe trudovoe pravo [Comparative Labor Law]. Moscow, Velbi, Prospekt, 2005. 360 p. (In Russ.).
4. Kiselev I. Ya. Trudovoe pravo Rossii i zarubezhnykh stran. Mezhdunarodnye normy truda [Labor law of Russia and foreign countries. International Labor Standards]. Moscow, Eksmo, 2005, 608 p. (In Russ.).
5. Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. Pravovoe regulirovanie mery truda i otdykha (rabochee vremya, normirovanie truda, vremya otdykha). [Legal regulation of measures of work and rest (working time, work rationing, rest time)]. *Kurs trudovogo prava*. Moscow, Statut, 2009, vol. 2, pp. 418–531. (In Russ.).
6. Grechenkov A. A. Kontseptual'nye voprosy sovershenstvovaniya polozhenii Trudovogo kodeksa Respubliki Belarus' o rabochem vremeni i vremeni otdykha [Conceptual issues of improving the provisions of the Labor Code of the Republic of Belarus on working time and rest time]. *Yustitsiya Belarusi*. 2017, no. 5, pp. 33–37. (In Russ.).
7. Grechenkov A. A. Kontseptual'nye voprosy rabocheho vremeni: sravnitel'no-pravovoi analiz i vozmozhnost' sovershenstvovaniya trudovykh kodeksov gosudarstv-uchastnikov SNG [Conceptual issues of working time: comparative legal analysis and the possibility of improving the labor codes of the CIS member states]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom*. 2013, no. 2, pp. 27–30. (In Russ.).
8. Grechenkov A. A. Rabochee vremya [Working time]. *Trudovoe pravo*. Minsk, Adukatsiya i vykhavanne, 2016, pp. 368–382. (In Russ.).
9. Krivoi V. I. Rabochee vremya: kommentarii noveishego zakonodatel'stva. [Working hours: a commentary on the latest legislation]. Gomel, 2008, 416 p. (In Russ.).
10. Ostrovskii L. Ya. Rabochee vremya [Working time]. Minsk, Belbiznespress, 1998, 78 p. (In Russ.).
11. Ostrovskii L. Ya. Rezhim rabocheho vremeni: ponyatie, naznachenie, formy, vidy, utverzhdenie, standarty [Working hours: concept, purpose, forms, types, approval, standards]. *Otdel kadrov*. 2003, no. 9 (32), pp. 11–19. (In Russ.).
12. Berezyuk L. A. Vozniknovenie i razvitie fabrichnogo zakonodatel'stva, reguliruyushchego rabochee vremya [The emergence and development of factory legislation governing working hours]. *Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskimi sistemami i pravovye issledovaniya: teoriya, metodologiya i praktika*. Bryansk, IEiP BGU, 2017, vol. 2, pp. 40–50. (In Russ.).
13. Administrativno-territorial'noe delenie Belarusi [Administrative-territorial division of Belarus]. *Belorusskii nauchno-issledovatel'skii tsentr elektronnoi dokumentatsii*, 2006–2022. (In Russ.). Available at: <http://archives.gov.by/index.php?id=989746> (accessed: 26.01.2022).
14. Berezyuk L. A. Rezhim rabocheho vremeni v sovetskom zakonodatel'stve o trude [Working hours in the Soviet labor legislation] *Vesnik Magileŭskaga dzyarzhaj'naga universiteta imya A. A. Kulyashova. Ser. D. Ekanomika, satsyyalogiya, prava: navukova-metadychny chasopis*. 2018, no. 2 (52), pp. 98–106. (In Russ.).

15. Foundation Findings: Working time in the EU [Electronic resource] / European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, 2012, Belgium. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/publications/foundation-findings/2012/working-conditions/foundation-findings-working-time-in-the-eu> (date of access: 03.08.2021).

16. Working time in the twenty-first century: Discussion report for the Tripartite Meeting of Experts on Working-time Arrangements 2011, 17–21 October 2011 / International Labour Office, Geneva, ILO, 2011. 77 p.

17. Berezyuk L. A. Ustanovlenie nepolnogo rabocheho vremeni otdel'nym kategoriyam lits [Establishment of part-time work for certain categories of persons]. *Kadrovik*. 2022, no. 4, pp. 43-52. (In Russ.).

Информация об авторе

Л. А. Березюк – магистр юридических наук,
ассистент кафедры государственно-правовых дисциплин,
Белорусский государственный экономический университет.

Information about the author

L. A. Berezyuk – Master of Laws,
Assistant at the Department of State and Legal Disciplines,
Belarusian State Economic University.

Статья поступила в редакцию 07.09.2022; одобрена после рецензирования 15.09.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 07.09.2022; approved after reviewing 15.09.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 39–45.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2022. No. 2 (92). P. 39-45.

Научная статья
УДК 343.8

ИСПОЛНЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ РЕЖИМА КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Данила Витальевич Елфимов¹, Марина Вячеславовна Максименко² ✉

¹ Исправительная колония № 40 ГУФСИН России по Пермскому краю, Кунгур, Россия

² Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Пермь, Россия,
m_maximenko@inbox.ru ✉

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы организации и обеспечения исполнения требований режима в исправительных учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы. Авторы анализируют состояние и динамику криминальной обстановки в учреждениях, осуществляющих изоляцию от общества, выявляют перспективы развития отдельных направлений деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы по предупреждению противоправных действий со стороны осужденных.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, наказание, лишение свободы, режим, сотрудник уголовно-исполнительной системы

Для цитирования: Елфимов Д. В., Максименко М. В. Исполнение требований режима как средство обеспечения безопасности функционирования исправительных учреждений // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 39–45.

Original article

IMPLEMENTATION OF THE REQUIREMENTS OF THE REGIME AS A MEANS OF ENSURING THE SECURITY OF THE FUNCTIONING OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS

Danila V. Elfimov¹, Marina V. Maksimenko² ✉

¹ Correctional colony No. 40 of the General Administration of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Perm Region, Kungur, Russia

² Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia,
m_maximenko@inbox.ru ✉

Abstract. The article deals with the problematic issues of organization and enforcement of the regime in correctional institutions that exercise property rights in the form of freedom. The authors analyze the state and dynamics of the criminal situation in institutions, show their isolation from society, identify development prospects with special attention to the institutions of the penitentiary system to prevent illegal actions by prejudice.

Keywords: penitentiary system, punishment, deprivation of liberty, regime, employee of the penitentiary system

For citation: Elfimov V. V., Maksimenko M. V. Implementation of the requirements of the regime as a means of ensuring the security of the functioning of correctional institutions. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2022. No. 2 (92). Pp. 39-45. (In Russ.).

В современный период развития российской пенитенциарной системы отмечается усиление международно-правовой ориентации России, направленной на поиск оптимального соотношения гуманизации условий отбывания наказания осужденными и обеспечения правопорядка и безопасности в обществе. Данный процесс связан с непосредственным преобразованием законодательства и практики исполнения наказания.

Проблема совершенствования режима отбывания наказания в исправительных учреждениях является одной из важнейших, стоящих перед уголовно-исполнительной системой (УИС). В целях всестороннего исследования проблем, возникающих при исполнении требований режима в исправительных учреждениях, необходимо изучить факторы, влияющие на режим исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы.

Первым фактором, влияющим на состояние режима, является его нормативно-правовое регламентирование. Безусловно, ключевые вопросы режима в исправительных учреждениях конкретизируются в соответствующих ведомственных нормативных правовых актах, но развитие общества и научно-технический прогресс заставляют законодателя идти в ногу со временем. К сожалению, пенитенциарное законодательство порой не успевает за развитием общества и государства, а особый трепет вызывает рассогласованность норм уголовно-исполнительного права. Данное обстоятельство негативно сказывается на режиме как установленном порядке отбывания наказания.

Вторым фактором выступает кадровое обеспечение уголовно-исполнительной системы. Многофункциональность УИС порождает потребность в специалистах различного профиля, участвующих в исполнении наказаний и обеспечении правопорядка. Состояние режима в исправительных учреждениях на современном этапе прямо зависит от того, кто будет выполнять должностные обязанности по обеспечению режима. Заметим: штатная численность персонала УИС, финансируемого из средств федерального бюджета, по состоянию на 1 апреля 2022 г. составила 295 968 человек, в том числе начальствующий состав – 225 285 человек (в том числе переменный состав – 5 959 человек) [1].

В числе основных проблем считаем целесообразным назвать то, что сегодня, к сожалению, не уделяется должного внимания работе по формированию кадрового резерва из числа сотрудников младшего начальствующего состава для замещения должностей среднего начальствующего состава подразделений безопасности (режима и надзора). Так, в течение 2020 г. на должности среднего начальствующего состава было назначено 1 029 сотрудников, имеющих высшее образование, что составляет всего 9,2 % от их общего количества.

Особую озабоченность вызывает высокий некомплект младшего начальствующего и рядового состава, где в 2021 г. средний показатель по УИС составил 12,5 % [2].

Самые низкие зарплаты в УИС РФ в настоящее время – у вольнонаемных работников ведомства, а также служащих со спецзваниями рядовых / сержантов, только пришедших служить в Федеральную службу исполнения наказаний после окончания одного из ведомственных образовательных заведений на должности младшего инспектора, кинолога, помощника дежурного по КПП и др. В 2022 г. обе категории вышеуказанных работников / служащих получают в среднем 25–27 тыс. руб. в месяц. При этом на уровень заработной платы работников из числа гражданского персонала ФСИН практически не влияют ни стаж работы в ведомстве, ни опыт / квалификация. В то же время их коллеги со спецзваниями по мере службы в УИС с каждым годом получают все большие деньги (за счет присвоения очередных званий и перевода на вышестоящие должности); так, уже через пару лет после начала службы во ФСИН по контракту служащий (например, на должности инспектора или оперуполномоченного) получает около 30 000 руб. ежемесячно.

На моральном состоянии сотрудников и качестве выполнения ими своих обязанностей сказывается и, как выразился глава ФСИН, «недостаточный уровень финансового обеспечения социальных гарантий» [2].

Такое положение дел приводит к оттоку квалифицированных кадров из учреждений и органов УИС и естественно отражается на состоянии правопорядка (режиме) в исправительных учреждениях.

Третьим фактором является количественный и качественный состав лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. В свою очередь, качественный состав осужденных складывается из их уголовно-правовой и уголовно-исполнительной характеристики. Говоря о количественном составе осужденных, можно с уверенностью утверждать о взятом государством курсе гуманизации назначения уголовных наказаний. Существующий арсенал иных мер уголовно-правового характера позволил значительно сократить количественный состав «тюремного населения» нашей страны. В исправительных учреждениях сосредотачиваются особо опасные преступники, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления при том или ином виде рецидива.

Четвертым и не менее важным фактором выступает состояние преступности в местах лишения свободы. По итогам последних трех лет отмечается рост случаев неправомерных действий со стороны подозреваемых, обвиняемых и осужденных в отношении персонала учреждений УИС, связанных с применением насилия: 2018 г. – 203 случая, 2019 г. – 300, 2020 г. – 338, большая часть из которых (243) совершены в исправительном учреждении (2019 г. – 236, 2018 г. – 175). В результате противоправных действий подозреваемых, обвиняемых и осужденных причинен вред здоровью 92 сотрудников (2019 г. – 86, 2018 г. – 55). За 2020 г. в учреждениях УИС зарегистрировано 498 случаев совершения подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными противоправных действий, связанных с угрозами применения насилия и оскорблениями в отношении персонала УИС (2019 г. – 450, 2018 г. – 239). Еще более печально выглядит картина возбужденных уголовных дел. Всего в отношении подозреваемых, обвиняемых и осужденных по фактам противоправных действий относительно персонала УИС в 2020 г. возбуждено 429 уголовных дел (2019 г. – 357, 2018 г. – 249), заметно двукратное увеличение возбуждаемых уголовных дел за последние три года [3]. За девять месяцев 2021 г. в учреждениях УИС обнаружено более 103 тыс. нарушений закона [4].

Существенное влияние на состояние, динамику и структуру преступности среди осужденных оказывает качественный состав лиц, отбывающих наказание. Преобладание в местах лишения свободы осужденных со стойкой антиобщественной направленностью создает наиболее опасную криминогенную среду со всеми вытекающими последствиями.

Таким образом, при реализации режима в исправительных учреждениях названные факторы оказывают основное влияние на правопорядок в местах лишения свободы.

Значительную роль в укреплении правопорядка играют неукоснительное соблюдение установленных уголовно-исполнительным законодательством требований режима содержания осужденных, надзора за ними, а также правильная организация охраны. Очевидно, что надлежаще организованный режим, дисциплинируя поведение осужденных, принуждает к правопослушному поведению.

Выделим проблемы исполнения режима в исправительных учреждениях.

Одна из острых проблем деятельности исправительных учреждений – борьба с проникновением в места лишения свободы запрещенных предметов. Перечень вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденным запрещается изготавливать, иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать, закреплен в Приказе Министерства юстиции РФ от 16 декабря 2016 г. № 295 «Об утверждении Правил внут-

ренного распорядка исправительных учреждений»¹. К таким предметам относятся: оружие; денежные средства; изделия, изъятые из гражданского оборота; зажигалки; все виды алкогольной продукции; продукты питания, требующие тепловой обработки; игральные карты; ножи и т. д.

Однако статистика последних пяти лет, касающаяся деятельности персонала исправительных учреждений по изъятию денежных средств на их территориях, демонстрирует определенную цикличность, которая заключается в чередовании роста и падения количества изъятого, ежегодно сменяющих друг друга. При этом количество изъятых денежных средств постепенно снижается: к концу рассматриваемого периода практически в четыре раза (9,98 млн руб. изъято в 2015 г. против 2,67 млн руб. в 2020 г.) [5].

В результате проведенной в 2020 г. обыскной и досмотровой работы в учреждениях УИС при доставке изъято:

- 1) денежных средств – 2 579,1 тыс. руб.;
- 2) алкогольных напитков и иных изделий на спиртовой основе промышленного изготовления – 1442,8 л;
- 3) средств мобильной связи – 29 518 ед.

За передачу либо попытку передачи подозреваемым, обвиняемым и осужденным запрещенных предметов в пределах прилегающих режимных территорий учреждений УИС задержано 3 349 граждан. Осужденные используют так называемые каналы поставки запрещенных предметов – ухищренные способы доставки в исправительное учреждение предметов, запрещенных для хранения и использования осужденными.

Несмотря на принимаемые меры по предупреждению вышеуказанных нарушений, попытки проноса и передач запрещенных предметов не прекращаются. Их прячут в тетрапакетах, в различных пакетах для приправ, в подкладке одежды, в пачках сигарет, в личных вещах.

Еще одна проблема в профилактике поступления в исправительные учреждения запрещенных предметов, в том числе средств мобильной связи, – низкая оснащенность учреждений современными техническими средствами для осуществления обысков и досмотров.

Любые упущения и попустительства в работе сотрудников учреждения, в том числе возникновение неслужебных связей, напрямую способны создать обстановку, ослабляющую режим содержания в учреждении, что, в свою очередь, ведет к появлению в учреждении запрещенных предметов и веществ.

Одной из причин роста количества пенитенциарных преступлений большинством специалистов признается влияние на осужденных тюремной субкультуры «АУЕ» («Арестантско-уркаганское единство»), «Арестантский уклад един» и т. д.). Решением Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2020 г. данное движение было включено в список экстремистских организаций.

Тюремная субкультура в своем развитии обуславливает некоторые значимые традиции, в том числе правила, нормы, имеющие степень противоречий законопослушному обществу, которые часто оправдывают преступный образ жизни и систему совершения различных преступлений.

Как показывает практика, тюремная субкультура конкретизирована культурой меньшинства, так называемой системой, которая имеет ряд противоречий в стандартной системе культуры. В любом цивилизованном обществе лица, совершившие преступления, под-

¹ Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений [Электронный ресурс]: приказ Минюста России от 16 дек. 2016 г. № 295 (ред. от 22 сент. 2021 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102103069&rdk=&backlink=1> (дата обращения: 01.04.2022).

вергаются изоляции от общества. Однако, находясь в исправительном учреждении, осужденные руководствуются принципами и образцами противоправного поведения. В последующем они распространяют тюремную субкультуру среди осужденных, впервые оказавшихся в исправительных учреждениях, расширяют сферу криминогенного влияния и втягивают в орбиту преступной деятельности новые поколения правонарушителей. В настоящее время тюремная субкультура охватила наиболее уязвимую часть осужденных, которые вступили в данный вид субкультуры и при этом не пытаются из него выйти.

Криминальная ситуация в конечном счете складывается из данных о состоянии пенитенциарной преступности, ее динамики и структуры, сведений о профилактических мерах, принимаемых ФСИН России в целях предупреждения и противодействия криминальным проявлениям в расположении учреждений и органов УИС, о состоянии кадрового состава УИС и распространенности негативных, в особенности криминальных, тенденций в поведении персонала УИС разного уровня.

Латентность пенитенциарных преступлений неизбежно сопряжена с возникновением негативных последствий, таких как:

- отсутствие достоверных данных о фактических объемах преступлений, совершаемых в местах лишения свободы;
- невозможность полного учета величины и характера причиненного преступлением ущерба конкретному осужденному, исправительному учреждению или же УИС в целом;
- сокрытие существующих причин и условий, детерминирующих совершение пенитенциарных преступлений;
- нестабильная реализация принципа неотвратимости ответственности за противоправные деяния;
- формирование у спецконтингента мнения о собственной безнаказанности и ослаблении влияния администрации исправительного учреждения на существующую обстановку;
- отсутствие у осужденных уверенности в способности сотрудников пенитенциарных учреждений обеспечить их личную безопасность, защитить их права и законные интересы;
- отсутствие возможности для составления достоверного прогноза пенитенциарного преступного поведения и планирования деятельности по противодействию совершению преступлений в местах лишения свободы.

Профилактика преступлений в исправительных учреждениях может осложняться следующими обстоятельствами:

- неспособность представителей администрации своевременно осуществлять качественный анализ и оценку обстановки в исправительных учреждениях;
- слабая реакция на происходящие в обществе изменения в связи с имеющейся консервативностью уголовно-исполнительной системы;
- влияние установленной криминальной субкультуры на осужденных, которая ограничивает их в действиях по обращению к представителям администрации за содействием или помощью в разрешении отдельных ситуаций, способных привести к совершению преступлений;
- недостаточность или отсутствие компетентности отдельных сотрудников в вопросах выявления, противодействия, урегулирования и разрешения негативных ситуаций, конфликтов и т. п., что может повлечь за собой совершение преступлений лицами, отбывающими уголовные наказания;
- слабая профессиональная и физическая подготовка сотрудников, не позволяющая эффективно выполнять поставленные задачи.

Таким образом, преступность в исправительных учреждениях является достаточно сложной и серьезной проблемой, которая касается не только сотрудников, работающих в пенитенциарной системе, и осужденных, подверженных преступлениям, но и всего общества в целом.

В данный момент ФСИН имеет серьезные кадровые проблемы: дефицит сотрудников, их профессиональная подготовка и общий культурный уровень.

В исправительных учреждениях находятся люди с психическими отклонениями, аномалиями и патологиями, такие осужденные имеют высокую степень криминогенной опасности, а это значительно усложняет работу сотрудника исправительного учреждения с ними.

Еще одним фактором являются особые условия служебной деятельности в исправительных учреждениях. Сотрудники УИС традиционно относятся к категории лиц с высоким уровнем эмоционально-стрессовых нагрузок. Они исполняют свои служебные обязанности в учреждении закрытого типа и, можно сказать, являются «узниками» своей работы. В этой среде сотрудник подвергается непредсказуемости оперативной обстановки, сверхнормативности и экстремальности условий несения службы, необходимости применения оружия. Все перечисленные условия создают психоэмоциональное напряжение, которое отрицательно сказывается на личности.

Третьим фактором нужно выделить социальный образ сотрудника. В глазах окружающих людей, которые не сталкивались со службой в УИС, сотрудники оцениваются в большинстве своем как «тюремщики», в связи с чем они каждый раз вынуждены доказывать социальную значимость своей профессии.

Таким образом, все вышеперечисленные проблемы так или иначе оказывают воздействие на исполнение режима в учреждениях ФСИН. При этом состояние режима в исправительных учреждениях далеко от идеального, ежегодно в исправительных учреждениях совершаются преступления, имеют место нарушения закона не только среди осужденных, но и среди персонала. Данные вопросы требуют постоянного анализа и действий для их решения со стороны всех участников процесса обеспечения режима в уголовно-исполнительной системе.

Список источников

1. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Федеральная служба исполнения наказаний: офиц. сайт. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 01.04.2022).

2. Глава ФСИН пожаловался на недостаток сотрудников и высокие нагрузки // РИА.Новости: [сайт]. 2021. 12 марта. URL: <https://ria.ru/20210312/fsin-1600960376.html> (дата обращения: 01.04.2022).

3. Отчет о результатах оперативно-служебной деятельности отделов безопасности (режима и надзора) исправительных колоний, лечебных исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений, воспитательных колоний, тюрем, следственных изоляторов, отделов (отделений, групп) режима и надзора территориальных органов ФСИН России за четвертый квартал 2020 года [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Более ста тысяч нарушений выявили в колониях и СИЗО в 2021 году // РИА.Новости: [сайт]. 2021. 16 нояб. URL: <https://ria.ru/20211116/narusheniya-1759274621.html> (дата обращения: 01.04.2022).

5. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых // Федеральная служба исполнения наказаний: офиц. сайт. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/Xarakteristika%20лиц,%20содержащихся%20в%20исправительных%20колониях%20для%20взрослых.pdf> (дата обращения: 05.04.2022).

References

1. Kratkaya kharakteristika ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii [Brief description of the penitentiary system of the Russian Federation]. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii*. (In Russ.). Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (accessed: 01.04.2022).
2. Glava FSIN pozhalovalsya na nedostatok sotrudnikov i vysokie nagruzki [The head of the Federal Penitentiary Service complained about the lack of staff and high workloads]. *RIA.Novosti*. 2021. (In Russ.). Available at: <https://ria.ru/20210312/fsin-1600960376.html> (accessed: 01.04.2022).
3. Otchet o rezul'tatakh operativno-sluzhebnoi deyatelnosti otdelov bezopasnosti (rezhima i nadzora) ispravitel'nykh kolonii, lechebnykh ispravitel'nykh uchrezhdenii, lechebno-profilakticheskikh uchrezhdenii, vospitatel'nykh kolonii, tyurem, sledstvennykh izolyatorov, otdelov (otdelenii, grupp) rezhima i nadzora territorial'nykh organov FSIN Rossii za chetvertyi kvartal 2020 goda [Report on the results of the operational activities of the security departments (regime and supervision) of correctional colonies, medical correctional institutions, medical institutions, educational colonies, prisons, detention centers, departments (departments, groups) of regime and supervision of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia for the fourth quarter 2020]. *Konsul'tantPlyus*.
4. Bolee sta tysyach narushenii vyyavili v koloniyakh i SIZO v 2021 godu [More than a hundred thousand violations were revealed in colonies and pre-trial detention centers in 2021]. *RIA.Novosti*. 2021. (In Russ.). Available at: <https://ria.ru/20211116/narusheniya-1759274621.html> (accessed: 01.04.2022).
5. Kharakteristika lits, soderzhashchikhsya v ispravitel'nykh koloniyakh dlya vzroslykh [Characteristics of persons held in correctional colonies for adults]. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii*. (In Russ.). Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/Характеристика%20лиц,%20содержащихся%20в%20исправительных%20колониях%20для%20взрослых.pdf> (accessed: 05.04.2022).

Информация об авторах

Д. В. Елфимов – заместитель дежурного помощника ИК-40 ГУФСИН России по Пермскому краю, лейтенант внутренней службы;

М. В. Максименко – кандидат философских наук,
доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,
Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний.

Information about the authors

D. V. Elfimov – Lieutenant of Internal Service;

M. V. Maksimenko – Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor
at the Department of Criminal and Penal Law, Perm Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Статья поступила в редакцию 07.09.2022; одобрена после рецензирования 16.09.2022; принята к публикации 19.09.2022.

The article was submitted 07.09.2022; approved after reviewing 16.09.2022; accepted for publication 19.09.2022.

Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 46–51.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2022. No. 2 (92). P. 46-51.

Научная статья
УДК 342.4

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Максим Сергеевич Мачехин¹, Эвелина Юрьевна Бузинская²

¹ Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Пермь, Россия,
ma4ehin.maxim@yandex.ru

² Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия,
buzinskayae@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные проблемы защиты и реализации конституционных прав граждан на доступ к информации в цифровой среде. Право на информацию занимает одно из ключевых мест в современном информационном обществе, оно отражено в Конституции Российской Федерации. Цифровая форма реализации данного права способствует созданию соответствующего цифрового информационного окружения, позволяющего получать информацию о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, государственных, муниципальных, коммерческих организаций, некоммерческих общественных организаций и т. д.

Ключевые слова: цифровая среда, информатизация, конституционные права, гражданские права, защита

Для цитирования: Мачехин М. С., Бузинская Э. Ю. Проблемы реализации и защиты конституционного права граждан на доступ к информации в цифровой среде // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 46–51.

Original article

PROBLEMS OF IMPLEMENTING AND PROTECTING THE CONSTITUTIONAL RIGHT OF CITIZENS TO ACCESS INFORMATION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Maksim S. Machekhin¹, Evelina Yu. Buzinskaya²

¹ Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia,
ma4ehin.maxim@yandex.ru

² Moscow University for Industry and Finance “Synergy”, Moscow, Russia,
buzinskayae@mail.ru

Abstract. This article examined the main problems of protecting and implementing the constitutional rights of citizens to access information in the digital environment. The right to information occupies one of the key places in the modern information society, which is reflected in the Constitution of the Russian Federation. The digital form of the implementation of this right contributes to the creation of an appropriate digital information environment that allows you to receive information about the activities of state and local authorities, state, municipal, commercial organizations, non-profit public organizations, and other.

Keywords: digital environment, informatization, constitutional rights, civil rights, protection

For citation: Machekhin M. S., Buzinskaya E. Yu. Problems of implementing and protecting the constitutional right of citizens to access information in the digital environment. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2022. No. 2 (92). Pp. 46-51. (In Russ.).

Право на информацию занимает одно из ключевых мест в современном информационном обществе. Конституирование данного права в России обусловлено сменой государственного устройства, основных направлений государственной политики, принятием Конституции 1993 г. Основной закон в ст. 29 закрепляет право граждан на информацию¹. Многие права, гарантированные конституционными нормами, являются новыми в российском законодательстве, право на информацию – одно из них. Некоторые авторы относят право на информацию к новейшему поколению прав человека, оценивая его ведущую роль в современном обществе.

Особое значение право на информацию и гарантии его реализации приобретают в современном мире, когда активно развиваются информационные системы, интернет, социальные сети и мессенджеры. Пандемия COVID-19, как следствие, необходимость сокращения непосредственных социальных контактов еще более сориентировали бизнес-процессы, государственное и муниципальное управление, включая государственные и муниципальные услуги, на цифровые формы взаимодействия. В связи с этим особое значение приобретают цифровые формы реализации прав и свобод человека и гражданина, в частности цифровая форма реализации права человека на доступ к информации, значение которого в современном мире только растет.

Для реализации конституционного права на доступ к информации необходимо создание открытой информационной среды. Цифровая форма реализации данного права способствует созданию соответствующего цифрового информационного окружения, позволяющего получать информацию о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, государственных, муниципальных, коммерческих организаций, некоммерческих общественных организаций.

Вопросы создания открытого информационного пространства, осуществления государственного управления с использованием цифровых технологий обозначены среди целей внутренней государственной политики еще в начале 2000-х гг., что выражено в программных и концептуальных документах [1]. По уровню развития цифровизации по итогам 2020 г. в рейтинге из 115 стран Россия заняла 38-е место. Оценивались показатели: регуляторная среда для бизнеса, экосистема знаний, качество подключения, инфраструктура и размер рынка [2]. По индексу восприятия обществом процессов цифровой трансформации Россия занимает 27-е место [3]. Следовательно, в Российской Федерации активно идет процесс формирования открытого цифрового государства, под которым специалисты понимают информационно-технологическую организацию политико-правового взаимодействия граждан и органов публичной власти. Однако реализация права на доступ к информации в цифровой форме сопрягается с рядом сложностей.

Во-первых, возникает проблема соотношения права граждан на доступ к информации и права на личную и семейную тайну. К сведениям, составляющим личную или семейную тайну, относятся данные, не подлежащие разглашению: данные о личности, месте ее пребывания, жилище, о родных и близких; тайна переписки, телефонных разговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; тайна усыновления, банковских вкладов и счетов, завещания; адвокатская и врачебная тайна.

¹ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] (принята всенарод. голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 04.11.2021).

В отличие от теле- или радиоэфира информация, размещенная интернете, никуда не исчезает и при умелом использовании инструментов поиска может быть найдена спустя значительное время. В информационно-коммуникационной сети Интернет этот механизм работает весьма условно: информация, содержащая недостоверные сведения, может индексироваться в поисковых системах чаще, чем информация об опровержении. Следовательно, существует проблема удаления информации, содержащей недостоверные сведения или охраняемую законом тайну, усугубляемая тем, что не всегда удастся идентифицировать субъекта, размещающего информацию.

С правом на доступ к информации в цифровой форме тесно связано так называемое «право на забвение». Право на забвение, или право на удаление информации из сети Интернет, является новым правом, которое фактически попало в сферу внимания законодателя после решения Суда Европейского союза по делу *Google Inc. vs Mario Costeja González* (2014 г.)¹. Одним из первых государств Евросоюза, разработавших концепцию права на забвение, стала Франция (2010 г.). В России нормативное закрепление данного права связывают с поправками в ст. 10.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. В нем описаны обязанности оператора сети удалить недостоверную, ложную или устаревшую информацию из сети Интернет по требованию пользователя при предоставлении им обоснований, а также определенных сведений о личности заявителя². При этом российское законодательство трактует право на забвение несколько шире европейских установлений, допуская удаление информации, нарушающей любой закон, а не только законодательство о защите персональных данных. Исследователи отмечают, что в Российской Федерации «на поискового оператора необоснованно возлагаются правоохранительные функции», поскольку поисковый оператор несет бремя проверки действий третьих лиц [4]. Нормативное закрепление права на забвение, по мнению исследователей, создает возможности для широкого усмотрения заявителя, при этом содержит требующие уточнения формулировки, механизм его реализации нуждается в совершенствовании. В рамках ограниченного объема настоящей работы невозможно уделить должное внимание всем аспектам соотношения права на доступ к информации и права на удаление информации.

Во-вторых, проблемы реализации конституционного права на доступ к информации в цифровой форме обусловлены некоторым несовершенством правового регулирования в указанной сфере. Так, исследователи отмечают проблему нечеткого нормативного закрепления пределов реализации права на доступ к информации, в частности, обусловленного неоднозначностью формулировок «информация, касающаяся деятельности», «информация о деятельности» органов государственной власти и местного самоуправления. Указанное порождает не только проблему реализации права на доступ к информации, но и его защиты [5].

В-третьих, право на доступ к информации в цифровой форме сопряжено с проблемами защиты персональных данных как лица, претендующего на получение информации, так и третьих лиц. При реализации права доступа к информации в сети Интернет мы так или иначе предоставляем сведения о себе, оставляя так называемый «цифровой след». Правовая регламентация в области обеспечения безопасности пользователей сети осуществляется Федеральным законом «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ³. Зако-

¹ Решение Европейского Суда (Большая палата) от 13 мая 2014 г. *Google Spain SL and Google Inc. vs Agencia Española de Protección de Datos (AEPD) and Mario Costeja González* // Tribunal de Justicia de la Unión Europea. URL: <https://curia.europa.eu> (дата обращения: 15.01.2022).

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

³ О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

нодательство о персональных данных и их защите постоянно совершенствуется. Так, нормативно определена презумпция согласия на обработку персональных данных, отдельное согласие на обработку и использование персональных данных (отдельно от иных согласий, самостоятельное определение перечня информации, подлежащей обработке), ужесточена административная ответственность за нарушение требований Роскомнадзора по блокировке интернет-провайдером запрещенной информации и т. д. Однако исследователи отмечают ряд проблем. К примеру, нет обратной силы изменений в законодательстве о персональных данных от 1 марта 2021 г.¹, не регламентирован механизм реализации требования пользователя о прекращении обработки персональных данных, отсутствуют упрощенные внесудебные механизмы защиты прав граждан, пострадавших от неправомерного использования персональных данных, и т. п. [6]. Угрозы информационной безопасности для субъектов права на доступ к информации в сети настолько очевидны, что требуются целенаправленные усилия и государства, и системы образования, направленные на формирование основ грамотности пользователей в области защиты персональных данных, основ информационной безопасности при работе в сети Интернет.

Еще одной проблемой реализации права на доступ к информации в цифровой форме, требующей, впрочем, отдельного изучения, является обеспечение для граждан равных условий в части технической возможности выхода в интернет, а также получение доступа к социально значимым ресурсам. Пандемия коронавирусной инфекции, периоды обучения и работы дистанционно выявили неравные технические возможности доступа к высокоскоростному интернету у жителей отдельных регионов. Исследователи вводят понятие цифрового неравенства, которое обусловлено и доступом к информационно-телекоммуникационным технологиям, и готовностью (наличием знаний, умений и владений) к работе в информационных сетях. Так, по данным статистики, среди исследований, проведенных в тридцати трех европейских странах, население России имеет наихудшие показатели по навыкам работы в сети [7]. Следовательно, право на доступ к информации в цифровой форме ограничено и технической ее доступностью, и навыками самого интернет-пользователя, что требует планомерных усилий в обеспечении технического равенства регионов России, развитии программ «цифровой» грамотности населения.

Таким образом, право на доступ к информации в цифровой форме при всей его значимости в современную эпоху характеризуется рядом проблем в его реализации, обусловленных несовершенством правового регулирования, механизмов защиты, технической доступностью и грамотностью населения. При этом стремительное развитие информационных технологий при невнимательности и нерасторопности законодателя увеличивает разрыв объекта и предмета правового регулирования.

Государство прилагает всевозможные усилия, чтобы сократить указные риски. Так, в рамках федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» [8] создаются образовательные программы как для лиц, заинтересованных в получении специальности в сфере информационных технологий, так и для желающих повысить свою цифровую грамотность (проект «Готов к цифре», программа «Клик» и т. п.). Целенаправленно обучение в области цифровой грамотности проводится и для государственных служащих. В рамках национальной программы «Цифровая экономика» действует также федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды». Однако основной его целью все же является совершенствование нормативного регулирования «цифро-

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных»: федер. закон от 30 дек. 2020 г. № 519-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 58.

вой» экономики: создание экспериментального правового регулирования в сфере цифровых инноваций, совершенствование законодательства об идентификации в целях противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и др. [9] Вместе с тем самостоятельным направлением в рамках проводимых преобразований смогло бы стать совершенствование правового регулирования права на доступ к «цифровой» информации.

Список источников

1. Золаев Э. А. Цифровое государство как новый этап развития общества // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 5. С. 1583–1584.
2. Шукин П. Определено место России по уровню цифровизации // Лента.ру: сайт. 2021. 1 марта. URL: <https://lenta.ru/news/2021/03/01/cifrus/> (дата обращения: 12.01.2022).
3. Песня В. Россия заняла 27 место в рейтинге стран по цифровизации // РИА Новости: сайт. 2021. 3 сент. URL: <https://ria.ru/20210903/tsifrovizatsiya-1748459672.html> (дата обращения: 12.01.2022).
4. Право на забвение в российском и европейском законодательстве // Lex Digital Blog: сайт. 2016. 29 марта. URL: <http://lexdigital.ru/2016/116/> (дата обращения: 22.01.2022).
5. Агеев А. С. Проблемы реализации права на доступ к информации, нашедшие отражение в практике Конституционного Суда [Электронный ресурс] // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 34–37. URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=7&art=5941> (дата обращения: 17.01.2022).
6. Дмитриева Е. Г. Проблемы защиты персональных данных в цифровом мире и пути их решения // Право и бизнес. 2021. № 3. С. 18–23. URL: <https://выборгский.78.мвд.пф/document/27480647> (дата обращения: 21.12.2021).
7. Басова Е. А. Цифровое неравенство российских регионов: современные проблемы и пути преодоления [Электронный ресурс] // Вопросы территориального развития. 2021. Т. 9. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-neravenstvo-rossiyskih-regionov-sovremennye-problemy-i-puti-preodoleniya> (дата обращения: 09.02.2022).
8. Кадры для цифровой экономики // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/866/> (дата обращения: 22.01.2022).
9. Нормативное регулирование цифровой среды // Министерство экономического развития Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe/_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/ (дата обращения: 22.01.2022).

References

1. Zolaev E. A. Tsifrovoe gosudarstvo kak novyi etap razvitiya obshchestva [The digital state as a new stage in the development of society]. *Kreativnaya ekonomika*. 2021. vol. 15, no. 5, pp. 1583-1584. (In Russ.).
2. Shchukin P. Opredeleno mesto Rossii po urovnyu tsifrovizatsii [The place of Russia in terms of digitalization is determined]. *Lenta.ru*. 2021. (In Russ.). Available at: <https://lenta.ru/news/2021/03/01/cifrus/> (accessed: 12.01.2022).
3. Pesnya V. Rossiya zanyala 27 mesto v reitinge stran po tsifrovizatsii [Russia took 27th place in the ranking of countries in terms of digitalization]. *RIA Novosti*. 2021. (In Russ.). Available at: <https://ria.ru/20210903/tsifrovizatsiya-1748459672.html> (accessed: 12.01.2022).
4. Pravo na zabvenie v rossiiskom i evropeiskom zakonodatel'stve [The right to be forgotten in Russian and European legislation]. *Lex Digital Blog*. 2016. (In Russ.). Available at: <http://lexdigital.ru/2016/116/> (accessed: 22.01.2022).
5. Ageev A. S. Problemy realizatsii prava na dostup k informatsii, nashedshie otrazhenie v praktike Konstitutsionnogo Suda [Problems of realization of the right to access to information reflected in the practice of the Constitutional Court]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2016, no. 2, pp. 34-37. (In Russ.). Available at: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=7&art=5941> (accessed: 17.01.2022).

6. Dmitrieva E. G. Problemy zashchity personal'nykh dannykh v tsifrovom mire i puti ikh resheniya [Problems of personal data protection in the digital world and ways to solve them]. *Pravo i biznes*. 2021, no. 3, pp. 18-23. (In Russ.). Available at: <https://vyborgskii.78.mvd.rf/document/27480647> (accessed: 21.12.2021).
7. Basova E. A. Tsifrovoye neravenstvo rossiiskikh regionov: sovremennyye problemy i puti preodoleniya [Digital Divide in Russian Regions: Modern Problems and Ways to Overcome]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya*. 2021, vol. 9, no. 4. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoye-neravenstvo-rossiyskih-regionov-sovremennyye-problemy-i-puti-preodoleniya> (accessed: 09.02.2022).
8. Kadry dlya tsifrovoi ekonomiki [Personnel for the digital economy]. *Ministerstvo tsifrovogo razvitiya, svyazi i massovykh kommunikatsii Rossiiskoi Federatsii*. (In Russ.). Available at: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/866/> (accessed: 22.01.2022).
9. Normativnoe regulirovanie tsifrovoi sredy [Regulation of the digital environment]. *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii*. (In Russ.). Available at: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/ (accessed: 22.01.2022).

Информация об авторах

М. С. Мачехин – старший преподаватель кафедры режима и охраны, подполковник внутренней службы, Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний;
Э. Ю. Бузинская – магистрант направления «Юриспруденция», Московский финансово-промышленный университет «Синергия».

Information about the authors

M. S. Machekhin – Senior Lecturer at the Department of Regime and Security, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia;
E. Yu. Buzinskaya – Undergraduate of the direction “Jurisprudence”, Moscow University for Industry and Finance “Synergy”.

Статья поступила в редакцию 02.09.2022; одобрена после рецензирования 13.09.2022; принята к публикации 14.09.2022.

The article was submitted 02.09.2022; approved after reviewing 13.09.2022; accepted for publication 14.09.2022.

Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 52–54.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2022. No. 2 (92). P. 52-54.

Научная статья
УДК 343.2/.7

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Нелли Владимировна Кузнецова¹, Маргарита Викторовна Казача²

^{1,2} Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия,
Хабаровск, Россия

¹ knv-rgup@yandex.ru

² 4037584401289k@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены и выделены характерные черты привлечения российских атлетов к уголовной ответственности. Рассмотрены причины, которые влияют на совершение ими преступлений. Проанализированы позиции ученых в области уголовного права.

Ключевые слова: право, спорт, преступность, наказание, уголовная ответственность

Для цитирования: Кузнецова Н. В., Казача М. В. Юридическая ответственность в сфере физической культуры и спорта // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 52–54.

Original article

LEGAL RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF PHYSICAL CULTURE AND SPORT

Nelli V. Kuznetsova¹, Margarita V. Kazacha²

^{1,2} Far Eastern branch of the Russian State University of Justice, Khabarovsk, Russia

¹ knv-rgup@yandex.ru

² 4037584401289k@mail.ru

Abstract. This article discusses and highlights the characteristic features of bringing Russian athletes to criminal liability. The reasons that influence the commission of crimes by them are considered. The positions of scientists in the field of criminal law are analyzed.

Keywords: law, sport, crime, punishment, criminal liability

For citation: Kuznetsova N. V., Kazacha M. V. Legal responsibility in the field of physical culture and sports. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2022. No. 2 (92). Pp. 52-54. (In Russ.).

Криминогенность в мировом спорте в наше время стала действительно опасным явлением. По мнению В. В. Белецкого, криминогенная ситуация, затронувшая в том числе сферы физической культуры и спорта, возникла в России в начале 90-х гг. XX в. и была тесно связана с нестабильным положением внутри страны [1].

Можно выделить следующие основные причины, способствующие совершению преступлений среди атлетов:

1. Физическая загруженность, сопровождающаяся психологическим истощением.

2. Неурегулированность многих вопросов физической культуры и спорта в правовой сфере.

Специалисты в области спортивного и уголовного права подчеркивают необходимость привлечения атлетов к уголовной ответственности. Так, В. В. Сараев считает необходимым ввести уголовную ответственность за причинение вреда жизни или здоровью соперника [2].

Если обратиться к основному нормативному акту в области физической культуры и спорта, а именно к Федеральному закону «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ «О физической культуре и спорте в РФ»), то в нем предусмотрены следующие обязанности атлетов:

1. Соблюдение требований безопасности.
2. Соблюдение норм этики и положений (регламентов) соревнований.
3. Соблюдение требований организаторов.
4. Соблюдение санитарно-гигиенических и медицинских требований.

Однако ФЗ «О физической культуре и спорте в РФ» не предусматривает обязанность спортсменов соблюдать правила конкретного вида спорта, что, естественно, затрудняет возможность привлечения их к уголовной ответственности.

Уголовная ответственность для спортсменов предусмотрена также ст. 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации² (склонение спортсмена к использованию запрещенных веществ, а также использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, перечень которых регламентирован в приказе Министерства спорта Российской Федерации от 15 ноября 2021 г. № 893³).

Субъективная сторона данных составов должна характеризоваться прямым умыслом, субъект (специальный, это может быть тренер, медицинский работник и иные работники в области физической культуры и спорта) должен осознавать опасность своих действий, предвидеть наступление опасных последствий и желать их наступления. Склонение может выражаться не только в многократных действиях субъекта, но и в однократном предложении употребления запрещенных веществ.

Таким образом, в исследуемой тематике можно выделить следующие результаты:

1. Наличие криминогенности в сфере физической культуры и спорта и проблем, связанных с ней.
2. Пробелы в праве, затрагивающие данную область.

Список источников

1. Белецкий В. В. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности среди спортсменов: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1996. 185 с.
2. Сараев В. В. Уголовно-правовая охрана современного профессионального спорта в России: учеб. пособие. Омск, 2010. 208 с.

References

1. Beletskii V. V. Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie prestupnosti sredi sportmenov [Criminological characteristics and prevention of crime among athletes]. Omsk, 1996, 185 p. (In Russ.).
2. Saraev V. V. Ugolovno-pravovaya okhrana sovremennogo professional'nogo sporta v Rossii [Criminal legal protection of modern professional sports in Russia]. Omsk, 2010, 208 p. (In Russ.).

¹ О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федер. закон от 4 дек. 2007 г. № 329-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 50. Ст. 6242.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Об утверждении перечней субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте [Электронный ресурс]: приказ Минспорта России от 15 нояб. 2021 г. № 893 // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403753/ (дата обращения: 13.05.2022).

Информация об авторах

Н. В. Кузнецова – старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин,
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия;

М. В. Казача – студентка, Дальневосточный филиал
Российского государственного университета правосудия.

Information about the authors

N. V. Kuznetsova – Senior Lecturer at the Department of General Educational Disciplines,
Far Eastern branch of the Russian State University of Justice;

M. V. Kazacha – Student, Far Eastern branch of the Russian State University of Justice.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022; одобрена после рецензирования 26.09.2022;
принята к публикации 27.09.2022.

The article was submitted 15.09.2022; approved after reviewing 26.09.2022; accepted for
publication 27.09.2022.

Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 55–59.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2022. No. 2 (92). P. 55-59.

Научная статья
УДК 349.3

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ВЫПЛАТ ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ ПОСТВАКЦИОННЫХ ОСЛОЖНЕНИЙ: ДО ПАНДЕМИИ И ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

Милена Рамилевна Кучукбаева¹, Анна Сергеевна Пастухова²,
Инна Николаевна Плешакова³

^{1,2,3} Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия

¹ m.r.kuchukbaeva@edumail.usla.ru

² s20012703ann@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются изменения, произошедшие в области предоставления мер социальной поддержки лицам, у которых возникли поствакционные осложнения. На основе компаративистического исследования допандемийных норм и норм, принятых в период пандемии, авторы делают вывод об изменениях, произошедших в государственной политике данного направления, и улучшении положения отдельных социальных групп. Метод исследования – сравнительный анализ текстов нормативных правовых актов разных периодов.

Ключевые слова: поствакционные осложнения, коронавирус, меры социальной поддержки, компенсации, пособия

Для цитирования: Кучукбаева М. Р., Пастухова А. С., Плешакова И. Н. Предоставление социальных выплат при возникновении поствакционных осложнений: до пандемии и во время пандемии // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 55–59.

Original article

PROVISION OF SOCIAL PAYMENTS IN THE EVENT OF POST-VACCINE COMPLICATIONS: BEFORE THE PANDEMIC AND DURING THE PANDEMIC

Milena R. Kuchukbayeva¹, Anna S. Pastukhova², Inna N. Pleshakova³

^{1,2,3} Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia

¹ m.r.kuchukbaeva@edumail.usla.ru

² s20012703ann@mail.ru

Abstract. This article analyzes the changes that have taken place in the field of providing social support measures to people who have post-vaccination complications. Based on a comparative study of pre-pandemic norms and norms adopted during the pandemic, the author concludes about the changes that have taken place in the state policy in this area and the improvement in the situation of certain social groups. The research method is a comparative analysis of the texts of legal acts of different time periods.

Keywords: post-vaccination complications, coronavirus, measures of social support, compensation, benefits

For citation: Kuchukbaeva M. R., Pastukhova A. S., Pleshakova I. N. Provision of social payments in the event of post-vaccine complications: before the pandemic and during the pandemic. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2022. No. 2 (92). Pp. 55-59. (In Russ.).

Пандемия COVID-19 стала вызовом для всего человечества. Несмотря на глобальный характер угрозы, проблемы, связанные с пандемией, решались по большей части отдельными государствами, а не мировым сообществом, хотя определенная степень международного взаимодействия присутствовала. Государствам пришлось столкнуться с большим количеством экономических, социальных, моральных и информационных трудностей, появившихся с приходом новой пандемии. Государству прежде всего необходимо было перестроить под изменившуюся действительность все существующие государственные и общественные институты, в том числе институт социальной поддержки разных слоев населения. Объем изменений, произошедших за период пандемии в законодательстве социального обеспечения, достаточно большой, и все изменения в рамках одной статьи рассмотреть не удастся, поэтому коснемся лишь некоторых напрямую связанных с пандемией изменений в социальных выплатах [1].

Начнем с мер государственной поддержки лиц, пострадавших от вакцины, посредством которой борются с пандемией. Такие меры государственной поддержки стимулируют людей вакцинироваться, что позволяет уменьшить урон, нанесенный пандемией. Данные отношения урегулированы отдельными, тематически связанными нормативными правовыми актами и актами, регулирующими смежные отношения, например по временной нетрудоспособности [2]. Необходимо подчеркнуть, что права граждан, у которых возникли поствакционные осложнения, на получение социальной поддержки от государства закреплены в федеральном законодательстве¹.

Прежде чем говорить о видах социальных гарантий и об изменениях в порядке их предоставления во время и после пандемии, следует отметить, что далеко не каждое поствакционное осложнение дает право на получение социальной поддержки. Перечень таких осложнений устанавливается Правительством РФ². Перечислим конкретные виды мер социальной поддержки населения:

1. Государственные единовременные пособия.
2. Ежемесячные денежные компенсации (по отношению к первым двум пунктам порядок выплаты установлен отдельным подзаконным нормативным правовым актом³).
3. Пособия по временной нетрудоспособности при уходе за ребенком, у которого возникли поствакционные осложнения (исчисляется в порядке, предусмотренном отдельными положениями специального федерального закона⁴). Здесь необходимо учитывать также особенности регулирования трудовых отношений [3].

Указав все виды мер социальной поддержки в данной области, перейдем к рассмотрению изменений правового регулирования порядка их предоставления, которые произошли в пандемийный период (2019–2022 гг.). Прежде всего необходимо отметить, что в 2020 г. изменился орган, ответственный за предоставление социальной поддержки в дан-

¹ Об иммунопрофилактике инфекционных болезней: федер. закон от 17 сент. 1998 г. № 157-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 38. Ст. 4736.

² Об утверждении перечня поствакцинальных осложнений, вызванных профилактическими прививками, включенными в национальный календарь профилактических прививок, и профилактическими прививками по эпидемическим показаниям, дающих право гражданам на получение государственных единовременных пособий: постановление Правительства РФ от 2 авг. 1999 г. № 885 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 32. Ст. 4094.

³ О порядке выплаты государственных единовременных пособий и ежемесячных денежных компенсаций гражданам при возникновении у них поствакцинальных осложнений: постановление Правительства РФ от 27 дек. 2000 г. № 1013 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 1 (ч. II). Ст. 138.

⁴ Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством: федер. закон от 29 дек. 2006 г. № 255-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 18.

ной сфере. Ранее этим занималось Федеральное медико-биологическое агентство, а с 2020 г. эти полномочия были переданы Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. Переход ведомственных полномочий свидетельствует об изменении подхода к вакцинированию граждан и отражает специфику вакцинирования в условиях экстраординарных ситуаций. Ранее вакцина была чем-то обыденным и устоявшимся в системе здравоохранения, однако в условиях глобального кризиса такой подход стал невозможен [4; 5].

Ранее гражданин был обязан ставить прививки в плановом порядке, например, для прохождения обучения в учебном заведении, но такой механизм работал лишь по отношению к существующим вакцинам от существующих вирусов. После появления и глобального распространения коронавируса система здравоохранения не могла поступить иначе, как изменить подход с «обязывающего» на «потребительский», т. к. вакцина от нового вируса была слабо протестирована, и противопоказания к ней еще не были разработаны. По этим причинам полномочия по учету случаев поствакцинальных осложнений и их последствий (смерть, инвалидность, временная утрата трудоспособности) были переданы в большей степени социальному и в меньшей степени медицинскому ведомству. По этим же причинам полномочия по даче разъяснений в данной сфере переданы Министерству труда и социальной защиты РФ, хотя в настоящее время данным ведомством не даны никакие разъяснения, и все еще действуют предыдущие разъяснения Минздрава¹. Кроме того, Министерству труда и социальной защиты были переданы полномочия по учету и хранению документов, касающихся предоставления соответствующих социальных выплат.

После рассмотрения изменений уполномоченных органов в сфере учета лиц с поствакцинальными осложнениями и разъяснения основных нормативных положений перейдем к иным изменениям в порядке предоставления социальной поддержки в данной сфере. Существенное изменение, произошедшее также в 2020 г., коснулось пакета документов, необходимых для получения ежемесячной денежной компенсации инвалидами по причине поствакцинального осложнения. Данной категории граждан теперь необязательно представлять справку об инвалидности, достаточно предоставить в органы социальной защиты заявление о назначении и выплате компенсации и заключение, подтверждающее установление факта, соответствующего перечню поствакцинального осложнения.

Последнее изменение, принятое в связи с пандемией коронавируса, касается также упрощения порядка получения ежемесячных компенсаций инвалидами по причине возникновения поствакцинальных осложнений². Упрощение порядка получения связано с тем, что теперь органы социальной защиты в рамках межведомственного электронного взаимодействия обязаны запросить у Пенсионного фонда России документы, подтверждающие наличие у гражданина инвалидности (справка об инвалидности). Предусмотрен также порядок самостоятельного предоставления гражданином данного документа в целях ускорения процедуры выдачи компенсации. Лицу в таком случае необходимо получить в соответствующем федеральном государственном учреждении медико-социальной экспертизы справку, которая подтверждает факт установления у него инвалидности. До пандемии такой возможности у граждан не было.

¹ О порядке оформления медицинских документов гражданам при возникновении у них поствакцинальных осложнений [Электронный ресурс]: <письмо> Минздрава РФ от 27 июня 2001 г. № 2510/6662-01-32 // КонсультантПлюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33563/ (дата обращения: 06.05.2022).

² О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в части предоставления сведений об инвалидности и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 10 февр. 2020 г. № 114 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202002140014> (дата обращения: 06.05.2022).

Таким образом, пандемия коронавируса стала причиной существенного упрощения процедуры предоставления отдельных мер государственной социальной поддержки населению, в частности, государственных единовременных пособий и ежемесячных компенсаций лицам, у которых возникли поствакционные осложнения. Такие изменения вызваны как переосмыслением государственной политики в сфере вакцинирования населения (передача полномочий в данной сфере социально ориентированным ведомствам), так и специальным статусом отдельных социальных групп (сокращение требований, касающихся предоставления документов, к инвалидам и возложение на государственные органы части обязанностей по сбору этих документов).

Данная статья представляет собой анализ изменений законодательства в области предоставления мер социальной поддержки лицам, у которых возникли поствакционные осложнения, в период пандемии COVID-19. Такой анализ может быть использован как пособие для практических работников в данной сфере и как информационная база для дальнейших исследований влияния пандемии на право социального обеспечения населения.

Список источников

1. Григорьев И. В., Шайхатдинов В. Ш. Право социального обеспечения: учебник и практикум для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 428 с.
2. Право социального обеспечения [Электронный ресурс]: учебник и практикум для среднего профессионального образования / М. В. Филиппова [и др.]; под ред. М. В. Филипповой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 451 с. URL: <https://urait.ru/bcode/509288> (дата обращения: 06.05.2022).
3. Паркина М. Н. Особенности трудовых отношений граждан с поствакцинальными осложнениями // Правовое регулирование современного общества: теория, методология, практика: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж: ООО «АМиСта», 2017. С. 232–239.
4. Алания Н. А. К вопросу о проведении вакцинации в России и зарубежных странах // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и магистров. Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2019. С. 229–233.
5. Романов А. А. Вакцинация: право или обязанность в контексте обеспечения права на здоровье // Форум молодых ученых. 2018. № 1 (17). С. 941–945.

References

1. Grigor'ev I. V., Shaikhhatdinov V. Sh. Pravo sotsial'nogo obespecheniya [Social security law]. Moscow, Yurait, 2022, 428 p. (In Russ.).
2. Pravo sotsial'nogo obespecheniya [Social security law]. Moscow, Yurait, 2022, 451 p. (In Russ.). Available at: <https://urait.ru/bcode/509288> (accessed: 06.05.2022).
3. Parkina M. N. Osobennosti trudovykh otnoshenii grazhdan s postvaktsinal'nyimi oslozhnениyami [Features of labor relations of citizens with post-vaccination complications]. *Pravovoe regulirovanie sovremennogo obshchestva: teoriya, metodologiya, praktika*. Voronezh, AMiSta, 2017, pp. 232–239. (In Russ.).
4. Alaniya N. A. K voprosu o provedenii vaktsinatsii v Rossii i zarubezhnykh stranakh [On the issue of vaccination in Russia and foreign countries]. *Aktual'nye problemy sravnitel'nogo pravovedeniya*. Simferopol', KFU im. V. I. Vernadskogo, 2019, pp. 229–233. (In Russ.).
5. Romanov A. A. Vaktsinatsiya: pravo ili obyazannost' v kontekste obespecheniya prava na zdorov'e [Vaccination: a right or obligation in the context of ensuring the right to health]. *Forum molodykh uchennykh*. 2018, no. 1 (17), pp. 941–945. (In Russ.).

Информация об авторах

М. Р. Кучукбаева – студентка 4 курса
специальности «Судебная и прокурорская деятельность»,
Институт прокуратуры Уральского государственного
юридического университета им. В. Ф. Яковлева;
А. С. Пастухова – студентка 4 курса
специальности «Судебная и прокурорская деятельность»,
Институт прокуратуры Уральского государственного
юридического университета им. В. Ф. Яковлева;
И. Н. Плешакова – старший преподаватель кафедры трудового права,
Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева.

Information about the authors

M. R. Kuchukbayeva – 4th year Student
of the specialty “Judicial and prosecutorial activities”,
Institute of the Prosecutor’s Office of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev;
A. S. Pastukhova – 4th year Student
of the specialty “Judicial and prosecutorial activities”,
Institute of the Prosecutor’s Office of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev;
I. N. Pleshakova – Senior Lecturer at the Department of Labor Law,
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.

Статья поступила в редакцию 07.09.2022; одобрена после рецензирования 19.09.2022;
принята к публикации 20.09.2022.

The article was submitted 07.09.2022; approved after reviewing 19.09.2022; accepted for
publication 20.09.2022.

Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 60–64.

Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2022. No. 2 (92). P. 60–64.

Научная статья

УДК 336

ЗНАЧИМОСТЬ ПОВЫШЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ УЗБЕКИСТАНА

Самар Абдурашидович Аликулов¹, Ильхом Имомалиевич Ризаев² ✉

^{1,2} Самаркандский государственный архитектурно-строительный институт,

Самарканд, Узбекистан

² rizaldo@mail.ru ✉

Аннотация. В статье раскрывается сущность понятия финансовой грамотности в современных сложных мировых экономических процессах. На основе опыта мирового сообщества определяются преимущества и важность финансовой грамотности, обсуждается необходимость повышения финансовой грамотности населения Узбекистана.

Ключевые слова: финансовая грамотность, экономическая грамотность, деньги, доход, страхование, пенсия

Для цитирования: Аликулов С. А., Ризаев И. И. Значимость повышения финансовой грамотности населения Узбекистана // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 60–64.

Original article

THE SIGNIFICANCE OF INCREASING THE FINANCIAL LITERACY OF THE POPULATION OF UZBEKISTAN

Samar A. Alikulov¹, Ilhom I. Rizaev² ✉

^{1,2} Samarkand State Architectural and Civil Engineering Institute, Samarkand, Uzbekistan

² rizaldo@mail.ru ✉

Abstract. This article reveals the essence of the concept of financial literacy in modern complex global economic processes. At the same time, based on the experience of the world community, the advantages and importance of financial literacy are highlighted, and the need to train the population of Uzbekistan in financial literacy is discussed.

Keywords: financial literacy, economic literacy, money, income, insurance, pension

For citation: Alikulov S. A., Rizaev I. I. The significance of increasing the financial literacy of the population of Uzbekistan. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2022. No. 2 (92). Pp. 60–64. (In Russ.).

Углубление реформ, направленных на создание рыночной экономики в Узбекистане, необходимость модернизации экономики играют важную роль в формировании и повышении финансовой грамотности населения. Мировая практика показывает, что население должно использовать собственные средства, планировать свои расходы и сбережения, оп-

ределять приоритетные направления для инвестиций, привлекать средства на неотложные нужды, поскольку, не обладая достаточными знаниями и навыками, невозможно принимать эффективные решения и полноценно использовать свой потенциал и возможности для повышения своего материального благосостояния. Как следствие, для того чтобы повысить эффективность принимаемых людьми финансовых решений, необходимо внедрить систему финансовой грамотности населения.

Прежде всего, нам необходимо определить сущность понятия «финансовая грамотность». Понятие финансовой грамотности взято из основы экономической грамотности, поэтому остановимся сначала на этом понятии. Под экономической грамотностью понимается способность человека анализировать экономически значимые явления, оценивать их и принимать решения, предвидеть последствия выбора. Мировоззрение и экономическая грамотность человека взаимосвязаны, одно диктует другое [1]. Экономическая грамотность способствует развитию мировоззрения человека, и наоборот, самостоятельное мировоззрение способствует формированию экономической грамотности.

Финансовая грамотность – это совокупность знаний и умений, необходимых гражданину для занятия активной позиции на рынке финансовых продуктов и услуг, для улучшения финансового благополучия себя и членов своей семьи в обществе [2].

В современной развитой рыночной экономике каждый сектор требует от человека высокого уровня финансовых знаний и навыков, а также финансовой грамотности. Актуальность повышения уровня финансовой грамотности населения определяется следующими причинами:

1. Изменение структуры источников доходов населения. Увеличение доли доходов от малого бизнеса, семейного и индивидуального предпринимательства в структуре доходов населения приводит к резкому росту потребности в эффективном управлении накоплениями и инвестициями, рациональном планировании расходов.

2. Появление большого количества частных предпринимателей. Такие предприниматели решают различные управленческие вопросы в своей повседневной деятельности. К ним относятся: управление финансовыми потоками и материальными активами, финансовый учет, планирование доходов и расходов, формирование страховых фондов, оптимизация закупок материальных ресурсов, использование банковских услуг, инвестирование сбережений, получение кредитов, управление долгом.

3. Резкое увеличение потребности населения в долгосрочных сбережениях и кредитах. В условиях рыночной экономики население должно самостоятельно реализовывать дополнительные пенсионные накопления, сбережения на оплату медицинских и образовательных услуг. Все вышеперечисленное требует долгосрочного планирования семейного бюджета, оценки и управления рисками за счет финансового обеспечения (страхование, пенсионные фонды, банковские депозиты и вложения в ценные бумаги). Таким образом, формирование долгосрочных сбережений и обучение кредитным навыкам является важной функцией общественной грамотности.

4. Расширение возможностей для инвестирования в частные средства и управления материальными активами. В условиях рыночной экономики существует множество альтернативных способов откладывать деньги и инвестировать. Население должно быть финансово грамотным, чтобы управлять кредитами, осуществлять инвестиции и принимать эффективные решения – в целом эффективно использовать услуги, предоставляемые банками и другими финансовыми учреждениями.

5. Расширение трудовой миграции. Для снижения влияния таких рисков, как увольнение, мошенничество, плохие социальные условия, жестокое обращение с трудовыми мигрантами за границей, необходимо повысить грамотность мигрантов в области денежных переводов, банковских услуг за рубежом, системы страхования.

6. Некоторые особенности традиций населения в сфере культуры потребления. Так, необходимость сокращать огромные расходы населения на некоторые традиционные праздники и увеличивать инвестиции для направления человеческого капитала на цель инвестирования также требует повышения финансовой грамотности.

Из-за относительно низкого потребления некоторых финансовых услуг их получение ограничено [1]. Поскольку все финансовые услуги не подлежат частной проверке качества при получении, у продавцов есть возможность «продавать» некачественный товар.

Низкий уровень финансовой грамотности потребителей финансовых услуг имеет следующие негативные последствия:

- потеря доверия к финансовым институтам из-за неэффективного принятия решений;
- неспособность воспользоваться финансовыми рынками;
- высокий уровень долговых обязательств физического лица;
- массовое банкротство физических лиц;
- восприятие подрастающим поколением негативного финансового опыта;
- склонность поставщиков финансовых услуг к мошенничеству, недобросовестному поведению;
- низкий уровень сбережений для жизненно важных продуктов;
- формирование пенсионных фондов и неэффективность управления ими.

Низкий для государства уровень грамотности населения, наличие барьеров развития платежеспособности ограничивают доступ к финансовым рынкам и снижают эффективность регулирования, ограничивают права потребителей, препятствуют переходу к накопительной пенсионной системе, основанной на личном участии [3]. С экономической точки зрения отсутствие знаний о финансовых услугах означает меньшую вовлеченность широких слоев населения в их потребление, ограничивает уровень и качество сбережений, инвестиций, определяющих потенциал экономического роста. Развитие современной рыночной экономики требует участия населения в пенсионно-накопительной, страховой и ипотечной системах [4]. Участие населения в этих системах поможет решить такие вопросы, как пенсионное накопление, социальное и медицинское страхование, приобретение жилья и повышение качества образования. Расширение и эффективное использование сбережений, характерное для среднего класса, обеспечит социально-экономическую стабильность в стране, достижение макроэкономической сбалансированности и укрепление финансовой системы.

Высокая склонность населения к сбережениям и широкое использование сберегательно-страховой поддержки предполагают высокий уровень финансовой грамотности населения. Такая грамотность позволяет населению тесно взаимодействовать с финансовыми учреждениями, широко и эффективно пользоваться услугами банковского и страхового секторов, системы пенсионного страхования. Домохозяйства, принадлежащие к среднему классу, эффективно используют свои личные бюджеты, принимая личные финансовые решения на основе своих долгосрочных целей, предотвращая рост уровня личного долга, дифференцируя услуги и продукты, которые предлагают финансовые учреждения, и избегая чрезмерных рисков. Обеспечение благосостояния человека на каждом этапе его жизни в значительной степени зависит от эффективности личных финансовых решений [5]. Таким образом, финансовая грамотность занимает важное место в долгосрочном развитии страны. Расширение потребительского сектора на финансовом рынке за последнее десятилетие, увеличение ассортимента и сложности финансовых продуктов, рост доходов и совокупных сбережений населения отражают повышенную личную ответственность населения за принимаемые финансовые решения. Это еще одно свидетельство актуальности повышения уровня финансовой грамотности.

Финансовая грамотность населения влияет на национальные ценности и традиции в воспитании молодежи, которая учится использовать и экономить деньги. Уровень финансовых знаний и навыков населения является важным фактором, влияющим на рост материального благосостояния населения, наряду с уровнем инвестиционного климата, развитием финансовых рынков, государственным регулированием экономики. Внедрение системы финансовой грамотности особенно необходимо для социально уязвимых слоев населения, т. к. оптимизация соотношения между сбережениями и расходами, доступ к микрокредитам для самозанятости важны для повышения благосостояния населения. Финансовая грамотность населения помогает людям эффективно управлять своими доходами и сбережениями [6]. Финансовая грамотность позволяет семьям планировать свои расходы в долгосрочной перспективе на основе расчетов, разумно откладывать деньги и принимать мудрые решения о займах. Вышеупомянутое экономическое мышление поощряет сокращение малообеспеченных людей, защиту их активов и создание новых. Таким образом, финансовая грамотность не только приносит пользу населению, но и позволяет развивать банковские, страховые, микрофинансовые организации, фондовый рынок за счет расширения числа потребителей услуг всей финансовой системы и увеличения их личных сбережений. Мировая практика показывает, что финансово грамотный человек имеет следующие преимущества:

- умеет принимать правильные решения относительно денег и цен;
- умеет грамотно распоряжаться своим семейным бюджетом;
- обладает навыками эффективного управления финансовыми активами и расходами;
- выполняет свои финансовые обязательства в течение указанного срока;
- увеличивает количество средств поддержки, используемых при осуществлении личных сбережений и инвестиций на основе широкого использования финансовых услуг;
- имеет гибкий подход к изменениям жизненного уровня.

Результаты исследования показывают, что государственную программу повышения финансовой грамотности следует применять с осторожностью, потому что люди могут недооценивать свой уровень финансовой грамотности и сильно рисковать на финансовых рынках. Если целью государства является изменение финансовых показателей населения, то для достижения этой цели средства, которые должны быть потрачены на повышение финансовой грамотности, должны быть направлены на изменение и реформирование институтов финансового рынка.

Список источников

1. Ризаев И. И. Проблемы либерализации общества в контексте глобализации // Онтологические и социокультурные основания альтернативного проекта глобализации. Екатеринбург, 2021. С. 254–257.
2. Муминова З. О. Профессиональная подготовка личности: оздоровление и духовное воспитание // Система менеджмента качества в вузе: здоровье, образованность, конкурентоспособность. Челябинск, 2021. С. 264–268.
3. Сафаров А. И. Этапы самоорганизации социальной системы // В поисках социальной истины. Иркутск, 2021. С. 237–242.
4. Ганиев К. Конструктивные и деструктивные аспекты либерализации социальной системы: философский подход // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 2 (89). С. 156–162.
5. Аликулов С. Образование и современные технологии // Моделирование и конструирование в образовательной среде. М., 2021. С. 27–31.
6. Khayitboy K., Ilhom R. The impact of liberalization on the development of the social system // International Engineering Journal For Research & Development. 2020. Vol. 5. No. 3. P. 4.

References

1. Rizaev I. I. Problemy liberalizatsii obshchestva v kontekste globalizatsii [Problems of the liberalization of society in the context of globalization]. *Ontologicheskie i sotsiokul'turnye osnovaniya al'ternativnogo proekta globalizatsii*. Ekaterinburg, 2021, pp. 254-257. (In Russ.).
2. Muminova Z. O. Professional'naya podgotovka lichnosti: ozdorovlenie i dukhovnoe vospitanie [Personal training: health improvement and spiritual education]. *Sistema menedzhmenta kachestva v vuze: zdorov'e, obrazovannost', konkurentosposobnost'*. Chelyabinsk, 2021, pp. 264-268. (In Russ.).
3. Safarov A. I. Etapy samoorganizatsii sotsial'noi sistemy [Stages of self-organization of a social system]. *V poiskakh sotsial'noi istiny*. Irkutsk, 2021, pp. 237-242. (In Russ.).
4. Ganiev K. Konstruktivnye i destruktivnye aspekty liberalizatsii sotsial'noi sistemy: filosofskii podkhod [Constructive and destructive aspects of the liberalization of the social system: a philosophical approach]. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta*. 2021, no. 2 (89), pp. 156-162. (In Russ.).
5. Alikulov S. Obrazovanie i sovremennye tekhnologii [Education and modern technologies]. *Modelirovanie i konstruirovaniye v obrazovatel'noi srede*. Moscow, 2021, pp. 27-31. (In Russ.).
6. Khayitboy K., Ilhom R. The impact of liberalization on the development of the social system. *International Engineering Journal For Research & Development*. 2020, vol. 5, no. 3, p. 4.

Информация об авторах

С. А. Аликулов – кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Общественные науки»,
Самаркандский государственный архитектурно-строительный институт;
И. И. Ризаев – доктор философии (PhD),
преподаватель кафедры «Общественные науки»,
Самаркандский государственный архитектурно-строительный институт.

Information about the authors

S. A. Alikulov – Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor at the Department of "Social Sciences",
Samarkand State Architectural and Civil Engineering Institute;
I. I. Rizaev – Doctor of Philosophy (PhD),
Lecturer at the Department of "Social Sciences",
Samarkand State Architectural and Civil Engineering Institute.

Статья поступила в редакцию 29.08.2022; одобрена после рецензирования 09.09.2022; принята к публикации 12.09.2022.

The article was submitted 29.08.2022; approved after reviewing 09.09.2022; accepted for publication 12.09.2022.

Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 65–70.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2022. No. 2 (92). P. 65-70.

Научная статья
УДК 331.45

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ ТРУДА В УСЛОВИЯХ РЕГУЛЯТОРНОЙ ГИЛЬОТИНЫ

Вера Сергеевна Хомякова¹, Наталья Владимировна Гущина²

^{1,2} Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург, Россия

¹ Veranika.73@mail.ru

² voropaevan@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме трансформации механизмов управления охраной труда и организации социального партнерства в данной сфере в условиях масштабного пересмотра нормативных правовых актов. Проводится анализ роли социального партнерства в оценке потенциальных опасностей производственной деятельности и обеспечении безопасности труда работников. Подчеркивается, что социальное партнерство в области охраны труда становится не только гарантом соблюдения прав и законных интересов работников, но и инструментом управления профессиональными рисками на предприятиях.

Ключевые слова: социальное партнерство, трудовые отношения, условия труда, риск, управление охраной труда, регуляторная гильотина

Для цитирования: Хомякова В. С., Гущина Н. В. Социальное партнерство в сфере труда в условиях регуляторной гильотины // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 65–70.

Original article

SOCIAL PARTNERSHIP IN THE SPHERE OF LABOR IN THE CONDITIONS OF THE REGULATORY GUILLOTINE

Vera S. Khomyakova¹, Natalia V. Gushchina²

^{1,2} Ural State Agrarian University, Yekaterinburg, Russia

¹ Veranika.73@mail.ru.

² voropaevan@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of transformation of labor protection management mechanisms and the organization of social partnership in this area in the context of a large-scale revision of regulatory legal acts. The analysis of the role of social partnership in assessing the potential hazards of industrial activity and ensuring the safety of employees is carried out. It is emphasized that social partnership in the field of labor protection becomes not only a guarantor of compliance with the rights and legitimate interests of employees, but also a tool for managing professional risks at enterprises.

Keywords: social partnership, labor relations, working conditions, risk, occupational safety management, regulatory guillotine

For citation: Khomyakova V. S., Gushchina N. V. Social partnership in the sphere of labor in the conditions of the regulatory guillotine. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2022. No. 2 (92). Pp. 65-70. (In Russ.).

В настоящее время в России процесс реализации регуляторной гильотины привел к серьезным трансформациям в сфере трудовых отношений, эти изменения затронули не только взаимодействие между работодателем и работниками, но и функциональные возможности социального партнерства. Изменения касаются как реформирования существовавших, так и формирования новых взаимоотношений и дают качественно иные возможности выстраивания социально-трудовых отношений в процессе управления охраной труда на предприятиях.

Нововведения в трудовом законодательстве обязывают каждого работодателя планомерно внедрять и развивать систему управления охраной труда, ориентированную на превентивное снижение производственных опасностей путем разработки адресных мероприятий, направленных на создание и улучшение условий труда на основе оценки и анализа профессиональных рисков.

Для реализации комплексных мероприятий по охране труда, санитарно-оздоровительных мер всем участникам трудовых отношений необходимы знания многоуровневой системы правового регулирования в области охраны труда, промышленной безопасности и социального партнерства в данной сфере.

Сегодня российские нормативно-правовые документы в области охраны труда выстроены в жесткой иерархии, включающей международный, государственный, межотраслевой, отраслевой и локальный уровни, которые тесно связаны. Каждый из уровней регулирует и закрепляет конкретные правовые нормы и требования, устанавливает правила, процессы и процедуры, которые призваны укреплять здоровье и сохранять жизнь работника на протяжении всей трудовой деятельности.

Одним из основных принципов правового регулирования трудовых отношений является принцип обеспечения охраны труда как субъективного права каждого работника на сохранение здоровья за счет создания работодателем безопасных и комфортных условий труда и возможности отстаивать данное право перед руководством предприятия.

В социальном значении охраны труда важными становятся не только повышение работоспособности, оптимизация трудовых затрат при соблюдении требований охраны труда, но и защита здоровья работников от возможных производственных рисков.

Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ) с 1 марта 2022 г. действует в новой редакции, которая существенно изменяет подход к управлению охраной труда, основным процессом которого становится работа с профессиональными рисками¹. Основной задачей трансформации процессов управления охраной труда становится переход от реагирования постфактум на производственные несчастные случаи к управлению рисками повреждения здоровья работников [1, с. 72].

В свою очередь, процесс управления профессиональными рисками может быть эффективным только в условиях взаимного сотрудничества работодателя и работников, т. е. в условиях социального партнерства.

Социальное партнерство в сфере труда (социальное партнерство) – это система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений². Сторонами социального партнерства являются работники и рабо-

¹ О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 2 июля 2021 г. № 311-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Ст. 23 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 25 февр. 2022 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тодатели в лице уполномоченных в установленном порядке представителей. Органы государственной власти и органы местного самоуправления являются сторонами социального партнерства в случаях, когда они выступают в качестве работодателей, а также в других случаях, предусмотренных трудовым законодательством [2].

На федеральном уровне действует Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений, в которой на паритетной основе представлены представители профсоюзов, объединений работодателей и Правительства Российской Федерации. Во всех субъектах Российской Федерации действуют региональные трехсторонние комиссии по регулированию социально-трудовых отношений.

Обязательства сторон социального партнерства на федеральном уровне по ключевым направлениям социально-экономической политики зафиксированы в Генеральном соглашении между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации. На межрегиональном, региональном, отраслевом (межотраслевом) и территориальном уровнях социального партнерства также заключаются соглашения, регулирующие социально-трудовые отношения. Соглашения, заключенные на федеральном уровне, проходят уведомительную регистрацию в Роструде и публикуются на официальных сайтах Минтруда России, Роструда, а также в журнале «Бизнес России», газете «Солидарность» [2; 3].

Практикующие специалисты в области охраны труда на протяжении последних лет акцентируют внимание на том, что «...использование социального партнерства в улучшении условий труда – объективная необходимость сегодняшнего дня, что позволяет значительную часть вопросов регулировать через договоры и соглашения, устанавливая баланс интересов всех его сторон» [4, с. 84].

В течение трудовой деятельности и при возникновении несчастного случая на производстве пострадавшему работнику зачастую необходима помощь в решении правовых вопросов. В таких ситуациях интересы работника может представлять его представитель или доверенное лицо. Представителями работников в социальном партнерстве являются: профессиональные союзы и их объединения, иные профсоюзные организации, предусмотренные уставами общероссийских, межрегиональных профсоюзов, или иные представители (уполномоченные), избираемые работниками в случаях, предусмотренных Трудовым кодексом Российской Федерации.

Особой общностью каждого трудового коллектива является первичная профсоюзная организация как добровольное объединение членов профсоюза, работающих на одном предприятии, в одной организации независимо от форм собственности и подчиненности, такое объединение действует на основании положения, принятого в соответствии с уставом, или на основании общего положения о первичной профсоюзной организации соответствующего профсоюза.

Официальным представителем первичной профсоюзной организации является уполномоченный по охране труда, который организует свою деятельность в соответствии с требованиями трудового законодательства. Количество уполномоченных на предприятии определяется в зависимости от фактических условий труда и уровней профессиональных рисков.

Уполномоченные избираются на срок полномочий профсоюзного комитета соответствующей первичной профсоюзной организации открытым голосованием на общем профсоюзном собрании (конференции) из наиболее авторитетных, компетентных и инициативных ее членов.

Уполномоченным не может быть избран работник (должностное лицо), который по занимаемой должности несет ответственность за обеспечение безопасных условий и охра-

ны труда в структурном подразделении. Выдвижение уполномоченных в состав совместного комитета (комиссии) по охране труда в качестве представителей работников осуществляется на основании решения выборного органа первичной профсоюзной организации подразделения.

Уполномоченные осуществляют общественный контроль, как правило, в подразделениях, где они избраны во взаимодействии с руководителями и иными должностными лицами структурного подразделения, в том числе со специалистом по охране труда. Руководство деятельностью уполномоченных осуществляется профсоюзным комитетом первичной профсоюзной организации.

Предложения уполномоченных по выявленным нарушениям требований охраны труда, направленные в виде «Предложений», рассматриваются руководителями структурных подразделений, которые информируют профсоюзный комитет соответствующей первичной профсоюзной организации и уполномоченных о принятых мерах по устранению нарушений. Уполномоченные два раза в год отчитываются о работе на заседании профсоюзного комитета или на общем профсоюзном собрании.

На многих предприятиях проблемой становится предоставление уполномоченным по охране труда во внутреннем трудовом расписании предприятия специального времени для контроля за обеспечением надлежащих условий и охраны труда, а также персональный подход к личности и интересам работника, выполняющего данную общественную нагрузку. Уполномоченный должен в обязательном порядке за счет средств работодателя пройти специальное обучение в обучающей организации, имеющей аккредитацию по обучению охране труда руководителей и специалистов. На предприятии уполномоченного необходимо обеспечить специально оборудованным местом для работы с нормативной документацией, правилами, инструкциями по охране труда.

На уровне организаций социально-трудовые отношения в первую очередь регулируются коллективным договором, заключаемым работниками и работодателем, в котором серьезное внимание уделяется профилактике и, в случае возникновения, урегулированию трудовых споров. Зачастую основанием для неурегулированных разногласий между работниками и работодателями становятся неблагоприятные условия труда на рабочих местах и производственные несчастные случаи.

В условиях реализации рискориентированного подхода основной целью охраны труда становится превентивная работа по снижению вероятности получения травмы работником в процессе трудовой деятельности. В целях снижения рисков травмирования одновременно с обязательной специальной оценкой условий труда законодательно введен процесс оценки профессиональных рисков (как коллективных, так и индивидуальных), по результатам которой должен быть разработан комплекс мер, направленных на снижение каждой выявленной опасности до приемлемого уровня.

На большинстве крупных предприятий действующие вредные и опасные производственные факторы были планомерно выявлены в ходе многолетней работы при проведении аттестации рабочих мест, а в дальнейшем – и специальной оценки условий труда. Пришло время оценить вероятность и последствия их влияния на здоровье человека. В этих условиях социальное партнерство становится дополнительным инструментом управления рисками на производстве. Именно работники, выполняющие подчас опасные и вредные производственные операции, могут достоверно определить уровень профессионального риска.

Привлечение работников, реально заинтересованных в снижении профессиональных рисков, к разработке адресных профилактических мероприятий, позволит не только минимизировать материальные затраты на их реализацию, но и достичь максимальной эффективности внедрения.

Изменения в законодательстве, обусловленные реализацией регуляторной гильотины, потребуют и от профсоюзов, важных участников социального партнерства, пристального внимания к вопросам влияния профессиональных рисков на здоровье работников. Особое внимание необходимо уделить организации предприятием медицинских осмотров работающих и обеспечению их лечебно-оздоровительными путевками. С 1 апреля 2021 г. вступил в силу новый документ о проведении медосмотров, который требует кардинального пересмотра контингента работающих, обязанных проходить периодические медицинские осмотры¹. В этой связи возрастает ответственность уполномоченных в разъяснении работникам новых требований в отборе персонала, подлежащего обязательным медосмотрам, поскольку в настоящее время происходит процесс сращивания медицинского осмотра и диспансеризации.

С 1 марта 2022 г. ТК РФ делает акцент на информированности работников об условиях труда, существующих профессиональных рисках, предоставляемых средствах индивидуальной защиты, гарантиях и компенсациях. В связи с этим уполномоченные по охране труда, профсоюзные организации как представители работников должны контролировать порядок информирования в соответствии с новыми требованиями, использовать установленные формы и способы.

В заключение отметим, что в условиях серьезной трансформации законодательства и изменения приоритетов деятельности предприятий в области охраны труда очередным этапом развития социального партнерства становится взаимодействие работников, их представителей и работодателей в сфере управления профессиональными рисками. Особое значение приобретают инвестиции в кадры – мотивация работников, уполномоченных лиц посредством участия в решении вопросов охраны труда.

Социальное партнерство в области охраны труда становится не только гарантом обеспечения согласованных действий органов государственной власти, субъектов Российской Федерации, местного самоуправления, работодателей, профсоюзов в области охраны труда, поддержкой общественного контроля в соблюдении прав и законных интересов работников, но и инструментом управления профессиональными рисками на предприятиях.

Список источников

1. Хомякова В. С. Трансформация парадигмы управления охраной труда // Образование в области безопасности жизнедеятельности и новых технологий: проблемы и перспективы развития: сб. ст. V Всерос. науч.-практ. конф., Чита, 25 марта 2021 г. Чита: Забайкальский государственный университет, 2021. С. 70–76.
2. Социальное партнерство в сфере труда // Минтруд России: офиц. сайт. 2022. 9 марта. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/partner/> (дата обращения: 20.04.2022).
3. Перечень и тексты действующих отраслевых (межотраслевых) соглашений, заключенных на федеральном уровне социального партнерства (по состоянию на 6 мая 2020 года) // Роструд: офиц. сайт. URL: <https://rostrud.gov.ru/control/sotrudnichestvo-i-partnerstvo/?ID=892434> (дата обращения: 20.04.2022).
4. Косинова Н. В. Роль социального партнерства в улучшении условий и охраны труда // Омский научный вестник. 2013. № 2 (116). С. 82–84.

References

1. Khomyakova V. S. Transformatsiya paradigmy upravleniya okhranoi truda [Transformation of the occupational safety management paradigm]. *Obrazovanie v oblasti bezopasnosti zhiznedejatel'nosti i novykh tekhnologii: problemy i perspektivy razvitiya*. Chita, Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet, 2021, pp. 70–76. (In Russ.).

¹ Об утверждении Порядка проведения обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров работников, предусмотренных частью четвертой статьи 213 Трудового кодекса Российской Федерации, перечня медицинских противопоказаний к осуществлению работ с вредными и (или) опасными производственными факторами, а также работам, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры [Электронный ресурс]: приказ Минздрава России от 28 янв. 2021 г. № 29н (ред. от 1 февр. 2022 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Sotsial'noe partnerstvo v sfere truda [Social partnership in the sphere of labor]. *Mintrud Rossii*. 2022. (In Russ.). Available at: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/partner/> (accessed: 20.04.2022).

3. Perechen' i teksty deistvuyushchikh otraslevykh (mezhotraslevykh) soglashenii, zaklyuchennykh na federal'nom urovne sotsial'nogo partnerstva (po sostoyaniyu na 6 maya 2020 goda) [List and texts of current sectoral (intersectoral) agreements concluded at the federal level of social partnership (as of May 6, 2020)]. *Rostrud*. (In Russ.). Available at: <https://rostrud.gov.ru/control/sotrudnichestvo-i-partnerstvo/?ID=892434> (accessed: 20.04.2022).

4. Kosinova N. V. Rol' sotsial'nogo partnerstva v uluchshenii uslovii i okhrany truda [The role of social partnership in improving working conditions and labor protection]. *Omskii nauchnyi vestnik*. 2013, no. 2 (116), pp. 82-84. (In Russ.)

Информация об авторах

В. С. Хомякова – кандидат философских наук,
заведующая кафедрой техносферной и экологической безопасности,

Уральский государственный аграрный университет;

Н. В. Гущина – старший преподаватель
кафедры техносферной и экологической безопасности,
Уральский государственный аграрный университет.

Information about the authors

V. S. Khomyakova – Candidate of Philosophical Sciences,
Head of the Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University;

N. V. Gushchina – Senior Lecturer at the Department
of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University.

Статья поступила в редакцию 02.09.2022; одобрена после рецензирования 14.09.2022; принята к публикации 15.09.2022.

The article was submitted 02.09.2022; approved after reviewing 14.09.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 71–80.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2022. No. 2 (92). P. 71-80.

Научная статья
УДК 332.025

ВОЗМОЖНОСТЬ БАЛАНСИРОВКИ БЮДЖЕТА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПРИ НОВОМ ПОДХОДЕ К УПРАВЛЕНИЮ СОБСТВЕННОСТЬЮ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДА ПЕРМИ)

Евгений Викторович Рожков

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия,
r-yevgeniy@internet.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0886-5928>

Аннотация. В статье акцентировано внимание на процессах внедрения цифровых платформ по управлению городской собственностью и контролю над этими процессами в России. Отмечается, что переход к цифровой экономике в нашей стране касается всех сфер экономики, в том числе управления муниципальным имуществом. На основе изучения информации о собственности г. Перми, особенностях ее использования и доступности для горожан с учетом применения интернет-ресурсов автором рассмотрена научная аргументация возможности внедрения доступной цифровой платформы управления имуществом. В статье отмечается актуальность анализа использования имущества горожанами. Показано, что при управлении муниципальной собственностью возникают разнообразные проблемы. Работа базируется на теоретическом методе исследования. Проведены анализ и оценка социально-экономических последствий для г. Перми недостаточного общественного контроля за муниципальной собственностью, которые показывают, что требования к предоставлению услуг в электронном виде со стороны жителей города удовлетворяются не в полном объеме. Управление муниципальной собственностью с применением новых цифровых технологий позволяет влиять на доходную часть городского бюджета и его сбалансированность. В статье проведен анализ доходной части бюджета г. Перми на 2022 и 2023 гг. На основе обобщения полученных данных сделаны выводы, которые могут учитываться органами местного самоуправления.

Ключевые слова: бюджет города, муниципальное образование, цифровизация, муниципальное имущество, управление, город

Для цитирования: Рожков Е. В. Возможность балансировки бюджета муниципального образования при новом подходе к управлению собственностью (по материалам города Перми) // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 71–80.

Original article

THE OPPORTUNITY OF BALANCING THE BUDGET OF MUNICIPAL EDUCATION WITH A NEW APPROACH OF PROPERTY MANAGEMENT (ON THE MATERIALS OF THE CITY OF PERM)

Evgeniy V. Rozhkov

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia, r-yevgeniy@internet.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0886-5928>

Abstract. The article focuses on the processes of implementing digital platforms for urban property management and control over these processes in Russia. It is noted that the transition to the digital

economy in our country concerns all spheres of the economy, including the management of municipal property. Based on the study of information about the property of the city of Perm, the peculiarities of its use and accessibility for citizens, taking into account the use of Internet resources, the author considers the scientific argumentation of the possibility of introducing an accessible digital property management platform. The article notes the relevance of the analysis of the use of property by citizens. It is shown that various problems arise in the management of municipal property. The work is based on the theoretical method of research. The analysis and assessment of the socio-economic consequences for the city of Perm of insufficient public control over municipal property, which show that the requirements for the provision of services in electronic form by the residents of the city are not fully met. The management of municipal property with the use of new digital technologies allows you to influence the revenue side of the city budget and its balance. The article analyzes the revenue side of the budget of the city of Perm for 2022 and 2023. Based on the generalization of the data obtained, the article draws conclusions that can be taken into account by local governments.

Keywords: city budget, municipality, digitalization, municipal property, management, city

For citation: Rozhkov E. V. The opportunity of balancing the budget of municipal education with a new approach of property management (on the materials of the city of Perm). *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2022. No. 2 (92). Pp. 71-80. (In Russ.).

Введение

Муниципальная экономика как отрасль экономических знаний, утраченная в эпоху централизованного государственного отраслевого управления, в настоящее время формируется в основном экономикой российских городов [1, с. 6].

Одним из важных элементов экономики является планирование, в том числе планирование бюджета на уровне муниципального образования, которое обуславливается действием объективных экономических законов. Современное экономическое состояние определяет необходимость перехода к полномасштабным процедурам индикативного планирования [2].

Проект городского бюджета формируется в соответствии Бюджетным кодексом Российской Федерации [3]. При планировании бюджета муниципального образования возможен переход от сценарных планов к динамическим планам – инструкциям [4].

В последние годы в нашей стране местные органы власти всё чаще встречаются с проблемой устаревшей нормативно-правовой базы по формированию доходов бюджета, в особенности это касается тех статей доходной части бюджета муниципалитета, которые прямо или косвенно связаны с муниципальным имуществом [2].

Ученые акцентируют внимание на важности правильного построения бюджетного процесса и поддержания экономического роста и развития муниципалитета в долгосрочном периоде. Принято считать, что эффективное управление финансами со стороны местных органов власти влияет на благополучие общества и на достижение стратегических целей социально-экономического развития [5].

Чрезвычайная ограниченность городских бюджетов, обремененность социальными обязательствами (строительство школ, детских садов и т. д.), в том числе различными региональными и федеральными, выступили одной из причин продажи муниципальной собственности [6, с. 54].

Актуальность вопроса о балансировке городского бюджета с помощью применения современных средств управления муниципальным имуществом бесспорна. При проведении анализа годового бюджета возможность балансировки бюджета видится только в ежегодной экономии денежных средств. Теоретико-методологическая актуальность данной работы заключается в выявлении экономической необходимости внедрения новых подходов в управлении муниципальным имуществом, в частности цифровых технологий.

В настоящее время цифровизация в управлении городской собственностью активно применяется в основном в крупных и достаточно «молодых» городах стран Азии, Среднего и Ближнего Востока [7].

Цель данной работы – выявление новых возможностей в управлении городским имуществом. Задача исследования – определить основные направления для решения имеющихся проблем сбалансированности бюджета с учетом новых методов использования муниципальной собственности, в том числе с помощью цифровых технологий.

В ходе работы над статьей автором был применен общенаучный метод познания, анализа и сравнения. Новизна и практическая значимость статьи заключаются в обращении к существующему порядку формирования бюджета на уровне муниципального образования (в 2021 г.) и возможности его увеличения при эффективном использовании собственности в 2022 г. Новизна исследования обосновывается в проекте социально-экономического развития г. Перми, который автор статьи представлял на конкурсе по выбору мэра города Перми в 2021 г.

Сегодня уже можно говорить о цифровом преобразовании как об экономической деятельности, не только кардинально меняющей образ жизни людей, но и оказывающей глубокое влияние на формирование новой культуры цифровой эпохи [8]. Цифровые изменения всё больше внедряются в различные организации, к числу которых относятся и органы государственной власти и местного самоуправления [9].

В 2021 г. в Перми прошла сессия «Стратегия цифровой трансформации Пермского края – 2030», на которой присутствовали руководство города и края, представители Министерства информационного развития РФ. На ней отмечалось, что в городе присутствуют все типы сервисов, которые планомерно развиваются, а цифровизация, возможно, является условием обеспечения социального благополучия [2].

Технический прогресс идет с очень большой скоростью. Создаются новые компьютерные технологии, программы и социальные сети. Появляются высокоэффективные поисковые системы, которые позволяют найти необходимую информацию в любое время и в любом месте при наличии интернета [10–12]. Способность внедрять цифровые технологии определяет конкурентоспособность в экономике. Цифровые технологии вызывают глубокую трансформацию как в экономике, так и в обществе, а сами услуги становятся «цифровыми». Изменяется также система государственного управления, становясь всё более «цифровой» [13]. Управление муниципальным имуществом может осуществляться с помощью цифровых платформ. Самые простые составляющие платформы описаны М. Эунли в виде двух сторон – спроса и предложения, объединенных через экосистему и использующих алгоритмы платформы [14].

Объективный и своевременный статистический мониторинг процессов и результатов цифровизации муниципального имущества может быть реализован в полном объеме при наличии соответствующего подзаконного акта о порядке статистического мониторинга цифровой трансформации. Создание простого универсального цифрового ресурса поможет, в частности, инвесторам, застройщикам планировать свою деятельность, развивать жилищное строительство [2].

Действующая информационная система не учитывает тенденции и конъюнктуру рынка и обеспеченность горожан бытовыми и социальными услугами [15].

Тенденции развития

Формирование бюджета г. Перми. Проблемой муниципального бюджета в основном является низкая обеспеченность собственными доходами, а также порядок межбюджетных отношений. Местных налогов также не достаточно для покрытия затрат муниципального образования.

Финансовым органом, осуществляющим управление в сфере финансов, налоговой политики и бюджетного процесса, исполнения бюджета города, является департамент финансов г. Перми. Бюджетный процесс в городе – это регламентированная правовыми актами деятельность Пермской городской думы и администрации города по составлению, рассмотрению, утверждению и исполнению бюджета.

Доходная часть бюджета г. Перми на 2022 г. составляет 43,6 млрд руб., в том числе налоговые доходы – 16 млрд руб., неналоговые доходы – 5 млрд руб., безвозмездные поступления (из других бюджетов) – 20 млрд руб. Доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности, год от года уменьшаются (с 0,886 млрд руб. до 0,715 млрд руб.), доходы от реализации государственной и муниципальной собственности также снижаются (в 2021 г. – 0,159 млрд руб., 2022 г. – 0,073 млрд руб., 2023 г. – 0,060 млрд руб.) [2].

Процесс формирования муниципального бюджета имеет ряд признаков, среди которых – направленность социального характера [2].

В краткосрочной перспективе бюджетный процесс будет иметь напряженный характер вследствие падения темпов роста собственных доходов бюджета [16, с. 187].

Управление муниципальной собственностью. Органы местного самоуправления в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации имеют право на управление собственностью и ведение соответствующей хозяйственной деятельности с ее применением [17].

Недвижимое городское имущество г. Перми (19 850 единиц) относится к объектам инженерной инфраструктуры. Сооружения в количестве 724 шт. на 1 января 2020 г. определены балансовой стоимостью 18 347 млн руб. Продажа муниципального имущества осуществляется на основании решения Пермской городской думы и проводится на аукционе в электронной форме [2].

Исследователи проблем управления собственностью подчеркивают важность применения комплексного подхода к решению подобных задач, четкости поставленной цели и направленности на определенный (положительный) результат [18]. Однако управление муниципальным имуществом в настоящее время в первую очередь предполагает использование цифровых технологий. К основным аспектам цифровизации государственного управления относят: создание многофункциональных центров, Единого портала государственных услуг, формирование системы межведомственного электронного взаимодействия, развитие базовых государственных информационных ресурсов и предоставление общих сервисов.

Роль органов власти в развитии города неоспорима, но население в большей степени, чем органы власти, готово к инновационным преобразованиям [19]. К современной модели управления собственностью относится передача муниципалитетом некоторого объема публичных полномочий и решений по использованию имущества на откуп рынку, предпринимателям [2]. Так же и разработка информационных систем по модели государственно-частного партнерства даст начало появлению нового частного цифрового бизнеса [20].

Цифровизация процессов управления собственностью будет наиболее эффективной при условии, что состояние этих объектов будет оптимальным [21, с. 68]. При этом качественное развитие сетевого окружения имеет жесткую региональную дифференциацию [22].

Данные

Субъективные права муниципального образования одновременно являются для него обязанностями [23]. Теоретически право собственности можно рассматривать не как фиксированную точку, а как непрерывный ряд [2]. Реализация правомочий собственника муниципального имущества представлена на рисунке 1.

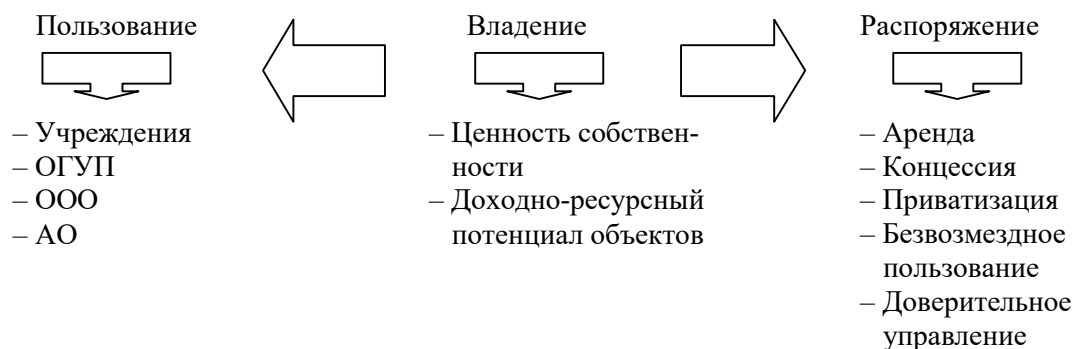

Рис. 1. Правомочия собственника муниципального имущества [2]

Эксплуатация объектов – длительный и затратный период жизненного цикла объекта, и именно на нем можно получить экономический эффект от внедрения ВІМ-технологий [24].

По мнению О. В. Савина и Н. П. Садовникова, управление имуществом заключается в совокупности эффективных действий собственника [25]. Муниципальное образование осуществляет несколько видов учета собственности, а применение «цифрового управления» позволит решить задачи их объединения в едином алгоритме [26].

Вероятность проведения цифровизации в городах Пермского края (Пермь, Березники, Соликамск) представлена в таблице 1.

Таблица 1

Классификация городов Пермского края (Пермь, Березники, Соликамск) в зависимости от степени вероятности применения цифровых технологий в управлении муниципальной собственностью

№ п/п	Город	Численность населения (тыс. чел.)	Вероятность
1	Пермь	1 048,0	Высокая (90–99 %)
2	Березники	141,2	Средняя (60–89 %)
3	Соликамск	108,5	Средняя (60–89 %)

Источник: составлено автором.

Как видно из таблицы 1, вероятность цифровизации муниципального имущества городов в регионе невелика. Основным «локомотивом» реализации программы является г. Пермь, вероятность выполнения программы «высокая» (в срок до 2024 г. – до 99 %). В ряде городов вероятность выполнения программы «средняя» (60–89 %), к ним автор статьи относит Березники, Соликамск (численность населения – более 100 тыс. чел.). Градация городов по выполнению программ цифровизации имущества связана с финансированием из местного бюджета (все они дефицитные) [27].

Для анализа цифровизации материальной базы муниципального образования автором применяется SWOT-анализ (табл. 2), позволяющий определить сильные и слабые стороны, возможности и угрозы при внедрении новых технологий в данном направлении. В SWOT-анализе слабых сторон (W) выделено больше, чем сильных (S), а возможностей (O) столько же, сколько и угроз (T). Соответственно, как и при внедрении чего-либо нового, имеется ряд трудностей, которые необходимо будет преодолевать [28].

Цифровизация муниципальной материальной базы приведет к увеличению стоимости последней и улучшению использования с экономической точки зрения.

Таблица 2

SWOT-анализ цифровизации материальной базы

S (сильные стороны): – цифровой прогресс является неизбежной частью социального совершенства опыта; – прогрессивные начинания приводят к положительному эффекту в экономике; – увеличение количества услуг для населения в электронном виде; – повышение конкурентоспособности	W (слабые стороны): – усовершенствование технологий лишает человека возможности ощущать и действовать; – мгновенный успех от повсеместной цифровизации не достижим; – не достаточно средств безопасности, незащищенность от мошенников; – браузерная безопасность; – сетевая безопасность; – возможность правильного реагирования при управлении в кризисных ситуациях; – наличие противоречия между интересами инициаторов внедрения цифровых технологий и их противниками
О (возможности): – облегчение умственного труда человека; – замена низкоквалифицированного труда; – предотвращение деструктивных угроз	Т (угрозы): – облегчение преодоления каких-либо препятствий и сложностей; – ослабление интеллектуальных способностей человека; – цифровизация образования не приветствуется учеными; – компьютерные атаки на государственные, муниципальные и частные информационные ресурсы; – отсутствие гарантий сохранения персональных и биометрических данных человека

Прим. Составлено автором.

Вывод

Результаты предложенного исследования по проведению цифровизации муниципальной собственности позволят более эффективно управлять ею, повысить ее стоимость и конкурентоспособность на арендном рынке. Благодаря современному управлению городской собственностью увеличится поступление денежных средств в бюджет. Новые возможности управления городским имуществом дадут местным органам власти возможность не только сбалансировать бюджет в ближайшие годы, но и сделать его профицитным в течение нескольких лет.

Список источников

1. Силин Я. П., Анимидца Е. Г. Эволюция парадигмы региональной экономики // Journal of New Economy. 2020. Т. 21. № 1. С. 5–28.
2. Рожков Е. В. Индикативное планирование роста доходной части бюджета муниципального образования на основе целевой программы управления муниципальным имуществом // Информационные технологии в управлении и экономике. 2021. № 3 (28). С. 62–81.

3. Максимов А. В. Формирование и использование местного бюджета муниципального образования (на материалах г. Ростова-на-Дону) // Учет и статистика. 2013. № 3 (31). С. 212–224.
4. Ладыкова Т. И. Теоретические аспекты индикативного планирования в современных условиях // *Oeconomia et Jus*. 2017. № 2. С. 12–27.
5. Никифорова Е. А., Федорова У. М. Оценка качества бюджетного процесса в Псковской области // Муниципальная академия. 2020. № 2. С. 115–121.
6. Рой О. М. Судьба города: неюбилейные заметки // Национальные приоритеты России. 2016. № 2 (20). С. 52–57.
7. Шемякина В. А. Новые города XXI века. Новые видения и возможности // Градостроительство и урбанистика. 2017. № 1 (38). С. 256–271.
8. Ткаченко И. Н., Стариков Е. Н. Цифровая экономика: основные тренды и задачи развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 244–255. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-244-255>.
9. Лысенко А. Н., Афанасьева Н. А., Рахмеева И. И. Оценка уровня цифровизации регионов центрального федерального округа // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 3. С. 171–182.
10. Капустина Л. М., Лазуков М. В. Трансформация маркетингового управления в цифровую эпоху // Менеджмент и предпринимательство в парадигме устойчивого развития: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург. 2019. С. 70–73.
11. Santanu K. D., Gouri S. L. Traditional marketing vs digital marketing: An analysis // *International Journal of Commerce and Management Research*. 2016. Vol. 2. Issue 8. Pp. 5–11.
12. Saura J., Palos-Sanohez P., Suarez L. Understand the Digital Marketing Environment with KPIs and Web Analytics // *Future Internet*. 2017. Vol. 9. Issue 76.
13. Миролубова Т. Н., Радионова М. В. Роль сектора ИКТ и факторы цифровой трансформации региональной экономики в контексте государственного управления // Вестник Пермского университета. Сер. Экономика. 2020. Т. 15. № 2. С. 253–270. <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2020-2-253-270>.
14. Федорова Т. А. Цифровые бизнес-модели: цифровые платформы, разновидности и функции // *Znanstvena misel journal*. 2019. № 3. С. 28–33.
15. Яруллин Р. Р. Доходы от сдачи в аренду объектов муниципального нежилого фонда и резервы их роста // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 8 (183). С. 170–176.
16. Поварова А. И. Проблемы формирования бюджета городского округа // Проблемы развития территории. 2017. № 2 (88). С. 177–191.
17. Беляков К. П., Сариев Н. Муниципальная собственность: нормативно-правовые основы управления // Экономика, управление, право: состояние и тенденции развития: межвуз. сб. науч. тр. Самара, 2021. С. 68–77.
18. Дубровский В. Ж., Бурак А. А. Опыт и перспективы программно-целевого управления сложноорганизованными экономическими системами // Современные управленческие технологии: от теории и методологии к практическим решениям: моногр / под науч. ред. И. Н. Ткаченко. Екатеринбург, 2016. С. 60–78.
19. Spigel B., Harrison R. Toward a process theory of entrepreneurial ecosystems // *Strategic Entrepreneurship Journal*. 2018. Vol. 12 (1). Pp. 151–168.
20. Hajiheydari N., Zarei B. Developing and manipulating business models applying system dynamics approach // *Journal of Modeling in Management*. 2012. Vol. 8 (2). Pp. 155–170.
21. Лукашов А. И. Отдельные направления повышения эффективности государственного управления в условиях цифровизации // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. № 3. С. 67–75.
22. Мирошниченко И. В., Рябченко Н. А. Экосистема сетевого публичного управления: оценка готовности сетевого окружения к инновационным практикам (на примере субъектов РФ) // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т. 18. № 4. С. 6–21.
23. Чердакова Л. А. Право собственности муниципальных образований: некоторые особенности осуществления и правового регулирования // Сибирский юридический вестник. 2015. № 2 (69). С. 52–56.

24. Иванова А. Н. Анализ эффективности использования BIM-технологий при эксплуатации объектов недвижимости // Научные достижения студентов и учащихся: сб. ст. IV Всерос. науч.-исслед. конкурса. Пенза, 2020. С. 17–21.

25. Савина О. В., Садовникова Н. П. Модель управления имущественным комплексом муниципального образования // Управление развитием крупномасштабных систем MLSD'2019: материалы двенадцатой междунар. конф. М., 2019. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 1004–1006.

26. Фролова Е. А., Щербень Е. Г. Цифровая экономика: муниципальный аспект // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 1 (75). С. 17–21.

27. Рожков Е. В. Возможности по созданию цифрового профиля // Друкеровский вестник. 2021. № 5 (43). С. 247–254.

28. Дубровский В. Ж., Рожков Е. В. Проблемы формирования цифровой платформы управления муниципальной собственностью (на примере города Перми) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 1. С. 142–155.

References

1. Silin Ya. P., Animitsa E. G. Evolyutsiya paradigmy regional'noi ekonomiki [Evolution of the Regional Economy Paradigm]. *Journal of New Economy*. 2020, vol. 21, no. 1, pp. 5-28. (In Russ.).

2. Rozhkov E. V. Indikativnoe planirovanie rosta dokhodnoi chasti byudzheta munitsipal'nogo obrazovaniya na osnove tselevoi programmy upravleniya munitsipal'nym imushchestvom [Indicative planning of the growth of the revenue part of the budget of the municipality based on the target program for the management of municipal property]. *Informatsionnye tekhnologii v upravlenii i ekonomike*. 2021, no. 3 (28), pp. 62-81. (In Russ.).

3. Maksimov A. V. Formirovanie i ispol'zovanie mestnogo byudzheta munitsipal'nogo obrazovaniya (na materialakh g. Rostova-na-Donu) [Formation and use of the local budget of the municipality (on the materials of the city of Rostov-on-Don)]. *Uchet i statistika*. 2013, no. 3 (31), pp. 212-224. (In Russ.).

4. Ladykova T. I. Teoreticheskie aspekty indikativnogo planirovaniya v sovremennykh usloviyakh [Theoretical aspects of indicative planning in modern conditions] *Oeconomia et Jus*. 2017, no. 2, pp. 12-27. (In Russ.).

5. Nikiforova E. A., Fedorova U. M. Otsenka kachestva byudzhetnogo protsessa v Pskovskoi oblasti [Assessment of the quality of the budget process in the Pskov region]. *Munitsipal'naya akademiya*. 2020, no. 2, pp. 115-121. (In Russ.).

6. Roi O. M. Sud'ba goroda: neyubileinye zametki [The fate of the city: non-anniversary notes]. *Natsional'nye priority Rossii*. 2016, no. 2 (20), pp. 52-57. (In Russ.).

7. Shemyakina V. A. Novye goroda XXI veka. Novye videniya i vozmozhnosti [New cities of the XXI century. New visions and opportunities]. *Gradostroitel'stvo i urbanistika*. 2017, no. 1 (38), pp. 256-271. (In Russ.).

8. Tkachenko I. N., Starikov E. N. Tsifrovaya ekonomika: osnovnye trendy i zadachi razvitiya [Digital Economy: Key Trends and Development Challenges]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Ekonomika. Upravlenie. Pravo*. 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 244-255. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-244-255>.

9. Lysenko A. N., Afanas'eva N. A., Rakhmeeva I. I. Otsenka urovnya tsifrovizatsii regionov tsentral'nogo federal'nogo okruga [Assessment of the level of digitalization of the regions of the central federal district]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnikeskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 2021, no. 3, pp. 171-182. (In Russ.).

10. Kapustina L. M., Lazukov M. V. Transformatsiya marketingovogo upravleniya v tsifrovuyu epokhu [Transforming Marketing Management in the Digital Age]. *Menedzhment i predprinimatel'stvo v paradigme ustoychivogo razvitiya*. Ekaterinburg, 2019, pp. 70-73. (In Russ.).

11. Santanu K. D., Gouri S. L. Traditional marketing vs digital marketing: An analysis. *International Journal of Commerce and Management Research*. 2016, vol. 2, issue 8, pp. 5-11.

12. Saura J., Palos-Sanohez P., Suarez L. Understand the Digital Marketing Environment with KPIs and Web Analytics. *Future Internet*. 2017, vol. 9, issue 76.

13. Mirolubova T. N., Radionova M. V. Rol' sektora IKT i faktory tsifrovoy transformatsii regional'noi ekonomiki v kontekste gosudarstvennogo upravleniya [The role of the ICT sector and factors of digital transformation of the regional economy in the context of public administration]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Ekonomika*. 2020, vol. 15, no. 2, pp. 253-270. <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2020-2-253-270>. (In Russ.).
14. Fedorova T. A. Tsifrovye biznes-modeli: tsifrovye platformy, raznovidnosti i funktsii [Digital Business Models: Digital Platforms, Variations and Functions]. *Znanstvena misel journal*. 2019, no. 3, pp. 28-33. (In Russ.).
15. Yarullin R. R. Dokhody ot sdachi v arendu ob"ektov munitsipal'nogo nezhilogo fonda i rezervy ikh rosta [Income from the lease of objects of the municipal non-residential fund and reserves for their growth]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015, no. 8 (183), pp. 170-176. (In Russ.).
16. Povarova A. I. Problemy formirovaniya byudzheta gorodskogo okruga [Problems of forming the budget of the urban district]. *Problemy razvitiya territorii*. 2017, no. 2 (88), pp. 177-191. (In Russ.).
17. Belyakov K. P., Sariev N. Munitsipal'naya sobstvennost': normativno-pravovye osnovy upravleniya [Municipal property: regulatory and legal framework for management]. *Ekonomika, upravlenie, pravo: sostoyanie i tendentsii razvitiya*. Samara, 2021, pp. 68-77. (In Russ.).
18. Dubrovskii V. Zh., Burak A. A. Opyt i perspektivy programmno-tselevogo upravleniya slozhnoorganizovannymi ekonomicheskimi sistemami [Experience and prospects of program-targeted management of complex economic systems]. *Sovremennye upravlencheskie tekhnologii: ot teorii i metodologii k prakticheskim resheniyam*. Ekaterinburg, 2016, pp. 60-78. (In Russ.).
19. Spigel B., Harrison R. Toward a process theory of entrepreneurial ecosystems. *Strategic Entrepreneurship Journal*. 2018, vol. 12 (1), pp. 151-168.
20. Hajiheydari N., Zarei B. Developing and manipulating business models applying system dynamics approach. *Journal of Modeling in Management*. 2012, vol. 8 (2), pp. 155-170.
21. Lukashov A. I. Otdel'nye napravleniya povysheniya effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya v usloviyakh tsifrovizatsii [Separate areas for improving the efficiency of public administration in the context of digitalization]. *Finansovyi zhurnal*. 2021, vol. 13, no. 3, pp. 67-75. (In Russ.).
22. Miroshnichenko I. V., Ryabchenko N. A. Ekosistema setevogo publichnogo upravleniya: otsenka gotovnosti setevogo okruzheniya k innovatsionnym praktikam (na primere sub"ektov RF) [Ecosystem of network public administration: assessment of the readiness of the network environment for innovative practices (on the example of the subjects of the Russian Federation)]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 2017, vol. 18, no. 4, pp. 6-21. (In Russ.).
23. Cherdakova L. A. Pravo sobstvennosti munitsipal'nykh obrazovaniy: nekotorye osobennosti osushchestvleniya i pravovogo regulirovaniya [Ownership of municipalities: some features of implementation and legal regulation]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik*. 2015, no. 2 (69), pp. 52-56. (In Russ.).
24. Ivanova A. N. Analiz effektivnosti ispol'zovaniya BIM-tekhnologii pri ekspluatatsii ob"ektov nedvizhimosti [Analysis of the effectiveness of the use of BIM technologies in the operation of real estate]. *Nauchnye dostizheniya studentov i uchashchikhsya*. Penza, 2020, pp. 17-21. (In Russ.).
25. Savina O. V., Sadovnikova N. P. Model' upravleniya imushchestvennym kompleksom munitsipal'nogo obrazovaniya [Model of management of the property complex of the municipality]. *Upravlenie razvitiem krupnomasshtabnykh sistem MLS D'2019*. Moscow, 2019, pp. 1004-1006. (In Russ.).
26. Frolova E. A., Shcherben' E. G. Tsifrovaya ekonomika: munitsipal'nyi aspekt [Digital Economy: Municipal Aspect]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. 2019, no. 1 (75), pp. 17-21. (In Russ.).
27. Rozhkov E. V. Vozmozhnosti po sozdaniyu tsifrovogo profilya [Opportunities to create a digital profile]. *Drukerovskii vestnik*. 2021, no. 5 (43), pp. 247-254. (In Russ.).
28. Dubrovskii V. Zh., Rozhkov E. V. Problemy formirovaniya tsifrovoy platformy upravleniya munitsipal'noi sobstvennost'yu (na primere goroda Permi) [Problems of forming a digital platform for managing municipal property (on the example of the city of Perm)]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 2021, no. 1, pp. 142-155. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. В. Рожков – аспирант кафедры экономики предприятий,
Уральский государственный экономический университет.

Information about the author

E. V. Rozhkov – Postgraduate at the Department of Enterprise Economics,
Ural State University of Economics.

Статья поступила в редакцию 05.09.2022; одобрена после рецензирования 15.09.2022;
принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 05.09.2022; approved after reviewing 15.09.2022; accepted for
publication 16.09.2022.

Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 81–88.

Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2022. No. 2 (92). P. 81-88.

Научная статья

УДК 316.61

ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ

Оксана Брониславовна Панова

Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний,
Вологда, Россия, xenia-vipe@mail.ru

Аннотация. На основе теоретического исследования представляются сущностные характеристики правовой социализации человека как социально-педагогического явления, раскрываются ее особенности с позиций разных типов правовой культуры, обосновывается предпочтительность антропоцентристской правовой культуры, выдвигающей на первый план субъектно-субъектный подход в социально-педагогическом сопровождении процесса правовой социализации человека.

Ключевые слова: правовая социализация, правовая социализированность, дефекты правовой социализированности, педагогическое сопровождение

Для цитирования: Панова О. Б. Правовая социализация личности в социологическом и психолого-педагогическом дискурсах // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 81–88.

Original article

LEGAL SOCIALIZATION OF PERSONALITY IN SOCIOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL DISCOURSES

Oksana B. Panova

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda,
Russia, xenia-vipe@mail.ru

Abstract. On the basis of theoretical research, the essential characteristics of the legal socialization of a person as a socio-pedagogical phenomenon are presented, its features are revealed from the standpoint of different types of legal culture, the preference of the anthropocentric legal culture, which highlights the subject-subject approach in the socio-pedagogical support of the process of legal socialization of a person, is substantiated.

Keywords: legal socialization, defects of legal socialization, pedagogical support

For citation: Panova O. B. Legal socialization of personality in sociological and psychological-pedagogical discourses. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2022. No. 2 (92). Pp. 81-88. (In Russ.).

В научных исследованиях проблеме правовой социализации личности уделяется большое внимание, поскольку она оказывает положительное воздействие на успешное существование человека в обществе на основе использования личностных ресурсов в право-

значимых жизненных ситуациях. Являясь особым феноменом, правовая социализация сохраняет все признаки социализации человека. Многогранность социализации делает ее предметом изучения ряда наук: философии, социологии, психологии, педагогики, юриспруденции и др. Основные аспекты интегрирования человека в общество были четко обозначены в XIX в. К. Марксом, Ф. Энгельсом и др. В частности, в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс аргументировали актуальность социализации, подчеркнув, что развитие индивида обусловлено «развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении», «различные поколения индивидов, вступающие в отношения друг с другом, связаны между собой» [1, с. 76–77].

Включение категории в научный язык относится к концу XIX в. и связано с именем Ф. Гиддингса, который в трактате «Основания социологии» раскрыл признаки этого явления, главным из которых выступает «подготовка человеческого материала к социальной жизни» [2, с. 19]. Э. Дюркгейм обогатил данное определение педагогическим значением, определив социализацию в качестве предмета «науки о воспитании» [3, с. 252–254]. Широкое употребление термина «социализация» фиксируется с 50-х гг. XX в., когда начали складываться подходы, соответствующие определенным направлениям в изучении социализации. В научном сообществе структурного функционализма закрепилось понимание социализации как всесторонней интеграции индивида в общественную систему, базирующейся на «интернализации ценностей и норм общества его членами» и состоящей в получении ориентаций, необходимых для удовлетворительного функционирования в роли [4, с. 800]. Школа социального научения связывает социализацию с овладением индивидом новых видов реагирования средствами подражания поведению окружающих. А. Бандура, подчеркивая, что «человек с большей вероятностью воспринимает поведение модели, если оно приводит к полезным результатам, нежели если оно оказывается неэффективным», отмечает важность актуализации обстоятельств «избирательного наблюдения», которое ведет к развитию общественного статуса человека [5, с. 48].

Сторонники учения символического интеракционизма характеризуют социализацию как социальное взаимодействие индивидов, отражающее их согласованность и взаимно конформное существование. В теории групповой динамики социализация человека рассматривается в русле его отнесенности к определенным малым группам, где возникают многообразные отношения с другими людьми или сообществами; результативность социализации при этом обуславливается направленностью и устойчивостью существующих в таких сообществах отношений [6, с. 33–372]. Ч. Х. Кули утверждает, что в процессе социализации «каждый привносит в общую жизнь нечто неповторимо свое, чего не может сделать никто другой» [7, с. 33]. Он подчеркивает, что социализация не идет вразрез с развитием субъектности отдельной личности: «явления, обычно называемые индивидуалистическими, всегда социальны в том смысле, что они выражают тенденции, вырастающие из совокупной жизни» [7, с. 35].

Современная социология характеризует социализацию как процесс становления и развития личности, состоящий в усвоении и воспроизводстве индивидом необходимого и достаточного для полноценного включения в общественную жизнь социокультурного опыта [8, с. 939].

Рассмотрению сущностных характеристик социализации особое внимание уделяется в социально-психологических исследованиях. Изучая социализацию как цель, процесс и результат, ученые выделяют разные стороны данного явления. И. С. Кон ход социализации связывает со становлением у человека особой общественной позиции [9, с. 71]; А. А. Реан – с усвоением и последующим транслированием человеком социального опыта [10, с. 32–34]. А. Г. Асмолов процесс социализации отождествляет с приобретением индивидом социального опыта через интерактивную деятельность [11, с. 153].

В современной педагогической науке социализация все чаще исследуется в связи с развитием социальной компетентности человека, включающей два аспекта – ценностное восприятие социальной реальности и практическое умение человека применять различные социальные технологии при решении жизненных проблем. Педагогически организованная социализация, осуществляемая в интересах личности и общества и включающая процесс становления человека как социального существа, обеспечивается в процессе образования. Самым важным способом получения систематического образования является обучение – специфический процесс познания, управляемый педагогом. Результатом социализации выступает социализированность, к структурным компонентам которой отнесены социальная адаптация, автономность, активность. Социальная адаптация предусматривает приспособление индивида к условиям социальной среды; социальная автономизация – проектирование социальных установок на себя, устойчивость в поведении, опосредованную представлениями человека о себе; социальная активность понимается как готовность к социальным действиям [12, с. 29].

Таким образом, социализация являет собой усвоение человеком установленных обществом социокультурных норм. Она может быть продуктивной при условии, что индивид приобщается к принятым в определенном сообществе ценностям, осваивает необходимые социальные роли, творчески перерабатывает их, воспроизводя собственные модели поведения, ведущие к успешной жизнедеятельности.

В настоящее время социализация исследуется в русле проблематики разных социальных сфер: политической, экономической, правовой, трудовой, что ориентирует на выделение соответствующих видов социализации. Термин «правовая социализация» был включен в категориальный оборот Ж. Карбонье, который определил его как интериоризацию права личностью [13, с. 65].

Не секрет, что в значительной мере право реализуется в зависимости от того, в какой степени общество может усвоить его. С позиций педагогики использование конструкта «правовая социализация» актуализируется в связи с необходимостью выделить значимые образовательные процессы при сопровождении человека в юридически значимых ситуациях. Такое понимание отражает глубокую связь проблематики правовой социализации с культурологическим подходом, отражающим выявление возможности выражения духовности в праве.

В соответствии с существующей в науке типологией правовой культуры представлены и охарактеризованы теоцентристский, социоцентристский, натуоцентристский, антропоцентристский типы правовой культуры [14, с. 10]. В теоцентристской правовой культуре право отождествляется с религиозной догмой; нарушение его норм оценивается с позиций греховности. Социоцентристскому типу правовой культуры присуще понимание роли права в аспекте обслуживания государственных целей; натуоцентристскому свойственно приравнивание права к закону, что, в свою очередь, создает глубокую пропасть между ним и обыденной жизнью людей.

В русле антропоцентристского типа обнаруживается связь между правом и ценностями, выступающими особыми социальными регуляторами общества в процессе правовой социализации. К моральным ценностям права относятся легальность, справедливость, достоинство [12]. Применительно к ценности права «легальность» Н. А. Бердяев отмечает, что право «охраняет личную жизнь и свободу человека», «если бы не было права, то каждый человек зависел бы от нравственных качеств и духовного совершенства, присущего окружающим людям» [15, с. 91]. Ценность права «легальность» олицетворяет необходимость права и закона.

Справедливость реализуется в системе равных прав и свобод, которые закрепляются юридически. Ценность «достоинство» детерминирует значимость ответственности человека перед самим собой. Содержание этой ценности определяется двумя компонентами: объективным, представляющим собой общественный статус человека как личности, и субъективным, в котором представлена самооценка человеком. Специфика антропоцентристской правовой культуры заключается в выдвижении в качестве основной ценности свободной личности, которая обладает высокой мерой ответственности за свою свободу в реализации юридических прав. Культура такого типа не допускает создания барьеров между человеком и правом, между правом и моралью. Обращение к правовой культуре, таким образом, олицетворяет соблюдение человеком юридических норм в связи с внутренним согласием с ними, опосредованным убежденностью в их справедливости. Представленные типы правовой культуры оказывают влияние на выработку подходов к определению хода правовой социализации: субъектно-объектного и субъектно-субъектного. Их вариативность указывает на расхождение в понимании роли личности в этом процессе.

Субъектно-объектный подход основывается на одном из типов правовой культуры (теоцентристском, социоцентристском, натуоцентристском) и ориентирован на ведомую позицию человека в ходе правовой социализации с присущим требованием внешнего демонстрирования выполнения юридических норм. Правовая социализация трактуется в данном случае как приспособление человека к господствующим в социуме правовым стереотипам. Нередко такой подход ведет к развитию приспособленчества и становится тормозом для подлинного самоопределения личности в правовом пространстве.

Субъектно-субъектный подход, соответствующий антропоцентристскому типу правовой культуры, ориентирован на развитие правовой активности личности, на позитивное изменение человеком себя, выход за пределы неблагоприятных жизненных обстоятельств. При рассмотрении правовой социализации в русле субъектно-субъектного подхода делается акцент на персонифицированном осмыслении права индивидом и соотношении ее с формированием системы правовых знаний, оценок, социально-правовых установок, базирующейся на нравственно-правовой аксиосфере личности.

Социологическая школа, следующая традициям субъектно-субъектного подхода, характеризует правовую социализацию как «взаимодействие человека с правовой средой», «процесс, который имеет две взаимозависимые стороны: усвоение индивидом правовых знаний и опыта, норм и ценностей общества, в котором он живет, и активное воспроизводство системы социальных связей на основе правового опыта и правомерного поведения индивида за счет его деятельности и активного включения в правовую среду» [16, с. 59]. Соответственно, с позиций субъектно-субъектного подхода правовая социализация предполагает развитие тех компонентов социализированности человека, которые актуализируются в юридически значимых ситуациях: качества личности, положительно влияющие на успешность решения жизненных задач определенного вида. На мировоззренческом уровне правовая социализированность представлена в правовой идеологии; на поведенческом – отражает предметно-практическое функционирование индивида в правовой реальности. Результативность правовой социализации измеряется тем, в какой мере такое функционирование эффективно.

Итак, правовая социализация представляет собой взаимодействие человека с окружающим правовым пространством и включает усвоение и воспроизводство правовых норм и ценностей; ее результатом выступает совокупность личностных свойств, определяющих готовность и способность человека к успешному функционированию в правовой среде как дополнительной форме бытия. И если в общем значении правовое пространство представляет собой сферу регламентации юридическими нормами правомерного поведения гражд-

дан в границах определенной территории и конкретного исторического времени, то в педагогическом контексте оно рассматривается, кроме того, как вид воспитательного пространства, в котором воспитуемый приобретает социально-правовой опыт.

Интеграция индивида в правовое пространство может быть осложнена наличием у него определенных дефектов правовой социализированности – негативных социальных явлений, при которых у человека формируются идеи, настроения и эмоции, искаженно отражающие юридическую действительность и негативно влияющие на отношение к действующему праву и правопорядку. Нами рассматриваются такие виды дефектов правовой социализированности, как правовое невежество, правовой нигилизм, инфантилизм, квиетизм, цинизм.

Правовое невежество состоит в отсутствии элементарных представлений, необходимых для реализации человеком своих основных прав и обязанностей. Правовой нигилизм заключается в наличии у человека надменно-пренебрежительного отношения к праву при отсутствии непосредственного намерения к совершению правонарушений. Природа правового нигилизма, по мнению К. А. Абульхановой, определяется тем, что в менталитете человека доминирует только один аспект – «требования общества, обращенные к личности, но не требования прав от общества» [17, с. 183]. В таких обстоятельствах человек воспринимает право преимущественно в запретительно-карающей плоскости, не осмысляя его в качестве инструмента решения жизненных проблем.

Правовой инфантилизм реализуется в стереотипах мышления, в соответствии с которыми юридические нормы рассматриваются как препятствия, которые можно преодолеть с учетом несовершенства законодательства и правоприменительной практики. Инфантилизм отражает наивное представление о безнаказанности, ошибочную уверенность в вероятности избегания правовой ответственности.

Под правовым квиетизмом понимается созерцательно-безразличное поведение в обстоятельствах, требующих проявления правовой активности. Квиетизм становится способом выражения специфического отношения к праву в конкретных правозначимых обстоятельствах.

Правовой цинизм, под которым имеем в виду осознанное отрицание права, указывает на наличие у его носителей умысла на совершение правонарушений и является самым опасным дефектом правовой социализированности.

В последние годы наблюдается повышенный интерес к исследованию факторов контролируемой и стихийной правовой социализации подрастающего поколения. Среди институтов правовой социализации наиболее влиятельными являются семья, школа, средства массовой информации, правоохранительные органы, церковь; отдельным направлением исследования является влияние культурного контекста на особенности правосознания. Характеризуя роль общеобразовательных учреждений в правовой социализации подрастающего поколения, следует отметить, что школа является источником обыденной и официозной правовой социализации. Обыденная правовая социализация опосредована неформальными нормами, установленными при взаимодействии между учащимися, а также при взаимном влиянии учеников и учителей. Официозная правовая социализация осуществляется посредством преподавания учебных предметов с правовым содержанием. Включение в учебный план специальных правовых дисциплин оказывает позитивное влияние на ход и результаты правовой социализации обучаемых.

Традиционные функции средств массовой информации состоят в информировании людей об уровне преступности, в обучении их правильным формам поведения, формировании представлений о правовых нормах и о неотвратимости наказания за совершенные преступления. Семья, как первый институт правовой социализации, в котором ребенок оказы-

вается с момента рождения, формирует представление о нравственных и правовых ценностях и нормах поведения. Работники полиции и судьи выступают в качестве источника информации о правовых нормах или о том, что эти нормы нарушаются. На процесс правовой социализации оказывает влияние общий уровень развития правовой культуры населения.

Особое внимание следует обратить на роль церкви как института правовой социализации. На самом деле, когда христианское учение провозглашает, что в человеке – полученное свыше «царство Божие» как благодатное состояние души, оно тем самым ориентирует верующего на преображение всех слагаемых личного духа, включающих мысли и чувства, лежащие в основе правоотношений индивида. Духовная среда человека синкретична, в ней все социальные сферы имеют единое начало. Отсюда становится очевидным: подлинная вера выполняет особые функции в процессе вхождения индивида в общественную жизнь, утверждая в душе человека их неоспоримые корни – чувство собственного духовного достоинства, способность к автономной жизни и признанию духовного начала в других людях. Причины преступности Русская православная церковь связывает с «духовной дезориентацией», «искаженным пониманием добра и зла». Таким образом, хотя само христианство не является основой правовой оценки, его общая ценностная направленность дает возможность применять критерии для оценки поведения человека в ситуациях с юридическим контекстом.

Следует признать, что утрата советской модели правового воспитания в современном российском обществе была обусловлена деформацией ценностно-нормативного механизма социальной регуляции и становлением новой системы социального контроля, способствующего формированию дисбаланса организованных и стихийных процессов социализации в сторону стихийности. Многие отечественные ученые анализируют правовую социализацию учащейся молодежи сквозь призму ее поведения, отмечая рост различных проявлений делинквентности, усиление воздействия на сознание молодого поколения криминальной субкультуры.

В последние десятилетия происходит изменение условий, в которых осуществляется правовая социализация человека. Негативно влияют на данный процесс экономические факторы, определяющие неопределенность жизненного старта значительной части молодежи, рост социального исключения представителей подрастающего поколения, что ведет к его отчуждению, социокультурная трансформация российского общества, девальвация общечеловеческих ценностей, норм, стилей «правильного поведения», дисфункциональность традиционных институтов социализации (семьи, школы, учреждений дополнительного образования и др.) в современном обществе и их ориентированность на решение материальных задач, возрастание влияния субкультурных оснований и критериев жизни. Возникающие трудности в реализации жизненных планов, страх оказаться в ситуации невостребованности социумом обуславливают частичное или полное отрицание правовых норм и ценностей людьми.

Таким образом, правовая социализация является одним из видов социализации и характеризуется всеми признаками, присущими социализации в ее общенаучном значении. В педагогическом контексте оперирование понятием «правовая социализация» позволяет более точно обозначить важные образовательные процессы при сопровождении человека в обстоятельствах, подлежащих регламентации нормами права. Содержание процесса правовой социализации человека состоит в развитии личности, следствием которого становится формирование системы отношений к правовой действительности.

Правовая социализация человека является динамичным процессом. Этот процесс зависит от внутренних и внешних условий. Внешние условия отражают: требования общества к правовому поведению человека, общепринятое соотношение общечеловеческих и

правовых ценностей, воспитательную стратегию традиционных институтов правовой социализации. К числу внутренних условий отнесены: принятие человеком общественных ценностей, мотивация на успешное существование в правовом пространстве, степень личностной деформированности, сформированность ответственного отношения к себе и окружающим людям.

Список источников

1. Маркс К. Немецкая идеология: Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. 544 с.
2. Гиддингс Ф. Основания социологии. М.: URSS, 2012. 427 с.
3. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон +, Реабилитация, 2006. 352 с.
4. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Акад. проект, 2002. 832 с.
5. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.
6. Левин К. Динамическая психология: избр. тр. М.: Смысл, 2001. 572 с.
7. Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 320 с.
8. Социология: энцикл. / сост. А. А. Грицанов и др. Минск: Книжный дом, 2003. 1312 с.
9. Кон И. С. Социологическая психология. М.: Моск. психол.-социал. ин-т; Воронеж: МОДЭК, 1999. 560 с.
10. Реан А. А. Социальная педагогическая психология. СПб.: Питер, 2000. 416 с.
11. Асмолов А. Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: МГУ, 1990. 367 с.
12. Панова О. Б. Педагогическое обеспечение правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии: дис. ... д-ра пед. наук. Ярославль, 2013. 489 с.
13. Карбонье Ж. Юридическая социология. М.: Прогресс, 1986. 352 с.
14. Ковалева И. В. Ценности правовой культуры в представлениях российского общества конца XIX – начала XX века. В. Новгород: НовГУ, 2002. 162 с.
15. Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 382 с.
16. Энциклопедия юридической психологии. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. 607 с.
17. Абульханова К. А. Психология и сознание личности: проблемы методологии, теории и исследования реальной личности. М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж: МОДЭК, 1999. 224 с.

References

1. Marks K. Nemetskaya ideologiya: Kritika noveishei nemetskoj filosofii v litse ee predstavitelei Feierbakha, B. Bauera i Shtirnera i nemetskogo sotsializma v litse ego razlichnykh prorokov [German Ideology: Criticism of the latest German philosophy represented by Feuerbach, B. Bauer and Stirner and of German socialism represented by its various prophets]. *Marks K., Engel's F. Sochineniya*. Vol. 3, Moscow, Gos. izd-vo polit. lit., 1955, 544 p. (In Russ.).
2. Giddings F. Osnovaniya sotsiologii [Foundations of sociology]. Moscow, URSS, 2012, 427 p. (In Russ.).
3. Dyurkgeim E. Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie [Sociology. Its subject, method, purpose]. Moscow, Kanon +, Reabilitatsiya, 2006, 352 p. (In Russ.).
4. Parsons T. O sotsial'nykh sistemakh [About social systems]. Moscow, Akad. proekt, 2002, 832 p. (In Russ.).
5. Bandura A. Teoriya sotsial'nogo naucheniya [Social learning theory]. Saint Petersburg, Evraziya, 2000, 320 p. (In Russ.).
6. Levin K. Dinamicheskaya psikhologiya [Dynamic psychology]. Moscow, Smysl, 2001, 572 p. (In Russ.).

7. Kuli Ch. Kh. Chelovecheskaya priroda i sotsial'nyi poryadok [Human nature and social order]. Moscow, Ideya-Press, Dom intellektual'noi knigi, 2000, 320 p. (In Russ.).
8. Sotsiologiya [Sociology]. Minsk, Knizhnyi dom, 2003, 1312 p. (In Russ.).
9. Kon I. S. Sotsiologicheskaya psikhologiya [Sociological psychology]. Moscow, Mosk. psikholog.-sotsial. in-t, Voronezh, MODEK, 1999, 560 p. (In Russ.).
10. Rean A. A. Sotsial'naya pedagogicheskaya psikhologiya [Social educational psychology]. Saint Petersburg, Piter, 2000, 416 p. (In Russ.).
11. Asmolov A. G. Psikhologiya lichnosti: Printsipy obshchepsikhologicheskogo analiza [Psychology of Personality: Principles of General Psychological Analysis]. Moscow, MGU, 1990, 367 p. (In Russ.).
12. Panova O. B. Pedagogicheskoe obespechenie pravovoi resotsializatsii nesovershennoletnikh osuzhdennykh v vospitatel'noi kolonii [Pedagogical support of legal resocialization of juvenile convicts in an educational colony]. Doctoral dissertation. Yaroslavl, 2013, 489 p. (In Russ.).
13. Karbon'e Zh. Yuridicheskaya sotsiologiya [Legal sociology]. Moscow, Progress, 1986, 352 p. (In Russ.).
14. Kovaleva I. V. Tsennosti pravovoi kul'tury v predstavleniyakh rossiiskogo obshchestva kontsa XIX - nachala XX veka [The values of legal culture in the views of Russian society in the late XIX - early XX centuries]. V. Novgorod, NovGU, 2002, 162 p. (In Russ.).
15. Berdyaev N. A. O naznachenii cheloveka [About the appointment of a person]. Moscow, Re-spublika, 1993, 382 p. (In Russ.).
16. Entsiklopediya yuridicheskoi psikhologii [Encyclopedia of Legal Psychology]. Moscow, YuNITI-DANA, Zakon i pravo, 2003, 607 p. (In Russ.).
17. Abul'khanova K. A. Psikhologiya i soznanie lichnosti: Problemy metodologii, teorii i issledovaniya real'noi lichnosti [Psychology and Consciousness of Personality: Problems of Methodology, Theory and Research of Real Personality]. Moscow, Mosk. psikholog.-sots. in-t, Voronezh, MODEK, 1999, 224 p. (In Russ.).

Информация об авторе

О. Б. Панова – доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры юридической психологии и педагогики,
Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний.

Information about the author

O. B. Panova – Doctor of Pedagogical Sciences,
Associate Professor, Professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy,
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Статья поступила в редакцию 05.09.2022; одобрена после рецензирования 15.09.2022; принята к публикации 16.09.2022.

The article was submitted 05.09.2022; approved after reviewing 15.09.2022; accepted for publication 16.09.2022.

Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 89–101.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2022. No. 2 (92). P. 89-101.

Научная статья
УДК 259.98+364 (075.8)

ДИАГНОСТИКА И КОРРЕКЦИЯ ДЕВИАЦИЙ В ВУЗЕ

Анна Ивановна Ташчёва¹, Мариям Равильевна Арпентьева²,
Светлана Валерьевна Гриднева³

^{1,3} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

² Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Содействие»,
Калуга, Россия, mariam_rav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>

¹ annaivta@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5199-9254>

³ gridneva-sveta@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6947-5416>

Аннотация. В последнее время девиантное поведение студентов вузов не только в России, но и во всем мире становится все более серьезной проблемой. Все больше обучающиеся демонстрируют аномальное, отклоняющееся от принятых в обществе норм поведение и тем самым дестабилизируют процессы обучения и воспитания. Несмотря на то, что на сегодняшний день существуют многочисленные исследования и психодиагностические и психокоррекционные разработки в области диагностики и коррекции нарушений функционирования и развития детей и подростков, этот научный багаж до сих пор продолжает игнорироваться. В настоящем исследовании определяются основные направления диагностики (выявления) и коррекции (исправления) девиаций. Цель исследования – осмысление проблем психодиагностики и психокоррекции девиаций у студентов современных вузов. Данная цель рассматривается в контексте задач служб социально-психологической помощи субъектам образования с учетом постоянного увеличения количества этих подразделений в высшем образовании России и необходимости совершенствования их деятельности. Используемые методы исследования включали анализ теоретических основ психодиагностики и коррекции девиаций. В работе выделяются основные методики и принципы диагностики и коррекции девиаций, которые продуктивно использовать специалистам академических служб психологического сопровождения образовательного процесса вуза. Отмечается важность комплексной работы специалистов, вносятся предложения и рекомендации по совершенствованию методик диагностики и коррекции девиаций у студентов.

Ключевые слова: девиация, девиантология, девиантотерапия, психодиагностика, психологическая коррекция, высшее образование

Для цитирования: Ташчёва А. И., Арпентьева М. Р., Гриднева С. В. Диагностика и коррекция девиаций в вузе // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 89–101.

Original article

DIAGNOSTICS AND CORRECTION OF DEVIATIONS IN UNIVERSITY

Anna I. Tashcheva¹, Mariam R. Arpentieva², Svetlana V. Gridneva

^{1,3} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

² Center for psychological, pedagogical, medical and social assistance “Assistance”, Kaluga, Russia, mariam_rav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>

¹ annaivta@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5199-9254>

³ gridneva-sveta@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6947-5416>

Abstract. Recently, the deviant behavior of university students, not only in Russia, but throughout the world, has become an increasingly serious problem. More and more they demonstrate abnormal behavior that deviates from the norms accepted in society, and, thereby, destabilize the processes of education and upbringing. Despite numerous studies and psychodiagnostic and psychocorrective developments in the field of diagnosis and correction of disorders in the functioning and development of children and adolescents, students, boys and young people, as well as adults, still continue to be ignored. This study is aimed at determining the main areas of diagnosis (detection) and correction (correction) of deviations. The purpose of the study is to understand the problems of psychodiagnostics and psychocorrection of deviations among students of modern universities. This goal is considered in the context of the tasks of social and psychological assistance services for educational subjects, which are actively created and developed in higher education in Russia. The research methods used included an analysis of the theoretical foundations of psychodiagnostics and correction of deviations. The paper highlights the main methods and principles of diagnosing and correcting deviations, which can be productively used by specialists of academic services of psychological support of the educational process of the university. The importance of the complex work of specialists is noted, proposals and recommendations are made to improve the methods of diagnosing and correcting deviations in students.

Keywords: deviation, deviantology, deviant therapy, psychodiagnostics, psychological correction, higher education

For citation: Tascheva A. I., Arpentieva M. R., Gridneva S. V. Diagnostics and correction of deviations in university. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2022. No. 2 (92). P. 89-101. (In Russ.).

Введение

Психодиагностика и психокоррекция девиантности в современном мире – одна из задач служб социально-психологической помощи населению, в том числе академических служб, создаваемых и энергично развивающихся в высшем образовании России [1–5]. Психодиагностика и психокоррекция девиантности предполагает учет как традиционных, так и современных трендов помощи и тенденций девиантизации и патологизации развития и функционирования. В последнее время девиантное поведение студентов вузов не только в России, но и во всем мире становится все более серьезной проблемой. Все больше не только школьников, но и студентов демонстрируют аномальное, отклоняющееся от принятых в обществе норм поведение и тем самым дестабилизируют процессы обучения и воспитания в образовательных учреждениях. Многочисленные исследования и психодиагностические и психокоррекционные разработки в области диагностики и коррекции нарушений функционирования и развития детей и подростков, студентов, молодежи, а также взрослых до сих пор продолжают игнорироваться: например, имплицитно как девиантный выделяется в первую очередь период «бурь и натиска» подростничества, однако это положение не в полной мере соответствует сегодняшней социальной действительности.

Методика и методология исследования

Настоящее исследование определяет основные направления диагностики (выявления) и коррекции (исправления) девиаций. Цель исследования – осмысление проблем психодиагностики и психокоррекции девиаций у студентов современных вузов в контексте задач служб социально-психологической помощи субъектам образования, функционирующих в высшей школе России. Методы исследования включали анализ теоретических основ, ключевых принципов, а также практического опыта использования существующих методик психодиагностики и коррекции девиаций.

Результаты исследования

Девиантное поведение (включая работы С. А. Беличевой, Е. В. Змановской, И. С. Кона, В. Д. Менделевича, А. Е. Личко, Г. Беккера, Э. Дюркгейма, И. Гофмана, Ч. Ломброзо, З. Фрейда и др.) определяется как любое по степени выраженности, направленности или мотивам поведение, отклоняющееся от критериев общественной нормы. Важно отметить,

что понятия «норма» и «отклонение» социально детерминированы, а теоретические модели девиаций разнообразны. Социологические объяснения девиантного поведения сосредоточены на том, как социальные структуры, силы и отношения способствуют девиантности; психологические объяснения используют другой подход: основной единицей анализа является индивид, несущий единоличную ответственность за девиантные действия; личность индивида – система ненормальных, дисфункциональных или неадекватных мотивов девиантного поведения; дефектные или ненормальные психические процессы и поведенческие реакции могут быть вызваны различными причинами, включая 1) психические нарушения вследствие кризисов травм или иных нарушений, 2) нарушения образования: обучения и воспитания в семье, школе и вузе и далее, 3) отсутствие образцов для подражания или интенсивное влияние неподходящих образцов. При этом в контексте психологического подхода генезис девиантного или отклоняющегося поведения связан с нарушениями адаптации вследствие внутриличностного или межличностного конфликтов, а вовлечение человека в один вид девиантных действий увеличивает вероятность его вовлечения в другой. Иначе говоря, вопреки модели «детских и подростковых девиаций», из которой имплицитно исходит огромное множество исследований отклоняющегося поведения в современной науке, без направленной коррекционной работы девиации с возрастом могут усиливаться.

Студенческий возраст как возраст девиаций остается малоизученным и в России, и за рубежом. Тем более малоизученными остаются вопросы психодиагностики и психокоррекции девиаций в данном возрасте. Поэтому в настоящее время службы психологического сопровождения образования в вузах России и мира могут использовать методики, разработанные для детей и подростков. Содержательных ограничений в данных методиках не так много, проблема существует в отношении тестовых норм: в любом случае перед использованием данных методик необходимо внимательно проанализировать и, при необходимости, переформулировать вопросы / пункты анализа так, чтобы они отвечали ситуации развития человека в условиях высшего учебного заведения. И конечно же, нельзя обойти стороной момент, связанный с тем, что обучение на высшей ступени в массе своей является профессиональным: студент не просто познает себя и мир, но готовится к определенной профессиональной активности. В связи с этим в методики необходимо добавить вопросы и позиции, отражающие абerrации и деформации отношений студентов к труду, карьерному и профессиональному развитию (профессиональной социализации, включающей адаптацию, индивидуализацию и интеграцию и т. п.).

Для результативной психокоррекционной и психопрофилактической (превентивной) работы необходимо своевременное начало работы со школьниками и студентами «группы риска», склонными к девиантным формам поведения или находящимися в неблагоприятных семейных, образовательных, трудовых и тому подобных условиях, формирующих и развивающих данные формы поведения. Необходим учет типа, причин и последствий девиаций или их рисков, а также анализ путей и методик коррекционной и профилактической работы с учетом выявленных особенностей и тех теоретических моделей девиаций, которые существуют в науке и которые являются наиболее подходящими для осмысления и преобразования ситуации конкретного студента. Запрос на психологическую коррекцию девиаций предполагает, прежде всего, детальный анализ собранной специалистом информации, на котором будет основываться вся программа коррекции. Правильно подобранные диагностические методики на разных этапах психокоррекционной работы не менее важны, чем правильно выбранные методики психологического воздействия [6]. Психодиагностика отклоняющегося поведения в целом аналогична общей диагностике личностных и межличностных особенностей активности человека, она должна носить по возможности комплексный и индивидуализированный характер: выбор того или иного диагностического

аппарата (совокупности психодиагностических методик) определяется тем, какую область отклонений предполагается обследовать (какого типа девиации демонстрирует школьник или студент, или какого типа рискам он подвергается).

Существуют многочисленные методики и комплексы методик психодиагностики девиаций, в основном для детей и подростков, например программно-методический комплекс дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+» [7]. Для юношества, молодежи и взрослых специальные методики редки.

Здесь уместно использовать следующие инструменты:

– За рубежом широко используются различного рода карты и схемы скрининга разных типов девиаций, например, можно использовать *Карту наблюдений (Д. Стотт)*, предназначенную для изучения системы симптомокомплексов (недоверие, уход в себя, депрессия, тревожность и враждебность к сверстникам и другим людям, асоциальность, неутомимость, напряженность, невротизм, отсталость, неблагоприятные условия, болезни и дефекты, сексуальные деформации учеников, дезадаптированных к условиям школы; в России примером этого типа инструментов является многокомпонентная *карта психологической характеристики личностного развития подростка (Ю. А. Клейберг)* [8].

– В России и СНГ созданы также интегративные методики диагностики девиаций, к которым можно отнести *методику диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) (А. Н. Орел)*, оценивающую готовность к разным формам девиантного поведения с помощью шкал склонности к преодолению норм и правил, к аддиктивному поведению, к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, к агрессии и насилию, к делинквентному поведению, принятию женской или мужской социальной роли [7]; сюда же относятся *опросники Т. М. Ахенбаха*, адаптированные Научно-методическим центром «ДАР» им. Л. С. Выготского (Москва) и Центром исследования ребенка Йельского университета (Нью-Хейвен); к этому типу методик относится и *методика диагностики девиантного поведения несовершеннолетних (тест склонности к девиантному поведению – СДП) (Э. В. Леус, А. Г. Соловьев)*, оценивающая степень выраженности дезадаптации у подростков с разными видами девиантного поведения (социально обусловленного поведения, делинквентного поведения, зависимого поведения, агрессивного поведения, самоповреждающего поведения; аналогичен по функциям *опросник «Девиантное поведение»* [6], основанный на понимании девиантного поведения как системы поступков, противоречащих принятым в обществе нормам, связанных с дисбалансом внутренних психофизиологических процессов, порождаемой ими дезадаптивностью, деиндивидуализацией и деинтеграцией, нарушениях процессов самоактуализации и самореализации, отказе от управления (нравственного и эстетического) собственным поведением. Последний опросник включает ряд шкал: «аутодеструктивная девиация» (AUDD) – неадаптивная активность, обусловленная «жаждой острых ощущений» (склонность к риску и установка «нечего терять» (nothing to lose attitudes); «аутоагрессивная девиация» – суицидальное поведение, обусловленное аномическими, альтруистическими и (или) эгоистическими причинами; «патохарактерологическая девиация» – поведение, обусловленное патологическими изменениями характера (импульсивность, агрессивность) и детерминированное мотивами психопатической самоактуализации (личностным диссонансом); «делинквентная девиация» – склонность к совершению правонарушений (проступков и преступлений), обусловленная психическим инфантилизмом, дефектами воспитания и нарушениями в мотивационно-ценностной сфере; «аддиктивная девиация» – предрасположенность к уходу от реальности путем изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ (алкоголизация, табакокурение, наркотизация).

– За рубежом в связи с существенно большей, чем в СНГ, теоретической раздробленностью и неоднозначностью поля «девиантное поведение» используются также методики диагностики отдельных видов девиаций (агрессии и самоагрессии, зависимого поведения, сексуальных перверсий и т. д.) и методики, позволяющие отличать девиации и психопатологии. В нашей стране и иных странах СНГ эти методики применяются, как правило, либо при вторичной оценке нарушений (после выявления всего «симптомокомплекса» девиантного поведения и его особенностей), либо когда суть нарушений и их причин и последствий не вызывает сомнений (психодиагностическая оценка выступает как уточнение экспертных оценок специалистов служб) [9–14].

– Неспецифические, но часто используемые методики – это *методика диагностики межличностных отношений (модификация Т. Лири – Л. Н. Собчик), модифицированный опросник для идентификации типов акцентуаций характера у подростков (МПДО) (модификация теста А. Е. Личко), методика аутоидентификации акцентуаций характера (Э. Г. Эйдемиллер)* и т. д.

При выборе методик рекомендуется руководствоваться рядом принципов [3; 15].

Принцип 1. В процессе выбора конструкторов для оценки и осмысления типа, выраженности и «застарелости» девиаций, выбора оптимальных методов и инструментов диагностики и коррекции девиаций нужно опираться и на эмпирические данные, и на теории нарушенного развития.

Принцип 2. Оценка – это непрерывный процесс («мониторинг»), в котором используется проверка гипотез, позволяющая принимать решения обоснованно. Таким образом, акцент делается на инструментах оценки, которые отражают особенности первичного сбора данных (скрининга), направленной диагностики выявленных нарушений или нарушений поведения, выбранных из существующих моделей концептуализации выявленного нарушения, на выборе / планировании коррекционного воздействия и оценки / диагностики хода коррекционной работы и ее результатов.

Принцип 3. Тщательная оценка личности требует совместить номотетические и идиографические инструменты оценки (диагностики), фокусируясь на поведении студента и контексте, порождающем девиацию.

Принцип 4. Выбор конструкторов и методик диагностики и интерпретации результатов должен опираться на представления о нормах развития, связанных с конкретным студентом, имеющимися у него специфическими отклонениями.

Принцип 5. Выбор конструкторов для оценки, определение метода сбора данных диагностики и интерпретация результатов должны опираться на знание того, как культура и иные источники разнообразия девиаций могут влиять на переживание и выражение поведенческих проблем студентов.

Принцип 6. Выбор инструментов оценки должен учитывать силу инструмента психометрической оценки для данного типа оцениваемого клиента и цели оценки. Следует также уделять внимание рефлексии эвристических суждений, которые определяют интерпретацию результатов, выбор направления и иных аспектов коррекционного вмешательства.

Цель диагностического обследования – создать максимально полное и точное описание нарушений, причин и последствий нарушений у несовершеннолетнего или взрослого человека, чтобы на основе этого описания создать действенные, результативные рекомендации для индивидуальной и (или) групповой программы помощи (сопровождения) и ресоциализации, определить направления профилактической и коррекционной работы.

В зарубежной и отечественной науке описаны общие принципы и методы коррекционной работы с девиантными детьми и подростками [16; 17]: принцип системности коррекционных, профилактических и развивающих задач, единства диагностики и коррекции,

коррекции и развития; единство возрастно-психологического и индивидуального в развитии, обеспечение уместности и своевременности оказываемой психолого-педагогической помощи и поддержки; принципы коррекции «сверху вниз» (создание зоны ближайшего развития) и «снизу вверх» (тренировка уже имеющихся способностей); деятельностный принцип коррекции, принципы возрастания сложности и прагматизма психолого-педагогического воздействия; нравственно-гуманистическая направленность психолого-педагогической помощи. Психокоррекция (социально-психологическая коррекция) как система социально-психологических вмешательств, преднамеренное системное (многоуровневое и многокомпонентное) психологическое воздействие, направленное на поддержку развития человека как личности, партнера, ученика и (или) профессионала – одна из основных, в свою очередь, системообразующих составляющих и, в конечном смысле, цель работы академических психологических служб, рождающая ряд проблем, связанных с обеспечением результативности и индивидуализированности помощи [3; 5; 20 и др.]. Стратегические цели психологической помощи студенту с отклоняющимся поведением [18; 19] связаны с достижением продуктивных поведенческих изменений в следующих направлениях: формирование конструктивной мотивации (позитивных ценностей, ориентации на выполнение социальных требований и самосохранение) и выработка жизненно важных умений; интеграция индивидуального опыта и совершенствование саморегуляции / самоуправления; снижение тревожности (устранение изнурительных реакций тревоги, панических атак и т. п.), чувства неполноценности и бессилия, уменьшение дезадаптивного поведения, повышение стрессоустойчивости и расширение ресурсов личности; расширение социальных связей и позитивного социального опыта, повышение уровня социальной адаптации и интеграции; устранение дефицита в поведенческих репертуарах и развитие эффективных социальных навыков; развитие доверия и способности расслабляться и утверждать себя и других; достижение адекватного сексуального, пищевого и иного функционирования индивида как организма.

Психокоррекционная работа сотрудников академических служб со студентами вузов включает ряд подходов:

1. Бихевиоральный подход связывает коррекционную работу с задачами формирования и развития оптимальных поведенческих навыков, исправления имеющихся нарушений с помощью методов контробусловливания (разрыва негативных связей, укрепления связей между реакцией и раздражителем и (или) его замены на новый (с помощью сочетаний методик «кнута и пряника»), оперантных техник (использование вознаграждений за желаемое в соответствии с действиями специалиста)), методики социобихевиористов (представление наиболее приемлемой модели поведения).

2. Деятельностный подход (коррекция путем организации специального процесса обучения и воспитания, результатом которого являются (само)управление и контроль студентом своей внутренней и внешней деятельности) имеет наибольшую результативность, поскольку отвечает сути образовательного процесса вуза как поддержки становления и развития студента – будущего специалиста, субъекта профессиональной деятельности. Сюда может быть отнесена трудотерапия и терапия волонтерской активностью.

3. Когнитивистский подход (идентичность человека как специфическая когнитивная структура, предполагает использование «персональных конструкторов», позволяющих выдвигать и принимать на веру те или иные гипотезы о мире – автоматические мысли и базисные послышки, которые могут быть осознаны и переработаны – уточнены или заменены на другие) позволяет гармонизировать и прояснить мировоззренческие аспекты активности, научиться рефлексии стереотипов осмысления и деятельности (скриптов).

4. Психоаналитический подход (студенту нужно помочь выявить бессознательные источники и процессы негативных переживаний и смысловых подмен, болезненных проявлений и травм) уместен в случае множественных девиаций на фоне готовности и способности студента к развернутому (само)исследованию причин и последствий отклоняющегося поведения.

5. Экзистенциально-гуманистический подход (побуждение студента к самоактуализации и гармоничному сочетанию тенденций заботы о себе, самоутверждения и заботы о мире, утверждения мира, восстановление непрерывности опыта) уместен в работе со студентами, столкнувшимися с проблемами «бессмысленности» и «нерезультативности» образования.

6. Психодрама, арт-терапия и иные практики моделирования (моделирование предложенной одним из клиентов и основанной на реальных событиях из его жизни или историях из его снов / фантазий ситуации в группе) успешны в контексте помощи студентам, сталкивающимся с интенсивными и многочисленными конфликтами отношений, в том числе насильственными. В целом продуктивной оказывается практика тренингов и групповой психотерапевтической работы, ориентированной на формирование продуктивных и эффективных моделей общения / взаимодействия и совершенствование имеющихся, а также на развитие способности и готовности к эмпатии, сензитивности в отношениях с другими и собой.

7. Телесно ориентированный подход (методики «вегетотерапии» Б. Райха, работа с «цветущей мышечной броней», которая помогает человеку высвободить энергию и тем самым облегчить душевные страдания, методики сенсорного диалога, танцевально-двигательной терапии, трудотерапии и иные методики телесной интеграции фокусирования, помогающие ощутить равновесие и безопасность внутри и вне себя) помогает студентам расширить и углубить свое понимание внутреннего и внешнего мира, осознать свои ресурсы и открыть перспективы развития. Сюда же можно отнести техники, связанные с анималотерапией (терапией общения с животными, например, домашними любимцами и т. д.) и терапией общения с природой в целом.

9. Трансперсональный подход и психосинтез (важную роль играют субличности – отдельные личности внутри каждого человека, с которыми клиент знакомится, учится отделять их от своего реального «я», знакомится со своим сверхсознательным и бессознательным, получая возможность пережить соответствующий опыт посредством использования специфических методик, например, «холотропного дыхания», медитаций и т. п.).

10. Японские системы работы с девиантным и преступным поведением, связанные с развитием чувства благодарности к миру, принятия реальности и неизбежности перемен и оставляемых ими «трещинок», с уважением к личной истории, которую стоит ценить, а не прятать, поддержанием «икигай» (осмысленности жизни), философии *wabi sabi* – истинного счастья в неидеальном мире, формирование «приглушенного вкуса» как осознание и переживание красоты в простоте, ограничениях жизни, осознание важности момента и обретение духовного богатства и безмятежности через отстранение от материального мира (желаний), «расхламление» жизни, с «безмятежностью» перед реальностью взросления / старения, сопричастности законам / циклам природы. В процессе рефрейминга неудач (переосмысление неудачных психических шаблонов) необходимо помнить о незавершенности: происходящее или случившееся – не крах, а часть длящегося процесса, изгиб пути, или «фусимэ» – «узел на побеге бамбука», важный переход с одного этапа на другой. Рост человека продолжается несмотря ни на что, он рано или поздно приходит к «моно но аварэ» – чувству «печального очарования вещей» как опечаленности и признательности «цирку жизни». В найкан-терапии как психотерапии благодарностью [21; 22] исцеление

девиаций и иных нарушений предполагает вхождение в состояние прощения – осознания того, что человек постоянно получает несоизмеримую его усилиям и качествам благосклонность, заботу от других, на фоне общей невозможности компенсировать все свои прошлые проступки будущим искупительным поведением. Ограниченная способность обращаться за помощью связана со стыдом и чувством вины и негодования по отношению к окружающим, которые, однако, делают для человека больше, чем он сознает и достоин. Понимание этого рождает благодарность и счастье быть прощенным и прощать, освобождаться от последствий чужих и своих проступков без причин – свободу развиваться.

В основе профилактики и коррекции девиантного поведения лежат психологические теории нормального и аномального развития и заложенные в них пути нормализующего воздействия [23; 24; 25]. Так, еще В. П. Кащенко [26] выделил группы методов, направленных на психологическую коррекцию девиантного поведения человека:

- методы «взрыва» и метод реконструкции персонажа – радикальной трансформации представления о чем-либо;

- методы перестройки мотивационной сферы и самосознания: а) объективное переосмысление достоинств и недостатков, возможностей и ограничений, причин и последствий, истории и будущего; б) переориентация самосознания на просоциальные ценности и цели; в) поддержание уверенности и доверия к себе и миру, развитие социальной и самоэффективности; ж) предсказание негативного поведения и моделирование негативных сценариев;

- методы реструктуризации опыта: а) «рецептурные» преобразования образа действий и жизни в целом; б) ограничение в осуществлении деструктивной модели поведения; в) переподготовка / переобучение и перевоспитание; г) развитие самоуправления / саморегуляции образа жизни;

- методы поддержки социально-нормативного, положительного поведения и предотвращения негативного поведения: а) поощрение и наказание как части дисциплинирующего образа жизни, включающего четкие рекомендации по ее организации; б) конкуренция и сопоставление различных моделей поведения как более или менее результативных; в) позитивное переопределение и позитивные перспективы развития.

В своей деятельности преподаватели, социальные работники или психологи академических психологических служб сопровождения могут использовать комбинации методов профилактики и исправления девиаций.

Службы академического сопровождения за рубежом, например в США и странах Западной Европы, работают в области профилактики и коррекции девиаций у студентов, не изолируя их от привычной социальной и культурной среды; работа таких служб нацелена на стимулирование активности всех субъектов образования, вовлечение в процессы работы как «ближайших помощников» возможно большего количества участников и средств, в том числе на подготовку службами психологического сопровождения вузов добровольцев из числа самих студентов. Распространена также практика групп самопомощи и взаимопомощи по модели анонимных алкоголиков. Психологи и педагоги интересуются переменными / факторами и условиями, трансформирующими реакции человека на неблагоприятное воздействие окружающей среды, склоняя его к дезадаптивным, девиантным реакциям совладания с трудностями. Ведутся исследования девиантного поведения не только в контексте поиска результативных способов коррекционного воздействия, но и в направлении поиска факторов, препятствующих (превентивующих) такому поведению. Профилактика девиаций усматривается в трансформации поведения, миропонимания и ценностей студентов. Так, в контексте исследований Б. П. Буунка педагогические действия по снижению уровня тревожности и девиантных реакций на тревогу связаны с оказанием

социальной поддержки, снижением состояний изолированности и одиночества, состояний отчаяния и депрессии, скуки и отвержения, глупости и невежественности, опасности и необходимости защищаться, важности стремления быть включенным в группу независимо от сиюминутных реакций на поведение отдельных членов. В процессе социального сравнения преодолевается состояние неуверенности; принадлежность к группе и следование ее нормам снижает тревожность и неопределенность; группа помогает в поиске нужной информации о себе и мире [27]. А. Бандура и Ф. Л. Менлав [28] отмечали, что люди склонны подражать тому, что они видят и слышат, их поведение основано на поведении других людей, они невольно и бессознательно воспроизводят как положительные, так и отрицательные модели поведения, поэтому девиация – результат злоупотреблений негативными, девиантными формами отношений со стороны взрослых и более высокостатусных людей. В процессе взаимодействия с окружающей средой человек исследует разные варианты действия, либо используя их в будущем, либо отвергая [29].

Важны также меры, направленные на развитие чувства идентичности с вузом и обществом в целом, поэтому, например, хороши программы сотрудничества образовательных организаций с учреждениями здравоохранения и правоохранения [30]. Важную роль могут играть клубы по интересам и центры досуга, круглогодичные и сезонные лагеря, программы, направленные на помощь в выборе и освоении дополнительной профессии, повышении квалификации, развитии компетенций, необходимых для решения жизненных задач. Следует также обратить внимание на взаимодействие образовательных и научных организаций и родителей (опекунов). Необходимо разрабатывать и внедрять комплексную систему превентивного, коррекционного и развивающего воздействия с привлечением междисциплинарной команды специалистов академических служб сопровождения, изучения и влияния на системы факторов, которое приводило бы к деактуализации девиантного поведения студентов.

В России упор делается на подготовку специалистов и волонтеров, отмечается общая «психологизация» воспитательной и обучающей деятельности как профилактических; акцентируется роль междисциплинарной экспертизы и коррекции девиаций, реабилитации и развития студентов.

Выводы

Профилактика девиантного поведения студентов вузов требует разработки и своевременного, уместного применения специальных систем мероприятий диагностического, профилактического, коррекционного и развивающего характера, которые могут не только сдерживать негативные эффекты девиаций, но и предотвратить еще более сложные ситуации. Социализация и вторичная социализация (ресоциализация) студентов с девиантным поведением требуют вовлечения их в гармоничные отношения в вузе, семье, обеспечения нормальных условий жизнедеятельности (социальная и психологическая защита и поддержка), обеспечения возможности внести вклад в общественное благополучие. Необходимо трансформировать деструктивные модели и изменить структуру поведенческих реакций, чтобы нивелировать негативное воздействие и усилить позитивное влияние социальных факторов.

Список источников

1. Арпентьева М. Р. Антропологические аспекты девиантологии // Вопросы девиантологии. 2020. № 1. С. 9–32.
2. Ларионова С. О. Девиантное поведение как научно-педагогическая проблема [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. 2013. № 1-1. С. 90–94. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=30882> (дата обращения: 22.08.2022).

3. Ташёва А. И., Бедрединова С. В. Психологическое консультирование и психологическая коррекция. Профилактика страхов. М.: Юрайт, 2018. 177 с.
4. Clinard M., Meier R. *Sociology of Deviant Behavior*. Wadsworth: Cengage Learning, 2011. 377 p.
5. Tashcheva A. I., Gridneva S. V., and Arpentieva M. R. Value-motivational sphere of the deviant students and academics counseling in higher schools // *Bulletin of National academy of sciences of the Republic of Kazakhstan*. 2020. Vol. 6. Pp. 223–233.
6. Колосницына М. Ю., Зайцев Г. С., Кадацкая Е. А., Алифанова Л. Г. Диагностика девиантного поведения // *Акмеология*. 2010. № 3. С. 9–14.
7. Орел А. Н. Опросник «Склонность к отклоняющемуся поведению» // Методическое руководство. Сборник тестов программно-методического комплекса дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+» / Дворянчиков Н. В., Делибалт В. В., Дозорцева Е. Г., Дебольский М. Г., Дегтярев А. В., Чиркина Р. В., Лаврик А. В. М.: МГППУ, 2017. С. 8–24.
8. Клейберг Ю. А. *Социальная психология девиантного поведения*. М.: ТЦ Сфера, 2004. 190 с.
9. Glover T. A., Albers C. A. Considerations for evaluating universal screening assessments // *Journal of School Psychology*. 2007. Vol. 45. Pp. 117–135.
10. Lane K. L., Menzies H. M. A school-wide intervention with primary and secondary levels of support for elementary students: Outcomes and considerations // *Education and Treatment of Children*. 2003. Vol. 26. Pp. 431–451.
11. Levitt J. M., Saka N., Romanelli L. H., Hoagwood K. Early identification of mental health problems in schools: The status of instrumentation // *Journal of School Psychology*. 2007. Vol. 45. Pp. 163–191.
12. Reinke W. M., Herman K. C., Petras H., Jalongo N. S. Empirically derived subtypes of child academic and behavior problems: Co-occurrence and distal outcomes // *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2008. Vol. 36. Pp. 759–770.
13. Severson H. H., Walker H. M. Pro-active approaches for identifying children at risk for socio-behavioral problems // *Interventions for children with or at-risk for emotional and behavioral disorders* / K. L. Lane, F. M. Gresham, T. E. O'Shaughnessy (Eds.). Boston: Allyn & Bacon, 2002. Pp. 33–54.
14. Severson H. H., Walker H. M., Hope-Doolittle J., Kratochwill T. R., Gresham F. M. Proactive, early screening to detect behaviorally at-risk students: Issues, approaches, emerging innovations, and professional practices // *Journal of School Psychology*. 2007. Vol. 45. Pp. 193–223.
15. McLeod B. D., Jensen-Doss A., Ollendick Th. H. Overview of Diagnostic and Behavioral Assessment // *Diagnostic and Behavioral Assessment in Children and Adolescents: A Clinical Guide* / Eds. by B. D. McLeod, A. Jensen-Doss, and Th. H. Ollendick. New York: Guilford Publications, 2013. Pp. 3–33.
16. Обследование детей с девиантным поведением / сост. В. А. Мицкевич. Иркутск: Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи, 2020. 51 с.
17. Шелкунова Т. В., Чугорев А. С. Возможности психологической коррекции девиантного поведения подростков // *Проблемы современного педагогического образования*. 2018. № 60-3. С. 478–481.
18. Змановская Е. В., Рыбников В. Ю. *Девиантное поведение личности и группы*. СПб.: Питер, 2012. 352 с.
19. Vista N. V. Psychological and Pedagogical Conditions for the Prevention of Deviant Behavior among Adolescents // *International Journal of Environmental & Science Education*. 2016. Vol. 11. No. 15. Pp. 8536–8551.
20. Арпентьева М. Р. Проблемы эффективности психологического консультирования в зарубежных исследованиях // *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2015. № 21 (3). С. 38–42.
21. Арпентьева М. Р. Японские модели психосоциальной поддержки // *Россия – Япония: политика, история и культура: сб. ст. и докладов участников междунар. науч.-практ. конф.* Казань, 4–

6 окт. 2018 г. / науч. ред. Д. Е. Мартынов, А. Р. Аликберова, Р. Р. Мухаметзянов. Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2018. С. 11–18.

22. Komoto Y. Brief intervention based on Naikan therapy for a severe pathological gambler with a family history of addiction: emphasis on guilt and forgiveness // *Asian Journal of Gambling Issues and Public Health*. 2015. Vol. 5 (2). Pp. 20–26. <https://doi.org/10.1186/s40405-015-0007-3>.

23. Allport G. *The Nature of Personality: Selected Papers*. London: Praeger; Facsimile of 1950 edition, 2015. 115 p.

24. Maslow A. *Motivation and Personality*. New York: Harper & Row, 1954. 193 p.

25. Rogers C. *On Becoming a Person: A Therapist's View of Psychotherapy*. London: Constable, 2013. 184 p.

26. Кашенко В. П. Педагогическая коррекция. Исправление недостатков характера у детей и подростков. СПб.: Азбука, 2012. 374 с.

27. Buunk B. P. Affiliation and Helping Interactions within Organizations: A Critical Analysis of the Role of the Social Support with the Regard to Occupational Stress // *European Review of Social Psychology*. 1990. Vol. 1. Pp. 293–322.

28. Bandura A., Menlove F. L. Factors Determining Vicarious Extinction of Avoidance Behaviour through Symbolic Modelling // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1968. Vol. 8. Pp. 99–108.

29. Anderson S. Psycho-Educational Processes as Strategies for Students Presenting with Emotional and Behavioural Disorders // *American International Journal of Contemporary Research*. 2012. Vol. 2 (7). Pp. 174–183.

30. Danforth S., Smith T. J. *Engaging Troubling Students: A Constructivist Approach*. London: Corwin Press, 2015. 374 p.

References

1. Arpentieva M. R. Antropologicheskii podkhod k tipologii deviantnogo povedeniya [Anthropological approach to the typology of deviant behavior]. *Voprosy deviantologii*. 2020, no. 16, pp. 3–10. (In Russ.).

2. Larionova S. O. Deviantnoye povedeniye kak nauchno-pedagogicheskaya problema [Deviant behavior as a scientific and pedagogical problem]. *Fundamental'nyye issledovaniya*. 2013, no. 1-1, pp. 90–94. (In Russ.). Available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=30882> (accessed: 07.10.2021).

3. Tashcheva A. I., Bedredinova S. V. Psikhologicheskoye konsul'tirovaniye i psikhologicheskaya korrektsiya. Profilaktika strakhov [Psychological counseling and psychological correction. Prevention of fears]. Moscow, Yurayt, 2018, 177 p. (In Russ.).

4. Clinard M., Meier R. *Sociology of Deviant Behavior*. Wadsworth, Cengage Learning, 2011, 377 p.

5. Tashcheva A. I., Gridneva S. V., Arpentieva M. R. Value-motivational sphere of the deviant students and academics counseling in higher schools. *Bulletin of National academy of sciences of the Republic of Kazakhstan*. 2020, vol. 6, pp. 223–233.

6. Kolosnitsyna M. Yu., Zaitsev G. S., Kadatskaya E. A., Alifanova L. G. Diagnostika deviantnogo povedeniya [Diagnosis of deviant behavior]. *Akmeologiya*. 2010, no. 3, pp. 9–14. (In Russ.).

7. Orel A. N. Oprosnik «Sklonnost' k otklonyayushchemusya povedeniyu» [Determination of propensity to deviant behavior]. In: Dvoryanchikov N. V., Delibalt V. V., Dozortseva E. G., Debolsky M. G., Degtyarev A. V., Chirkina R. V., Lavrik A. V. *Metodicheskoye rukovodstvo. Sbornik testov programmno-metodicheskogo kompleksa differentsial'noy diagnostiki povedencheskikh narusheniy nesovershennoletnikh «Diagnost-Ekspert+»*. Moscow, MGPPU, 2017, pp. 8–24. (In Russ.).

8. Kleiberg Yu. A. *Sotsial'naya psikhologiya deviantnogo povedeniya* [Social psychology of deviant behavior]. Moscow, TC Sphere, 2004, 190 p. (In Russ.).

9. Glover T. A., Albers C. A. Considerations for evaluating universal screening assessments. *Journal of School Psychology*. 2007, vol. 45, pp. 117–135.

10. Lane K. L., Menzies H. M. A school-wide intervention with primary and secondary levels of support for elementary students: Outcomes and considerations. *Education and Treatment of Children*. 2003, vol. 26, pp. 431–451.

11. Levitt J. M., Saka N., Romanelli L. H., Hoagwood K. Early identification of mental health problems in schools: The status of instrumentation. *Journal of School Psychology*. 2007, vol. 45, pp. 163-191.
12. Reinke W. M., Herman K. C., Petras H., Ialongo N. S. Empirically derived subtypes of child academic and behavior problems: Co-occurrence and distal outcomes. *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2008, vol. 36, pp. 759-770.
13. Severson H. H., Walker H. M. Pro-active approaches for identifying children at risk for socio-behavioral problems. *Interventions for children with or at-risk for emotional and behavioral disorders*. Boston, Allyn & Bacon, 2002, pp. 33-54.
14. Severson H. H., Walker H. M., Hope-Doolittle J., Kratochwill T. R., Gresham F. M. Proactive, early screening to detect behaviorally at-risk students: Issues, approaches, emerging innovations, and professional practices. *Journal of School Psychology*. 2007, vol. 45, pp. 193-223.
15. Mcleod B. D., Jensen-Doss A., Ollendick Th. H. Overview of Diagnostic and Behavioral Assessment. *Diagnostic and Behavioral Assessment in Children and Adolescents: A Clinical Guide*. New York, Guilford Publications, 2013, pp. 3-33.
16. Obsledovaniye detey s deviantnym povedeniyem [Examination of children with deviant behavior]. Irkutsk, Centr psichologo-pedagogicheskoy, medicinskoj i sotcial'noj pomoshchi, 2020, 51 p. (In Russ.).
17. Shelkunova T. V., Chugorev A. S. Vozmozhnosti psikhologicheskoy korrektsii deviantnogo povedeniya podrostkov [Possibilities of psychological correction of deviant behavior of adolescents]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2018, no. 60-3, pp. 478-481. (In Russ.).
18. Zmanovskaya E. V., Rybnikov V. Yu. Deviantnoye povedeniye lichnosti i gruppy [Deviant behavior of a person and a group]. St. Petersburg, Piter, 2012, 352 p. (In Russ.).
19. Vista N. V. Psychological and Pedagogical Conditions for the Prevention of Deviant Behavior among Adolescents. *International Journal of Environmental & Science Education*. 2016, vol. 11, no. 15, pp. 8536–8551.
20. Arpentieva M. R. Problemy effektivnosti psikhologicheskogo konsul'tirovaniya v zarubezhnykh issledovaniyakh [Problems of the effectiveness of psychological counseling in foreign studies]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*. 2015, no. 21 (3), pp. 38-42. (In Russ.).
21. Arpentieva M. R. Yaponskiye modeli psikhosotsial'noy podderzhki [Japanese models of psychosocial support]. *Rossiya – Yaponiya: politika, istoriya i kul'tura*. Kazan, Izd-vo Akademii nauk Respubliki Tatarstan, 2018, pp. 11-18. (In Russ.).
22. Komoto Y. Brief intervention based on Naikan therapy for a severe pathological gambler with a family history of addiction: emphasis on guilt and forgiveness. *Asian Journal of Gambling Issues and Public Health*. 2015, vol. 5 (2), pp. 20–26. <https://doi.org/10.1186/s40405-015-0007-3>.
23. Allport G. The Nature of Personality: Selected Papers. London, Praeger; Facsimile of 1950 edition, 2015, 115 p.
24. Maslow A. Motivation and Personality. New York, Harper & Row, 1954, 193 p.
25. Rogers C. On Becoming a Person: A Therapist's View of Psychotherapy. London, Constable, 2013, 184 p.
26. Kashchenko V. P. Pedagogicheskaya korrektsiya. Ispravleniye nedostatkov kharaktera u detey i podrostkov [Pedagogical correction. Correction of character flaws in children and adolescents]. St. Petersburg, Azbuka, 2012, 374 p. (In Russ.).
27. Buunk B. P. Affiliation and Helping Interactions within Organizations: A Critical Analysis of the Role of the Social Support with the Regard to Occupational Stress. *European Review of Social Psychology*. 1990, vol. 1, pp. 293-322.
28. Bandura A., Menlove F. L. Factors Determining Vicarious Extinction of Avoidance Behaviour through Symbolic Modelling. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1968, vol. 8, pp. 99-108.
29. Anderson S. Psycho-Educational Processes as Strategies for Students Presenting with Emotional and Behavioural Disorders. *American International Journal of Contemporary Research*. 2012, vol. 2 (7), pp. 174-183.
30. Danforth S., Smith T. J. Engaging Troubling Students: A Constructivist Approach. London, Corwin Press, 2015, 374 p.

Информация об авторах

М. Р. Арпентьева – доктор психологических наук, доцент, академик Международной академии образования (МАО), член-корреспондент Российской академии естествознания (РАЕ), Заслуженный работник науки и образования Российской академии естествознания, педагог-психолог, внештатный научный сотрудник Центра психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Содействие»;

С. В. Гриднева – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики, Южный федеральный университет;

А. И. Тащёва – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии личности и консультативной психологии, научный руководитель Психологической службы Академии психологии и педагогики, Южный федеральный университет.

Information about the authors

M. R. Arpentieva – Grand Doctor (Grand PhD) of Psychological Sciences, Associate Professor, Academician of the International Academy of Education (IAE), Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Honored Worker of Science and Education of the Russian Academy of Natural Sciences, freelance researcher at the Center for psychological, pedagogical, medical and social assistance “Assistance”;

S. V. Gridneva – Candidate (PhD) of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of general and pedagogical psychology of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University;

A. I. Tashcheva – Candidate (PhD) of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of personality psychology and consultative psychology, the Head of the Psychological Service of the Academy of psychology and pedagogy, Southern Federal University.

Статья поступила в редакцию 19.07.2022; одобрена после рецензирования 31.07.2022; принята к публикации 31.07.2022.

The article was submitted 19.07.2022; approved after review on 31.07.2022; accepted for publication on 31.07.2022.

Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 102–109.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2022. No. 2 (92). P. 102-109.

Научная статья
УДК 159.9

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИКИ РЕПЕРТУАРНЫХ РЕШЕТОК ДЖ. КЕЛЛИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ ОСУЖДЕННЫХ

Евгения Михайловна Калинин

Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний,
Вологда, Россия, emkalinkina2010@rambler.ru

Аннотация: В статье рассматриваются возможности применения методики Дж. Келли для изучения личностных особенностей осужденных. Для примера приводятся данные исследования особенностей восприятия женского образа осужденными за совершение преступлений против половой свободы и неприкосновенности личности. Метод позволяет реконструировать целостные системы представлений человека о других людях. Путем сравнения результатов диагностики испытуемых, осужденных за вышеперечисленные преступления, с результатами лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы за иные преступления, нам удалось выявить отличительные черты восприятия женского образа. Полученные в исследовании результаты позволяют сформулировать рекомендации относительно путей ресоциализации осужденных и задач психокоррекционной работы, направленной на профилактику совершения ими подобных преступлений в будущем.

Ключевые слова: осужденные, преступления против половой свободы и неприкосновенности личности, метод репертуарных решеток, ресоциализация

Для цитирования: Калинин Е. М. Возможности применения техники репертуарных решеток Дж. Келли при изучении особенностей восприятия осужденных // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 102–109.

Original article

POSSIBILITIES OF APPLICATION OF THE TECHNIQUE OF REPERTORY GRIDGES J. KELLY WHEN STUDYING THE FEATURES OF PERCEPTION OF CONVICTS

Evgenia M. Kalinkina

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda,
Russia, emkalinkina2010@rambler.ru

Abstract. The article discusses the possibilities of applying the technique of J. Kelly to study the personal characteristics of convicts. For example, the research data on the characteristics of the perception of the female image by those convicted of crimes against sexual freedom and personal integrity are given. The method allows reconstructing integral systems of a person's ideas about other people. By comparing the results of the diagnosis of subjects convicted of the above crimes with the results of persons serving sentences in places of deprivation of liberty for other crimes, we were able to identify the distinctive

features of the perception of the female image. The results obtained in the study allow us to formulate recommendations regarding the ways of resocialization of convicts and the tasks of psycho-correctional work aimed at preventing them from committing such crimes in the future.

Keywords: convicts, crimes against sexual freedom and personal integrity, repertory grid method, resocialization

For citation: Kalinkina E. M. Possibilities of application of the technique of repertory gridges J. Kelly when studying the features of perception of convicts. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2022. No. 2 (92). Pp. 102-109. (In Russ.).

Техника репертуарных решеток Дж. Келли является таким экспериментальным подходом к исследованию личности, который позволяет использовать весь инструментарий современной психометрики и аппарат многомерных статистических методов не для получения групповых эмпирических обобщений и конструирования нормативных шкал, а в качестве тонкого инструмента анализа индивидуальной структуры личности человека, описываемой на «ее собственном языке», в системе ее собственных конструкторов.

Данный подход, называемый репертуарным матричным тестированием, или, по современной терминологии, техникой репертуарных решеток (ТРР), будучи рассмотрен как совокупность методических приемов, представляет собой операциональную реализацию индивидуально ориентированного подхода к субъективному шкалированию. ТРР не ставит целью сравнение оценок и реакций человека с нормированными групповыми данными (что, конечно, не исключается), но стремится реконструировать индивидуально определенную систему смысловых расчленений, противопоставлений и обобщений, лежащую в основе субъективных оценок, отношений и предсказаний. Возникновение ТРР связано с именем Дж. Келли, с созданной им теорией индивидуальных конструкторов. Кратко опишем ее основные положения.

Понятие конструкта можно определить следующим образом: это особое субъективное средство, сконструированное самим человеком, проверенное на собственном опыте, с помощью которого человек выделяет, оценивает и прогнозирует события, организует свое поведение, «понимает» других людей, реконструирует систему взаимоотношений и строит «образ я». Это одновременно и способ поведения, и параметр отношений и оценок, и когнитивное смысловое расчленение и противопоставление. Конструкт всегда биполярен, имеет два полюса (типа «север – юг»). Конструкты организованы в систему, имеющую сложную иерархическую организацию и множество подсистем. В силу общности и социальности опыта человека многие конструкты у разных людей схожи. Однако, поскольку конструкт не усваивается извне, а строится самим человеком, он индивидуально определен, и есть конструкты, которые существуют в одном экземпляре, лишь у конкретного человека [1].

В поисках экспериментального метода, адекватного собственной концепции, Дж. Келли разработал репертуарный тест личностных конструкторов, который также называется «техника репертуарных решеток». Это не батарея тестов, а экспериментальный метод, включающий особые приемы планирования и проведения эксперимента, обработки и интерпретации результатов. Важное отличие ТРР от многих других процедур шкалирования заключается в том, что репертуарные решетки направлены не на получение информации об объектах шкалирования, что, конечно, возможно, а на получение информации о самом человеке, заполняющем решетку.

В общем виде репертуарная решетка (РР) представляет собой определенным образом организованную матрицу, которая заполняется либо самим испытуемым, либо экспериментатором в процессе структурированного интервью. Строки матрицы традиционно называются конструктами, столбцы – элементами.

Данный метод исследования личности позволяет изучить особенности восприятия и индивидуальные специфические черты личности лиц, осужденных за преступления различного характера. Полученные результаты могут быть использованы для анализа причин совершения преступлений, нахождения деструктивных изменений в образе мира правонарушителей, формулирования рекомендаций по оказанию коррекционного воздействия на осужденных во время отбывания наказания и для профилактики совершения преступлений.

Одним из негативных явлений, характерных для современного общества, является сексуальная агрессия. Обострение данного феномена по отношению к женщинам – факт, заслуживающий пристального внимания не только со стороны правоохранительных органов, но и с точки зрения научного обоснования и решения данной проблемы. Согласно официальным источникам в 2020 г. по ст. 131–135 Уголовного кодекса РФ¹ (УК РФ) на территории нашей страны зарегистрировано 16 801 преступление против половой свободы и половой неприкосновенности личности, в том числе с применением насилия (ст. 131, 132 УК РФ) – 9 022 (53 %).

Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности относятся к наиболее опасным, поскольку не только причиняют физический и психический вред, но и имеют «отложенные» последствия. Человек, ставший жертвой такого преступления, зачастую на протяжении длительного времени может ощущать негативное влияние пережитого события на свое половое и нравственное развитие, испытывая при этом сложности в создании семьи и деторождении, иногда могут наблюдаться признаки десоциализации и т. д. В силу этого данная категория преступлений является предметом постоянного и пристального внимания правотворческих, правоприменительных органов и психологического сообщества.

Пенитенциарная система в нашей стране характеризуется достаточно традиционными методами работы с осужденными, которые являются пережитком прошлого. Данные методы воспитательного воздействия отличаются карательной направленностью и практически полной изоляцией от общества. Очевидно, что на практике подобный подход к перевоспитанию и исправлению не ведет к достижению целей, т. к. часто не учитывает психологические особенности личности осужденного и удовлетворение его основных потребностей, к числу которых относится и сексуальное влечение [2].

Исследование особенностей восприятия женщин изучаемой категорией лиц поможет выявить те факторы, которые оказывают негативное влияние на формирование гармоничных отношений с противоположным полом. Используя результаты исследования, специалисты могут создать методы коррекционной и профилактической работы, помогающие избежать совершения подобного рода преступлений.

Ранее проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что у большинства лиц, совершивших преступления данной категории, отмечается нарушение взаимоотношений с женщинами, невозможность правильно понять их поведение, построить гармоничные отношения с противоположным полом. Возникает предположение, что, скорее всего, имеются своеобразные нарушения в восприятии образа женщины, возможно, существуют специфические особенности в формировании образа женщины, которые отличают лиц, склонных совершать насильственные действия сексуального характера. Изучение данного вопроса позволит сформулировать практические рекомендации по психологической работе с осужденными за подобные преступления.

Целью нашего исследования является изучение восприятия женщины у осужденных за преступления против половой свободы и неприкосновенности, а также разработка рекомендаций по психологическому сопровождению данной категории осужденных.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Объектом исследования является образ женщины у осужденных к лишению свободы.

Предметом являются особенности восприятия женщины у осужденных за преступления против половой свободы и неприкосновенности.

Гипотеза исследования: существуют особенности восприятия образа женщины осужденными за преступления против половой свободы и неприкосновенности в отличие от осужденных за другие категории преступлений.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

- 1) рассмотреть криминологическую характеристику преступлений против половой свободы и неприкосновенности;
- 2) изучить личностные характеристики осужденных за преступления против половой свободы и неприкосновенности;
- 3) провести психологическую диагностику, позволяющую изучить особенности образа женщины у осужденных;
- 4) проанализировать полученные эмпирические данные, сформулировать на их основе выводы и практические рекомендации.

В качестве диагностического инструментария была выбрана методика Дж. Келли «Техника репертуарных решеток». Данный метод позволяет выявить особенности сложившегося обобщенного образа женщины у изучаемой нами категории испытуемых, а также дать не только качественную, но и количественную оценку получаемых результатов.

Метод Келли является идеографической техникой, основанной на использовании психосемантических закономерностей. Результаты, которые мы получаем при диагностике испытуемых, не соотносятся как обычно с нормой, а интерпретируются в зависимости от других характеристик этого же испытуемого. При изучении образа женщины данный факт является существенным достоинством этого метода. Он позволяет нам на практике реализовать субъектный подход в психодиагностике и дает возможность реконструировать целостные системы представлений человека о других людях [3].

В технике репертуарных решеток элементы часто задаются в виде обобщенных инструкций, репертуара ролей (отсюда и название метода), на место которых испытуемый подставляет конкретных людей, предметы и т. п. Таким образом, мы выявляем у испытуемого не только конструкты, но и элементы, что делает методику еще более гибкой и релевантной картине мира респондента.

После того как нами у испытуемого был выявлен набор элементов, мы приступали к процедуре выявления конструктов. Для этого из репертуара элементов мы выделяли тройки элементов. Испытуемому предлагалось назвать какое-нибудь важное качество, по которому два из них сходны между собой и отличны от третьего. Экспериментатор записывал названия полюсов. Таким образом выявляется конструкт.

По окончании процедуры выявления конструктов мы переходили к этапу построения «репертуарной решетки» – последовательного «измерения» испытуемым каждого элемента из списка каждым из выявленных у него конструктов и фиксации соответствующих результатов. После заполнения испытуемым матрицы мы переходили к этапу компьютерной обработки ТРР с помощью программы «Келли-98».

При анализе полученных данных мы будем рассматривать различия по следующим характеристикам матрицы конструктов:

- 1) удельный вес положительных и отрицательных оценок у разных элементов, за которыми стоят женские образы;
- 2) самооценка испытуемого, измеряемого количеством положительных оценок своему образу, сходство с разными элементами матрицы и их отличие;

3) качественный состав конструкторов, описывающий в целом ролевой список и женские образы в частности;

4) содержание факторов, в которые объединятся элементы матрицы и ее конструкторы.

Для выявления особенностей восприятия женщин лицами, совершившими преступление против половой свободы и неприкосновенности, результаты их диагностики были сопоставлены с результатами других осужденных, отбывающих наказание по другим статьям. Таким образом, у нас было сформировано две группы испытуемых: двадцать мужчин вошли в экспериментальную группу (осуждены по интересующим нас статьям) и двадцать один – в контрольную группу (осуждены за другие преступления).

Рассмотрим полученные результаты. Сравнительный анализ положительных оценок по всем элементам между группами испытуемых представлен в таблице 1.

Таблица 1

Количество положительных оценок элементов по разным конструкторам
в экспериментальной и контрольной группах

Номер элемента и его наименование	Экспериментальная группа	Контрольная группа	Значение критерия Манна – Уитни	Принимаемая гипотеза
1. Я сам	12.60	12.23	206.50	H ₀
2. Моя мать	14.55	14.76	102.00	H ₀
3. Мой отец	9.85	10.47	216.00	H ₀
4. Моя сестра (подруга детства)	13.00	16.42	101.50	H ₀
5. Моя учительница	14.95	14.38	196.50	H ₀
6. Моя первая любовь	9.80	17.57	37.58*	H ₁
7. Мой первый половой опыт	6.30	17.42	21.00**	H ₁
8. Наиболее неприятная мне женщина	7.25	18.33	29.00**	H ₁
9. Женщина, к которой я испытываю теплые чувства	13.70	13.61	209.00	H ₀
10. Женщина, которую я опасался в детстве	7.00	8.04	220.00	H ₀
11. Женщина, с которой я чаще всего конфликтовал	6.40	17.09	39.50	H ₁
12. Самая близкая мне женщина	14.85	14.76	219.00	H ₀
Сумма по всем элементам	130.25	175.14	127.00	H ₀

* – вероятностный уровень 0,05.

** – вероятностный уровень 0,01.

Как видно из результатов экспериментальной группы, в которую входят осужденные, совершившие преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности, большинство положительных оценок получили роли «моя мать», «моя сестра», «моя учительница» и «самая близкая мне женщина». Роль «моя мать» получила положительные оценки подавляющего большинства как экспериментальной, так и контрольной группы, что говорит о высоком авторитете матери в жизни осужденных. Для оценки матери осужденные экспериментальной группы чаще всего выбирали такие прилагательные, как «мягкая», «заботливая», «добрая», что говорит о положительном, светлом образе матери, отложившемся в памяти испытуемых.

Роль «моя сестра (подруга детства)» аналогично определена как лидирующая. Со своими сестрами и подругами осужденные проводили все детство, многие продолжают общение с ними и в настоящее время. В основном образ сестры или подруги детства у осужденных обеих групп очень позитивный. Это объясняется положительно окрашенными воспоминаниями о прошлом и настоящем, проведенном в их компании.

Роль «моя учительница» примерно близка по количествам плюсов к роли «моя мать». Осужденные характеризовали своих учителей такими прилагательными, как «аккуратная», «образованная», «грамотная», «умная» и «строгая». Скорее всего, такое отношение к учителю связано с противопоставлением осужденным себя этой роли. Другими словами, роль «моя учительница» в жизни осужденных связана с детством, школой, светлыми и позитивными перспективами, детскими мечтами, которые не были воплощены в жизнь из-за совершенных преступлений.

Роль «самая близкая мне женщина» оправданно получила большое количество положительных оценок как в первой, так и во второй группе испытуемых. В этой роли в подавляющем большинстве выступали жены, сожительницы и возлюбленные осужденных, которые зачастую являются единственными людьми, с которыми они поддерживают связь после осуждения. Характеризовали испытуемые этих женщин такими прилагательными, как «заботливая», «милая», «ласковая», что позволяет нам увидеть сходство в семантике оценок роли «моя мать», а также сделать вывод об идентификации самых близких женщин испытуемых с их матерями. Отмечается также незначимость различий в показателях между выборками, которая отражена в таблице 1.

Наиболее отрицательными в оценке получились роли «мой первый половой опыт», «наиболее неприятная мне женщина», «женщина, с которой я чаще всего конфликтовал» и «моя первая любовь». Прилагательные, которыми осужденные характеризовали первый половой опыт и первую любовь, зачастую относились к сходным категориям, оценки этих двух ролей по количеству плюсов похожи. По полученным результатам мы можем предположить, что у испытуемых экспериментальной группы существует некая психотравма, полученная в самом начале половой жизни осужденных, совершивших насильственные преступления. Женщины, которых испытуемые описывали в этих ролях, характеризовались такими прилагательными, как «распущенная», «непорядочная» и «высокомерная». Если в случае с первым половым опытом такие оценки могут иметь место из-за возможной неразборчивости подростков и молодых людей в половых связях, то подобные оценки первой любви, скорее всего, связаны с разочарованием в этом чувстве, возможным получением отказа, частыми ссорами с данными женщинами и, следовательно, с возникновением некой озлобленности на женский пол при получении первого опыта в романтических отношениях. В этих категориях отмечаются самые выраженные отличия в оценках осужденных первой группы от оценок второй.

В ролях «самой неприятной женщины» и «женщины, с которой я чаще всего конфликтовал» выступали в основном тещи, соседки, знакомые по работе (по словам самих осужденных), т. е. женщины, с которыми контакт проходил в основном в бытовой и деловой сферах жизни. Для их описания осужденные используют в основном прилагательные, имеющие негативную и даже оскорбительную окраску, такие как «наглая», «невоспитанная», «глупая», «грязная» и т. д.

Среди особенностей оценки роли «наиболее неприятная мне женщина» стоит отметить, что на этапе называния ролей в списке женщинам данной роли часто давались клички, имеющие пренебрежительное содержание. Среди особенностей выделяется также наибольшее сопротивление испытуемых при вспоминании конкретного человека этой роли и склонность к объединению нескольких человек в одну роль.

Для «женщины, к которой я испытываю теплые чувства» отмечаются такие особенности, как наличие сходной семантики прилагательных с оценкой роли «моя мать» и «самая близкая мне женщина». В роли этих женщин чаще всего выступают бабушки, подруги, с которыми испытуемые общаются в настоящее время.

В роли «женщины, которую я опасался в детстве» чаще всего у испытуемых выступала бабушка, тетя или школьный преподаватель. Данный человек в большинстве случаев

характеризовался положительно, несмотря на негативную окраску самой роли. Испытуемые часто оценивали роли такими прилагательными, как «честная», «строгая», «добрая», но вместе с тем имели место такие оценки, как «суровая», «неуравновешенная» и «грубая», однако общая тенденция оценок роли оценивается как положительная. Различие между оценками данной роли у испытуемых обеих групп оказалось незначительным.

Отдельно стоит отметить небольшую степень сходства при оценке собственного образа и образа отца, что говорит о слабой идентификации испытуемых с родителем своего пола. Различие между количеством положительных ответов испытуемых у двух групп незначимое, что исключает предполагаемую гипотезу о том, что склонность к посягательствам на половую свободу и половую неприкосновенность может быть связана с каким-то определенным стилем отцовского воспитания или нарушениями в воспитании родителем своего пола. Следует отметить также, что роль отца в подавляющем большинстве случаев у испытуемых играл либо отчим, либо сожитель матери, однако, по словам испытуемых, эти люди хоть и не являлись биологическими отцами осужденных, принимали активное участие в воспитании сыновей.

В оценке роли «я сам», которая отражает самооценку испытуемых, значимых различий между двумя группами выявлено не было. В целом выявлена адекватная самооценка, признание своих недостатков, однако следует отметить, что осужденные как первой, так и второй групп (в которую входили осужденные в том числе и за преступления против жизни и здоровья) оценивали себя такими прилагательными, как «добрый», «заботливый», «уравновешенный» и другими положительно окрашенными словами. Возможно, это объясняется тем, что испытуемые оценивали актуальное состояние, а не то, в котором находились в момент совершения своих преступлений. Вместе с тем в тех триадах, в которых присутствовала роль «я сам», осужденные чаще всего выделяли себя как человека, отличающегося от остальных, и отличались они в большинстве своем негативными качествами, за исключением сравнения себя с ролями «моя первая любовь», «мой первый половой опыт», «наиболее неприятная мне женщина» и «женщина, с которой я чаще всего конфликтовал». Особенности оценки осужденными этих ролей мы уже привели выше.

Результаты, полученные при проведении диагностики осужденных, позволяют нам сделать вывод о том, что восприятие женщин у лиц, совершивших преступления против половой свободы и неприкосновенности личности, существенно отличается от других категорий осужденных. Негативный образ женщин, с которыми был первый половой опыт и к которым осужденные за изнасилование мужчины испытывали первое чувство влюбленности, позволяет предположить наличие у них психотравмирующих ситуаций, связанных именно с этими событиями в жизни. Следовательно, в целях ресоциализации данной группы осужденных необходимо проводить психокоррекционную работу, направленную на переосмысление ситуаций их прошлого, которые вызвали негативные эмоции. Проработка этих жизненных событий с мужчинами может изменить восприятие женского образа в целом и стать одним из способов профилактики совершения ими подобных преступлений в будущем.

Список источников

1. Келли А. Дж. Теория личности. СПб.: Речь, 2000. 249 с.
2. Чахов Г. Н. Личность современного насильственного преступника как объект криминологического изучения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 89 с.
3. Похилько В. И., Федотова Е. О. Техника репертуарных решеток в экспериментальной психологии личности // Вопросы психологии. 1984. № 3. С. 151–157.

References

1. Kelli A. Dzh. Teoriya lichnosti [Personality theory]. Saint Petersburg, Rech', 2000, 249 p. (In Russ.)
2. Chakhov G. N. Lichnost' sovremennogo nasil'stvennogo prestupnika kak ob'ekt kriminologicheskogo izucheniya [The personality of a modern violent criminal as an object of criminological study]. Krasnodar, 2004, 89 p. (In Russ.)
3. Pokhil'ko V. I., Fedotova E. O. Tekhnika repertuarnykh reshetok v eksperimental'noi psikhologii lichnosti [Repertory Grid Technique in Experimental Psychology of Personality]. *Voprosy psikhologii*. 1984, no. 3, pp. 151-157. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. М. Калинкина – кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры юридической психологии и педагогики,
Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний.

Information about the author

E. M. Kalinkina – Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor, Associate Professor at the Department
of Legal Psychology and Pedagogy, Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Статья поступила в редакцию 07.09.2022; одобрена после рецензирования 19.09.2022;
принята к публикации 20.09.2022.

The article was submitted 07.09.2022; approved after reviewing 19.09.2022; accepted for
publication 20.09.2022.

Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 110–114.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2022. No. 2 (92). P. 110-114.

Научная статья
УДК 159.99

УРОВЕНЬ АГРЕССИИ И ВРАЖДЕБНОСТИ СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМИ ПРЕДПОЧТЕНИЯМИ В ВЫБОРЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР

Татьяна Викторовна Шершнёва¹, Ольга Викторовна Степанова²

^{1,2} Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь

¹ shershniowa_t@mail.ru

² ps-ipf@bntu.by

Аннотация. В статье предпринята попытка установить взаимосвязь уровня агрессии и враждебности студентов с их предпочтениями при выборе компьютерных игр. Для изучения предпочтений студентов при выборе компьютерных игр на базе Белорусского национального технического университета был проведен опрос, а также психологическая диагностика агрессивных и враждебных реакций личности. Анализ данных опроса позволил определить преобладающие категории компьютерных игр, которые выбирают студенты, а также уровень и виды агрессивности каждого из респондентов. Статистический анализ полученных данных позволил сформулировать вывод о наличии взаимосвязи агрессивности и враждебности личности с индивидуальными предпочтениями студентов в выборе компьютерных игр.

Ключевые слова: агрессия, враждебность, агрессивное поведение, компьютерные игры, геймер

Для цитирования: Шершнёва Т. В., Степанова О. В. Уровень агрессии и враждебности студентов с разными предпочтениями в выборе компьютерных игр // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 110–114.

Original article

THE LEVEL OF AGGRESSION AND HOSTILITY OF STUDENTS WITH DIFFERENT PREFERENCES IN CHOOSING COMPUTER GAMES

Tatyana V. Shershniowa¹, Olga V. Stepanova²

^{1,2} Belarusian National Technical University, Minsk, Republic of Belarus

¹ shershniowa_t@mail.ru

² ps-ipf@bntu.by

Abstract. The article attempts is made to establish the relationship between the level of aggression and hostility with the preferences of students when choosing computer games. To study the preferences of students when choosing computer games, a survey was conducted, as well as psychological diagnostics of aggressive and hostile reactions of the individual on the basis of the Belarusian National Technical University. The analysis of the survey data made it possible to determine the prevailing categories of computer games that students choose, as well as the level and types of aggressiveness of each of the respondents. Statistical analysis of the data obtained allowed us to formulate a conclusion about the relationship of aggressiveness and hostility of personality with individual preferences of students in choosing computer games.

Keywords: aggression, hostility, aggressive behavior, computer games, gamer

For citation: Shershniova T. V., Stepanova O. V. The level of aggression and hostility of students with different preferences in choosing computer games. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2022. No. 2 (92). Pp. 110-114. (In Russ.).

Сложно представить современного человека, использующего компьютер, смартфон или планшет и интернет исключительно для обучения или работы. Одним из основных способов развлечения стали компьютерные или мобильные игры. Игровой процесс происходит в специфической среде виртуальной реальности, которая для играющего служит средством ухода от реальной жизни и часто заполняет все свободное время, превращаясь в зависимость.

Среди молодежи все более актуальна тема полного погружения в виртуальный мир [1]. Именно по этой причине с каждым днем разрабатывается огромное количество новых компьютерных игр и их аналогов для мобильных устройств. При создании той или иной компьютерной игры следует учитывать аудиторию, на которую будет нацелена данная игра, именно для того, чтобы новый игровой продукт смог стать популярным как среди любителей, так и среди профессиональных геймеров. Подобными исследованиями занимались А. С. Графодатская, М. К. Щербакова, М. С. Невская.

Компьютерная игра – это компьютерная программа, служащая для организации игрового процесса (геймплея), связи с партнерами по игре или сама выступающая в качестве партнера [2]. Функции компьютерных игр многочисленны, но главными являются компенсаторная (уход от проблем, виртуальное преодоление реальных недостатков) и развивающая (т. е. функция развития произвольного внимания, памяти, рефлексивности сознания и т. п.).

Существует множество классификаций игр по жанрам, например:

1) экшн, стратегии, приключения, симуляторы, головоломки, забавы, образовательные, RPG;

2) квесты (игры-приключения), файтинги (драки, бои, сражения), шутеры (игры-стрелялки), стратегии (планирование и выработка тактики для достижения конкретной цели), ритмичные игры (музыкальные игры), РПГ (ролевые игры), гонки, игры-головоломки, симуляторы (управление каким-либо процессом из реальной жизни).

По мере прогрессирования технических возможностей разрабатываются все более сложные в техническом отношении игры, стирающие границы между реальным и виртуальным миром.

С. А. Шапкин приводит обзор психологических работ, посвященных компьютерным играм. В ходе этих исследований удалось установить, что существуют отчетливые половые различия в предпочтении игр. Мальчики чаще играют в игры, связанные с борьбой и соревнованиями, затем идут игры на ловкость, игры-приключения, стратегические игры, на последнем месте – логические игры. Девочкам больше нравятся игры на ловкость, затем логические, игры-приключения, игры, связанные с борьбой или соревнованием, и последними идут игры-стратегии [3, с. 86–94].

Согласно опросу, проведенному среди студентов второго курса инженерно-педагогического факультета Белорусского национального технического университета, по степени привлекательности для них компьютерные игры условно можно разделить на несколько категорий.

1. Стратегии – это ряд игр, требующих развитого системного мышления, умения прогнозировать ход игры, учитывая большое количество разных параметров. В играх этого жанра важно также уметь просчитывать ходы соперника и использовать его слабые стороны, тщательно обдумывать свои действия, чтобы не оставить противнику никаких шансов на победу. Пример такой игры – широко распространенная Dota, популярная командная

тактико-стратегическая игра с элементами компьютерной ролевой игры. В ней каждый игрок может управлять одним героем или еще несколькими дополнительными существами, если его герой имеет соответствующие способности.

Результаты опроса показали, что данная категория компьютерных игр (Dota 2, Galactic Civilization II, «Противостояние III», «Зевс», Age of Empires III, Jagged Alliance 2 и схожие с ними игры) привлекательна для подавляющего большинства студентов мужского пола.

2. Экшн (3D-Action) – компьютерные игры, в которых успех игрока в большой степени зависит от скорости его реакции и способности быстро принимать решения. К примеру, сюжет игры GTA связан с событиями, происходящими в вымышленном штате Сан-Андреас, прообразом которого послужила Южная Калифорния.

Игры в жанре экшн (GTA, Half Life, Quake 3, FreeGell, Unreal, «Диг-Даг», «Пакман», X-Files и аналогичные) также выбирает большинство представителей мужского пола.

3. Игры-симуляторы тоже являются привлекательными для большинства опрошенных студентов; такие игры имитируют деятельность оператора, управляющего транспортным средством или каким-то процессом и даже развитием жизни. С помощью таких игр можно почувствовать себя гонщиком сверхмощного карта, пилотом сверхзвукового самолета, не выходя за пределы своей комнаты. Изначально они создавались для обучения и тренировки пилотов, машинистов и т. п., широко используются до настоящего времени, становясь все более реалистичными за счет развития современных технологий. В игровой индустрии имитационные возможности расширили, а сценарии разнообразили.

В качестве любимой компьютерной игры-симулятора респонденты выбрали Gas Station Simulator – симулятор владельца заправочной станции в пустыне, переживающего сложные времена. Кроме того, в качестве предпочитаемых студенты указали также игры-симуляторы Flanker, FIFA 2000, теннис, бильярд, гонки. Как и в случае с названными выше категориями игр, их чаще всего предпочитают лица мужского пола.

4. Головоломки – это игры, целью которых является решение логических задач, требующих не только развитого мышления, но и интуиции или же удачи (Blockudoku, «Сапер» (Minesweeper), «Тетрис», «Поле»). Данная категория игр менее популярна, ее преимущественно выбирали представители женского пола.

5. Настольные компьютерные игры также нельзя назвать популярными, поскольку испытуемые выделили в группе игр подобного жанра лишь одну из них: Happy Color – раскраска по номерам для взрослых. В большинстве случаев на нее указали лица женского пола.

По итогам первого этапа исследования можно с уверенностью говорить о наличии связи между выбором компьютерных игр и гендерными особенностями студентов: категории экшн, стратегии и симуляторы в большинстве случаев выбрали студенты мужского пола, а головоломки и настольные игры, в свою очередь, – представители женского пола. Зная эти особенности, можно разрабатывать дидактические игры для студентов с учетом их предпочтений, а также программы психологической коррекции аддиктивного поведения с учетом гендерных особенностей личности.

Второй этап исследования был направлен на выявление взаимосвязи предпочтений в выборе компьютерных игр с агрессивным поведением и враждебностью личности. Известно, что эта взаимосвязь может трактоваться двояко. С одной стороны, агрессивные проявления в поведении увлекающегося компьютерными играми субъекта (ребенка, подростка или взрослого человека) могут быть обусловлены агрессивным содержанием предпочитаемых им игр, когда границы между реальным и виртуальным оказываются размытыми. С другой стороны, известно, что агрессивные дети и подростки предпочитают компьютерные игры с агрессивным содержанием, причем компьютер в данном случае может выступать как один из инструментов снижения агрессивности и враждебности личности.

Необходимо отметить, что однозначной трактовки понятия «агрессия» пока в психологической науке не существует, поскольку этот термин подразумевает большое разнообразие действий, которые могут в разных ситуациях и разными людьми расцениваться как агрессивные, направленные на причинение вреда, ущерба социальному окружению, и как абсолютно нормальные (проявление целеустремленности и настойчивости личности). Агрессивность личности в общем виде можно определить как готовность к агрессивному поведению, наиболее общей характеристикой которого чаще всего называют наличие деструктивных тенденций в области субъектно-объектных отношений. Враждебность понимается как реакция, инициирующая негативные чувства, а также негативные оценки людей и событий [4].

Психологическая диагностика агрессивности личности осуществлялась с помощью методики А. Ассингера, диагностика форм проявления агрессии, а также враждебность личности – с помощью опросника Басса – Дарки. По мнению Б. Басса, агрессивные действия можно описать на основании трех шкал: физическая / вербальная, активная / пассивная, прямая / непрямая. Их комбинация дает восемь возможных категорий, под которые можно подвести большинство агрессивных проявлений в поведении личности [4].

В целом, как и следовало ожидать, большинство студентов, принявших участие в исследовании, умеренно агрессивны (83 %). Однако гораздо больший интерес представляют результаты диагностики, полученные с помощью методики Басса – Дарки. Сопоставив данные, полученные в ходе первого и второго этапов исследования, проведенного среди студентов Белорусского национального технического университета, нам удалось выявить статистически значимую взаимосвязь различных форм агрессии, а также враждебности личности с предпочтениями респондентов в выборе жанра компьютерных игр.

Для студентов, предпочитающих игры жанра экшн (GTA, Half Life, Quake 3, FreeGell, Unreal, «Диг-Даг», «Пакман», X-Files и аналогичные), характерен высокий уровень физической и косвенной агрессии, а также высокий показатель враждебности и чувства вины.

Студенты, предпочитающие игры-стратегии (Dota 2, Galactic Civilization II, «Противостояние III», «Зевс», Age of Empires III, Jagged Alliance 2 и схожие с ними игры), характеризуются низким уровнем негативизма и косвенной агрессии, но высокими показателями враждебности и чувства вины.

Для студентов, назвавших в качестве любимых игры-симуляторы (Gas Station Simulator, Flanker, FIFA 2000, теннис, бильярд, гонки), характерен низкий уровень негативизма и враждебности.

У студентов, предпочитающих проводить свободное время за играми-головоломками, наблюдается высокий уровень подозрительности, враждебности и чувства вины.

Следует отдельно отметить, что студенты, увлекающиеся настольными играми, продемонстрировали показатель индекса агрессивности, соответствующий норме.

Выявленные в ходе эмпирического исследования гендерные различия в увлечении компьютерными играми, а также взаимосвязь агрессии и враждебности личности с предпочтениями студентов в выборе жанра компьютерных игр, требуют дальнейшего исследования, а именно: необходим анализ потребностно-мотивационной и эмоциональной сферы личности студентов, увлекающихся компьютерными играми различных жанров, а также особенностей влияния ближайшего социального окружения на развитие личности и характер межличностного взаимодействия. Безусловно, необходимо отказаться от трактовки компьютерных игр как «безусловного зла», провоцирующего рост насилия в молодежной среде и препятствующего интеллектуальному развитию. Напротив, требуется глубокий и беспристрастный анализ возможностей использования компьютерных игр в образовательном процессе и в психокоррекционной деятельности с адаптацией технологических возможностей современной игровой индустрии под запросы практики.

Список источников

1. Шершнёва Т. В., Дроздов И. И. Факторы развития зависимости от виртуальной среды // Журнал Белорусского государственного университета. Экология. 2017. № 3. С. 20–30.
2. Макалатия А. Г., Матвеева Л. В. Субъективные факторы притягательности компьютерных игр для детей и подростков // Национальный психологический журнал. 2017. № 1 (25). С. 15–24.
3. Шапкин С. А. Компьютерная игра: новая область психологических исследований // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 1. С. 86–102.
4. Басс Б. Формирование поведения человека. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. 302 с.

References

1. Shershneva T. V., Drozdov I. I. Faktory razvitiya zavisimosti ot virtual'noi sredy [Factors in the development of dependence on the virtual environment]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekologiya*. 2017, no. 3, pp. 20-30. (In Russ.)
2. Makalatiya A. G., Matveeva L. V. Sub'ektivnye faktory prityagatel'nosti komp'yuternykh igr dlya detei i podrostkov [Subjective factors of attractiveness of computer games for children and adolescents]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*. 2017, no. 1 (25), pp. 15-24. (In Russ.)
3. Shapkin S. A. Komp'yuternaya igra: novaya oblast' psikhologicheskikh issledovaniy [Computer game: a new field of psychological research]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1999, vol. 20, no. 1, pp. 86-102. (In Russ.)
4. Bass B. Formirovanie povedeniya cheloveka [Shaping human behavior]. Saint Petersburg, Praitm-EVROZNAK, 2001, 302 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Т. В. Шершнёва – кандидат психологических наук, доцент,
заведующая кафедрой «Психология»,
Белорусский национальный технический университет;

О. В. Степанова – студентка 3 курса направления «Профессиональное обучение»,
Белорусский национальный технический университет.

Information about the authors

T. V. Shershniyova – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Head of the Department «Psychology», Belarusian National Technical University;

O. V. Stepanova – 3rd year Student, direction “Vocational training”,
Belarusian National Technical University.

Статья поступила в редакцию 08.09.2022; одобрена после рецензирования 19.09.2022; принята к публикации 20.09.2022.

The article was submitted 08.09.2022; approved after reviewing 19.09.2022; accepted for publication 20.09.2022.

Научная статья
УДК 327.82 (44)

ФРАНЦУЗСКИЙ ПЕРЕГОВОРЩИК: КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Максим Анатольевич Булахтин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь,
Россия, bulachtin@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрываются вопросы, которые следует учитывать в ходе переговоров с французскими партнерами. Французских дипломатов отличает жесткость и настойчивость в борьбе за национальные интересы, они стремятся влиять на принятие решений по всем ключевым вопросам мировой политики. Традиция политического лидерства, доминирования, навязывания своей воли другим сказывается на самооценке и амбициях французов. Часто их воспринимают как высокомерных и самоуверенных партнеров, убежденных в том, что они всегда правы. Иностранные партнеры отмечают пренебрежительное отношение французов к себе, их чувство интеллектуального превосходства над другими.

Французские переговорщики отличаются острым, тренированным умом, владением логикой, умением красиво говорить. Критическое мышление, умение использовать слабые стороны партнера придают остроту и соревновательность в общении с ними. Французы ценят интеллектуальные способности и красноречие своих партнеров, а также уникальный опыт и знания.

Французским партнерам трудно идти на компромиссы, они не любят торговаться. Переговоры для них имеют значение, если есть шанс получить ощутимую выгоду, или если нет возможности решить проблему другими средствами. Если французы заинтересованы в соглашении, они заранее готовы к уступкам. В ходе переговоров они могут использовать тактику конфронтации, навязывать длительные дискуссии «о принципах», затягивать переговоры, часто не имеют запасной переговорной позиции и отстаивают основную до конца переговоров. Несмотря на настойчивость в отстаивании своих интересов, французы обладают здравым смыслом, умеют адекватно оценивать ситуацию, и это позволяет прийти к соглашению. Французы особенно чувствительны к пренебрежительному отношению к себе. Исследователи объясняют это тяжелым наследием прошлого. Потери, понесенные Францией в результате внутренних конфликтов и военных поражений, негативно сказались на национальной психологии и способствовали возникновению у французов чувства уязвимости и неуверенности в себе. Противоречивость национального характера определяет непредсказуемость поведения французов. Они демонстрируют умение использовать разнообразные переговорные стратегии и тактики, различные стили общения: от строго и «холодного» до радужного и открытого. Во французской культуре ведения переговоров необходимо учитывать контекст разговора, вербальную и невербальную коммуникацию. Для успешного сотрудничества с французами важно установить и поддерживать хорошие личные отношения. Все это требует немалых усилий и чуткости.

Ключевые слова: Франция, внешняя политика, дипломатия, культурные традиции, национальная психология, переговорные техники

Для цитирования: Булахтин М. А. Французский переговорщик: культурно-психологический портрет // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 115–129.

Original article

FRENCH NEGOTIATOR: CULTURAL AND PSYCHOLOGICAL PORTRAIT

Maxim A. Bulakhtin

Perm State National Research University, Perm, Russia, bulachtin@yandex.ru

Abstract. The article reveals the issues that should be considered during negotiations with French partners. The French diplomats are distinguished by toughness and perseverance in the struggle for the national interests, they are eager to influence decision-making on all key issues of world politics. The tradition of political leadership, domination, imposing one's will on others affects the self-esteem and ambitions of the French. Often they are perceived as arrogant and self-confident partners, convinced that they are always right. Foreign partners note the disdainful attitude of the French towards themselves, their feeling of intellectual superiority over others.

French negotiators are distinguished by a sharp, well-trained mind, mastery of logic, and the ability to speak beautifully. Critical thinking, the ability to use the weaknesses of a partner give sharpness and competitiveness in communication with them. The French appreciate the intellectual abilities and eloquence of their partners as well as unique experience and knowledge.

The French partners find it hard to compromise, they don't like to bargain. Negotiations matter to them if there is a chance to get a tangible benefit, or if there is no possibility to solve the problem by other means. If the French are interested in an agreement, they prepare in advance for condescension. During the negotiations, they can use confrontational tactics, impose long discussions "about principles", drag out negotiations, often do not have a backup negotiating position and defend the main one until the end of the negotiations.

Despite the persistence in defending their interests, the French have common sense, they are able to adequately assess the situation, and this allows other side to reach an agreement with them.

The French are especially sensitive to self-loathing. Researchers attribute this to the heavy legacy of the past. The losses suffered by France during internal conflicts and military defeats had a negative impact on the national psychology and contributed to the French feeling of vulnerability and self-doubt.

The contradictory nature of the national character determines the unpredictability of the French's behavior. They demonstrate the ability to use a variety of negotiating strategies and tactics, and demonstrate different styles of communication: from strict and "cold" to hospitable and open.

The French negotiating culture presumes as great importance of verbal communication as non-verbal one and the context of the conversation. For successful cooperation with the French, it is important to establish and maintain good personal relationships. All this requires a lot of effort and dedication.

Keywords: France, foreign policy, diplomacy, cultural traditions, national psychology, negotiation techniques

For citation: Bulakhtin M. A. French negotiator: cultural and psychological portrait. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2022. No. 2 (92). Pp. 115-129. (In Russ.).

Интерес россиян к Франции является традиционно высоким. Многим в России еще со школы хорошо известны такие факты из истории Франции, как Столетняя война, героизм Жанны д'Арк, деятельность кардинала Ришелье, короля Людовика XIV, дипломата Талейрана, генерала де Голля. Французская литература, кино, музыка являются составной частью русской культуры. Франция оказала существенное влияние на Европу и мир в целом. В полной мере это относится к теории и практике внешней политики. Выдающиеся мыслители и государственные деятели этой страны внесли значительный вклад в понимание законов политики, дипломатии и международных отношений. Известный британский дипломат Г. Никольсон отмечал, что французская дипло-

матия «обслуживается людьми с удивительным умом, большим опытом и огромным обаянием», «французы соединяют тонкость наблюдения с особым даром ясной убедительности» [1, с. 90].

Следует отметить, что отношения Франции с другими государствами складывались непросто. Американцы называют ее «самым трудным союзником» США, «задиристой», «своенравной», «строптивой», «непредсказуемой», «загадочной» страной. Исследователи справедливо замечают, что для лучшего понимания образа мыслей и поведения французов, в том числе за столом переговоров, необходимо знать их историю и культуру.

Важно отметить, что для французских политиков и дипломатов защита интересов своей страны имеет первостепенное значение [2]. Они стремятся обеспечить сильные позиции своего государства на международной арене, заботятся о престиже, авторитете, достойном месте Франции в мировой политике.

Поистине сакральное отношение французов к своему государству обусловлено их историей. Как отмечает российский исследователь И. Ю. Рубинский, государственное начало на землях исторической Франции присутствовало со времен Древнего Рима. На протяжении веков римская держава, завоевавшая Трансальпийскую Галлию (предшественницу Франции) в I в. до н. э., «навязывала пестрому конгломерату конфликтующих между собой кельтских племен свою модель централизованной военно-гражданской администрации, писаное право, язык, а затем и общую религию – христианство». «Именно эта модель, – продолжает исследователь, – и стала матрицей французской государственности. После падения Рима данный процесс получил дальнейшее продолжение, когда к кельтской основе будущей нации добавились германские племена, сильнейшие из которых – франки – создали общее государство в его естественных границах, дав ему первые династии королей и само название. За ними последовали норманны, осевшие на севере страны. Необходимость их сплочения, которое бы исключало сепаратистские тенденции разных регионов, поощряемые соседями “извне”, объясняет сравнительно раннее преодоление страной феодальной раздробленности. Именно во Франции впервые в Европе сложилась абсолютная монархия, апогеем которой стал пышный двор “короля-Солнца” Людовика XIV в Версале» [3, с. 261].

С такой трактовкой роли государства во французской истории согласен и американский исследователь Ч. Коген. Он отмечает, что государство образовалось задолго до возникновения самой нации и пережило все потрясения в истории страны, включая Революцию 1789 г. Примат государства сохраняется во Франции по сей день. Оно обожествлено до такой степени, которой нет равных в современном западном мире. Государство является самой могущественной силой и проникает во все сферы общественной жизни. Его авторитет поддерживается централизованной бюрократией, укрепление которой восходит еще ко временам кардинала Ришелье [4, pp. 24–26].

Франция считается изобретательницей концепции «государственного интереса» [5]. Придуманная в период монархии, эта концепция сохранилась и при республиканском строе. Как отмечает В. Ю. Дубинин, ее суть заключалась в том, что «интересы государства всегда должны стоять на первом месте», «они не могут приноситься в жертву сентиментальным, идеологическим и доктринальным предрассудкам и привычкам» [6, с. 585]. Ч. Коген полагает, что традиция «государственного интереса» до сих пор выражена во Франции сильнее, чем в любой другой западноевропейской стране [2; 4, p. 27].

Следует напомнить, что во времена Людовика XIV и Наполеона Франция добилась значительных успехов в продвижении своего влияния на европейском континенте. У нее была вторая в мире колониальная империя. Как отмечал Валери Жискар д'Эстен, XVII–

XIX вв. были «временем блестящего расцвета и подлинного господства французской цивилизации и культуры». Французский язык был самым распространенным в политике и дипломатии. В XVIII в. переписку со своими посольствами многие дипломатические ведомства вели на французском языке [7, с. 50–51].

В XX в. идею возрождения величия Франции активно продвигал генерал Шарль де Голль. Он был убежден, что Франция может быть либо великой, либо никакой [8]. Генерал отстаивал необходимость проведения самостоятельного внешнеполитического курса и защиты суверенитета Французской Республики, которая не должна делить ответственность за свою безопасность с другими участниками международного общения. Российский исследователь И. Ю. Рубинский полагает, что де Голль придерживался также концепции многополярного мира [9].

Французы гордятся своими достижениями в области науки и культуры, рассматривают их как дополнительное средство своего международного влияния. Они убеждены в том, что Франция является родиной прав человека, демократических ценностей, Просвещения. Подчеркивают, что в средние века их страна лидировала в борьбе за христианство и была известна как «старшая» дочь Римско-католической церкви [5]. Все это питает современные международно-политические амбиции Франции, стремление играть важную роль в мире.

Великодержавный опыт государственного строительства, традиция «силовой», завоевательной политики, навязывания жестких условий мира существенно повлияли на переговорную культуру французов. Это проявляется в том, что они рассматривают переговоры как линию фронта, где нет доверия к своему контрагенту [2; 5]. Поведение французов на переговорах нередко воспринимается как высокомерие, чрезмерная гордость, эгоцентризм. Иностранные наблюдатели отмечают пренебрежительное отношение французов к собеседникам, которых они могут считать «ниже себя» [10, pp. 109–112]. Британский дипломат Г. Никольсон указывал на то, что «средний француз так уверен в своем интеллектуальном превосходстве, так убежден в преимуществе своей культуры, что часто ему трудно скрыть свое раздражение варварами, населяющими другие страны» [1, с. 90]. Наличие таких черт у своих соотечественников признавал и Валери Жискар д'Эстен. По его мнению, большинство французов верит в то, что их страна с политической точки зрения является центром мира. Это порождает высокомерие к окружающим. Французы убеждены, что они всегда и во всем правы. Когда французы обсуждают какую-либо проблему, то прежде всего стремятся не к тому, чтобы вникнуть в аргументы собеседника, а к тому, чтобы выразить удивление тем, насколько далеко от истины мнение их оппонента [7, с. 49, 164].

Британские дипломаты отмечают, что французы не уделяют особого внимания анализу интересов страны, с которой ведут переговоры: они сосредоточены в первую очередь на интересах Франции [2; 5]. Для них собственные национальные интересы настолько подавляют все остальное, что многих явлений они просто не видят [1, с. 90]. Если британцы стараются поставить себя на место человека, с которым ведут переговоры, задаются вопросом о том, какая тактика лучше, как действовать дальше, то французы не стремятся проникнуть в образ мыслей своих собеседников [2; 5].

Исследователь межкультурной коммуникации Р. Льюис также полагает, что французы не воспринимают своих партнеров на равных. Они убеждены, что интеллектуально превосходят всех остальных, являются уникальным народом и не ожидают, что представители других культур когда-либо будут соответствовать их стандартам [11].

Некоторые исследователи считают, что истоки «интеллектуального высокомерия» французов следует искать в наследии Рене Декарта (1596–1650). Они неслучайно заслужили репутацию картезианцев (Картезий – латинизированная фамилия Декарта). Этот вели-

кий мыслитель является во Франции национальным символом ясности, рациональности и разумности [4, р. 48]. Поэтому для лучшего понимания французов следует подробнее ознакомиться на картезианской интеллектуальной традиции.

Как известно, Декарт отбросил туман схоластики в пользу логического и ясного подхода к познанию действительности. Большое внимание он уделял роли разума в жизни человека. Декарт считал необходимым ничего не принимать на веру. Человек должен создавать собственное мнение, а не усваивать чужое. Мыслитель подчеркивал важность сомнения в познании истины. Он был убежден в превосходстве умопостигаемого над познанным чувственно [12].

Ученый считал, что разум должен стремиться к ясному и отчетливому знанию. Идеалом воспитания и обучения должно быть развитие ясного мышления, основанного на доказательстве [12]. Для постижения истины философ предлагал «располагать свои мысли в определенном порядке, начиная с предметов простейших и легкопознаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных...» [13, с. 132]. При этом нельзя упускать ни одного звена, чтобы сохранить непрерывность умозаключения. Критерием истины для Декарта, как отмечает исследователь П. П. Гайденоко, являлись интуиция, с помощью которой усматриваются «первые начала», и дедукция, позволяющая получать следствия из этих «первых начал» [12].

В эпоху Просвещения человеческий разум стал своего рода религией [2]. После Великой французской революции новые власти проводили праздники под названием «Кульٹ Разума» и «Кульٹ Верховного Существа». Французы уверовали во всеислие разума и его безграничные возможности. Более того, они прониклись убеждением в том, что обладают монополией на «трансцендентный» разум, и им «открыта истина» [2; 5; 10, р. 109]. Поэтому они всё хорошо понимают, и даже лучше других.

В целом французы воспитаны так, чтобы обо всем иметь свое мнение. Много времени они тратят на долгие рассуждения. Свои идеи и аргументы стараются излагать развернуто, логично, последовательно, не упуская из виду возможные контраргументы. Ценят парадоксы, ясное выражение мысли [2; 5]. Их раздражают непродуманные или нелогичные аргументы собеседников.

По мнению Ч. Когена, французским переговорщикам свойственно искать наилучшее решение с помощью разума и упорно его отстаивать. При этом они не особенно беспокоятся о том, что в результате такого поведения можно оказаться в одиночестве и своим «упрямством» сорвать переговоры. Согласно представлениям французов, если человек находит лучшее решение с помощью разума, то он не склонен его менять [2; 5].

Умение рассуждать, как пишет Валери Жискар д'Эстен, дает французам возможность отступать от явления, чтобы лучше его рассмотреть, располагать пространством для маневрирования при натиске фактов, и это всё позволяет им лучше увидеть, куда развиваются события [7, с. 166]. Российский дипломат Ю. В. Дубинин отмечает, что для французов характерен «смелый полет воображения», они могут круто менять свой внешнеполитический курс [6, с. 585]. По мнению Майкла М. Харрисона, французы склонны к грандиозным проектам, что свидетельствует о стойком интеллектуальном гении нации, способной выдвигать оригинальные и убедительные идеи [14, pp. 84–85].

Ю. В. Дубинин отмечает, что французскому складу ума свойственна критичность [6, с. 583]. Французы уделяют много внимания вскрытию противоречий в позиции партнера [15, с. 120]. И. Деманжа (Demangeat) и М. Мольц считают, что несогласие, выявление различных мнений является «французским» способом поиска творческих решений сложных проблем. Кроме того, обостряя обсуждение, французы стремятся «удивить» людей, вовле-

ченных в полемику [16, s. 38]. Как пишет специалист в области деловой коммуникации Л. Кац, французы ценят различия и могут получать удовольствие от построения отношений с людьми, чей опыт и интересы отличаются от их собственных [17].

Валери Жискар д'Эстен признает, что в основу французского обучения положено стремление развить критическое мышление и способность строить собственные умозаключения. Однако он замечает, что во Франции распространена «особая форма критического мышления, пропитанная негативизмом». По его мнению, «философы эпохи Просвещения, взгляды которых по-прежнему вдохновляют французские школьные учебники, видели роль критического духа в искоренении суеверий, сокрушении устаревших и тиранических институтов. Следовало вырвать умы из рутины, чтобы разрушить прежний порядок и открыть дорогу для нового. Критический дух тогда стремились развивать не как инструмент оценки системы, а скорее, как способ покончить с прежними предрассудками». Этим обстоятельством д'Эстен объясняет тот факт, что «первая реакция француза на новое предложение, независимо от его содержания, является отрицательной. Этот критический метод вошел в привычку, и французский ум критикует то, что еще не успел изучить» [13, с. 165].

Логика как искусство правильного рассуждения невозможна без языка. И в этом отношении Франция также является страной с богатейшим наследием. Риторика, искусство убеждения, умелое использование языка играли важную роль во французском образовании. Красноречие, умение говорить хорошо, «эстетично» ценятся во французском обществе и по сей день.

Ч. Коген отмечает, что на любовь французов к риторике значительное влияние оказала культура монархической Франции. Находясь под сильным влиянием женщин, придворная культура подчеркивала способность к разговору, остроумие и элегантность выражения [4, p. 45; 13].

Французы, как и древние греки, верят, что существует единство между правильным и красивым. По их мнению, сила аргумента заключается не только в логической убедительности, но и в элегантности его изложения. Правильное может быть только изящным, а что изящно, то и правильно [2; 4, p. 46; 5].

Французы ценят не только красноречие, но и обаяние, умение очаровать, развлечь, обратить на себя внимание собеседника [4, p. 46].

Как отмечает Майкл М. Харрисон, несмотря на всё очарование французов, вести с ними диалог довольно трудно. Ощущение превосходства, высокое самомнение, самоуверенность, традиция силовой, великодержавной политики делает французов несклонными к компромиссам. Исследователь полагает, что французы в целом не слишком любят и сами переговоры. Например, генерал де Голль по возможности избегал переговоров, потому что «они обходятся слишком дорого, когда человек слаб, и часто не нужны, когда он силен». В период его президентства французские политики и дипломаты полагали, что вести переговоры следует только в тех случаях, когда есть шанс на победу. Если переговоры не приводят к желаемому результату, то следует их прервать, поскольку отсутствие соглашения будет лучше бесконечных дебатов или чисто «декоративных» договоренностей [14, pp. 83–87].

Французы убеждены в том, что статус и престиж их страны постоянно находятся под угрозой в ходе любых переговоров, и часто лучшим способом защитить свои интересы является либо отказ от обсуждения и уступок, либо конфронтационная позиция [14, p. 87].

Если французы вступают в переговоры, то могут долго полемизировать «о принципах». Например, при защите конкретных французских интересов начинают рассуждать о «правах человека». Чтобы избежать дискуссий или соглашений, затрагивающих внутрен-

ние дела страны, ссылаются на концепцию суверенитета. Конфликтная риторика используется также как способ затормозить переговоры, измотать партнеров [14, pp. 87–88]. Французские переговорщики любят «потянуть время», полагая, что другая сторона в конце концов согласится с логикой их аргументов. Как пишет американский исследователь К. Мунхолланд, «создается впечатление, что французы чувствуют собственное превосходство, отражая впечатляющую подготовку высококонкурентной французской образовательной системы, которая производит талантливую и уверенную в себе элиту, способную заниматься интеллектуальным запугиванием» [18].

Французы, не желая идти на компромиссы и отступить от своих максималистских предложений, создают впечатление негибких партнеров. Однако случается так, что в итоге им приходится пойти на уступки и согласиться даже на более плохую сделку [14, p. 88].

Сами французы признают, что часто вступают в переговоры, не имея запасной позиции. Они убеждены в том, что тщательно разработанную переговорную позицию можно лучше защищать, если не держать в уме заранее подготовленные уступки. Преимущество такого поведения, по мнению французов, состоит в том, что их мастерство и виртуозность позволяют работать с динамикой конкретной переговорной ситуации и разрабатывать альтернативы в ходе самих переговоров [14, p. 89]. Не следует забывать о том, что французы – высокого мнения о своих интеллектуальных способностях и убеждены в своей готовности адаптироваться к любой ситуации [2].

Необходимо учитывать также влияние голлизма на переговорный стиль французов. Политики и дипломаты в период президентства де Голля полагали, что Франция является самой собой, когда вовлечена в борьбу – «быть великим – значит выдерживать большую ссору» [14, p. 89]. Они считали обычным делом достигать целей без переговоров, путем односторонних действий и ультиматумов. Если же они соглашались вести переговоры, то стремились упорно, агрессивно и до конца отстаивать свою позицию, не стараясь искать компромисса.

Российский дипломат Ю. В. Дубинин отмечает, что французы ведут переговоры «очень цепко, на уступки, даже в малом, идут только при адекватных встречных шагах партнера» [15, с. 120]. Французский дипломат Юбер Ведрин признает, что французы «не склонны идти на компромисс, если слишком сильны, или наоборот, если слишком слабы» [19].

Объясняя нежелание французов «торговаться», Ч. Коген указывает на «отвращение» многих из них к коммерческой культуре. По его мнению, французы считают протестантскую и англо-саксонскую культуру холодной, бесстрастной и озабоченной деньгами [2; 4, p. 45]. Другой американский исследователь, С. Хоффман, говорит о существовании у французов ненависти к этике, основанной на центральной роли денег, личном успехе и прибыли [2].

Майкл М. Харрисон полагает, что французы дорожат своей независимостью и поэтому неохотно идут на переговоры, торг и компромиссы. Предпочтение отдают односторонне навязанным решениям, воспринимая переговоры как вынужденную меру, когда другие способы урегулирования проблем и конфликтов терпят неудачу или не могут быть реализованы [14, pp. 81–82].

Л. Кац также отмечает, что французы не особенно любят торговаться. При заключении сделок предлагаемые ими цены редко меняются более чем на 25–30 % между первоначальным предложением и окончательным соглашением. Французские бизнесмены идут на уступки лишь в том случае, если логика их аргументов потерпела поражение или у них нет другого выбора [17].

Российский дипломат В. И. Попов отмечает, что французы жестко ведут переговоры, стремятся не уступить и рассчитывают на победу [20, с. 264–265]. Они садятся за стол переговоров с четким представлением о том, какой будет их окончательная позиция.

Однако во французском стиле есть и прагматическая составляющая, позволяющая работать с партнерами, несмотря на разногласия. Когда интересы французов требуют заключения сделок, то они проявляют уступчивость, приспосабливаются к ситуации и становятся более сговорчивыми. Если французские коллеги активно добиваются заключения соглашения, то скорее всего они заранее подготовились к компромиссу [14, pp. 90–93].

Осознавая риск оказаться в ловушке собственных аргументов и быть скованными упорством в собственной логической непогрешимости, французские переговорщики нередко оставляют себе пути к отступлению. Это проявляется, например, в том, что они фиксируют принципы в самом начале переговоров, однако допускают некоторую двусмысленность в их трактовке, что позволяет в последующем обойти эти принципы. Как отмечает Ч. Коген, чувство реализма, свойственное французам, связано с наличием в этой стране сильной крестьянской традиции. «Крестьянский» здравый смысл в трудных ситуациях берет верх и помогает прийти к соглашению [2; 4, р. 26, 50–52; 5].

Сильной стороной в работе французских делегаций на переговорах является умение скрывать свои разногласия от сторонних глаз, поддерживать сплоченность своей команды. Французы умеют хранить секреты и не так подвержены утечкам информации, как это бывает, например, у их американских коллег. Иерархический процесс выработки внешнеполитических решений во Франции под руководством президента, сплоченный, высокопрофессиональный дипломатический корпус обеспечивают четкую согласованность целей в переговорной команде [14, р. 97].

Майкл М. Харрисон характеризует французский стиль как «непредсказуемую смесь» прагматизма и голлизма, осторожного дружелюбия и инстинктивной подозрительности, в частности, по отношению к США. Поведение французов на переговорах зависит от конкретной проблемы, участников и даже специфики форума. Они могут вести себя как по-партнерски, так и враждебно, подчеркивать свою независимость и суверенность, применять оборонительную тактику (находясь в уязвимом положении), демонстрировать покровительственный стиль по отношению к партнерам [14, pp. 98–99].

Иностранные наблюдатели обращают внимание, что жесткий стиль французов нередко маскирует их стремление достичь тайных, прагматичных договоренностей на более поздних стадиях переговоров. Они любят также предварительные, конфиденциальные консультации при решении деликатных, чувствительных вопросов [14, р. 100].

В целом многие исследователи отмечают противоречивость французского характера. Так, наряду с культом государства с давних пор во Франции существует острая политическая сатира, порой очень едкая и в ряде случаев весьма грубая. На более глубоком уровне сильная государственная власть оспаривается революционной традицией. Французы колеблются между подчинением и бунтом против власти [4, pp. 28–29]. В сфере международной жизни ощущение подавленности и протест против доминирования англо-саксонского мира делает их весьма ранимыми, если они чувствуют пренебрежительное отношение к себе. Этим обстоятельством можно объяснить особую чувствительность французов к протокольным аспектам взаимоотношений с зарубежными партнерами [15, с. 120]. Л. Кац рекомендует проявлять уважение к истории и значению Франции как великой державы [17].

Другим проявлением противоречивости французского характера является наличие, с одной стороны, ощущения величия французской нации, а с другой – «культуры аутсайдера». Причиной возникновения у французов чувства неуверенности в себе послужили периоды упадка, военные неудачи, в том числе унижительное, «самое сокрушительное поражение из всех» в мае-июне 1940 г., когда французская армия была разбита немцами в течение нескольких недель, после чего последовала четырехлетняя оккупация страны [5].

По мнению Валери Жискар д'Эстена, глубокие политические и социальные потрясения в истории страны нанесли психологическому складу французов большой ущерб. К таковым он относит Революцию 1789 г., наполеоновские войны, поражение во Франко-прусской войне 1870–1871 гг., две мировые войны [7, с. 155]. По мнению Е. О. Обичкиной, болезненно во Франции воспринималась утрата мировой империи после Второй мировой войны [6, с. 447]. Трагические события в истории страны, упадок ее мощи определяют глубокий пессимизм французов по отношению к самим себе, общественным и государственным институтам [2; 5].

Проявлением двойственности французского характера исследователи считают наличие «комплекса неполноценности» и комплекса превосходства, замечают склонность французов «к резким колебаниям между чрезмерным нарциссизмом и деморализующим самоуничижением», к «балансированию между мрачным унынием и большим самомнением» [2; 5; 6, с. 607]. В сфере внешней политики страх перед возможным поражением заставляет французов противостоять силе, которая навязывает свою власть и правила поведения на международной арене. В своей истории Франция противостояла различным геополитическим силам: Священной Римской империи германской нации, Британской империи, Германскому рейху, на рубеже XX и XXI вв. – «Американской империи» [2; 5]. Как отмечает К. Мунхолланд, в современную эпоху французы испытывают страх перед американским культурным влиянием, которое угрожает французским ценностям и является мощным вызовом французской идентичности [18].

Во французской культуре много и других противоречий, что создает ощущение ее «загадочности». Так, во французском обществе важную роль играет иерархия, которая означает существование неравенства. Однако с точки зрения морали важным во Франции считается равенство людей. Следовательно, французская культура одновременно иерархична и эгалитарна [10, pp. 94–95].

Хотя во Франции ценятся коллективистские ценности (например, принятие этатизма и сильной, централизованной власти как инструмента обеспечения общих интересов и заботы об общем благополучии), наблюдается и высокий уровень индивидуализма. С одной стороны, французы неохотно идут на риск, а с другой – питают склонность к поспешным, дерзким жестам и поступкам. Для них имеют значение такие жизненные установки, как «всегда будь смелым», ««невозможно» – это не по-французски!» [4, p. 46, 48]. Все это дает основания иностранным наблюдателям говорить о непостоянстве, непредсказуемости французов.

Ч. Коген отмечает, что за фасадом уверенности французских переговорщиков скрывается ранимость, чувствительность, эмоциональность. С. Хоффманн отмечает, что во французской культуре акцент на «холодную ясность» часто смешивается со «страстью» и культом изящного языка [2; 5; 16, p. 148].

Французам свойственен также радикализм сознания. Английский философ Э. Бёрк, размышляя о причинах Революции 1789 г., увидел во французском народе склонность к полному разрушению прежнего порядка и стремление начать всё с «чистой доски», без всякой связи с прошлым [7, с. 29]. Неслучайно сами французы говорят о том, что они «боятся самих себя», потому что могут «наломать дров» [2].

Парадоксы национальной культуры, по-видимому, влияют на разнообразие моделей поведения французских переговорщиков. Так, Майкл М. Харрисон отмечает, что среди французских политиков и дипломатов можно встретить таких, кому свойственен формальный, строгий, интеллектуальный стиль поведения, и с этими людьми трудно иметь дело. Подобный стиль демонстрировал генерал де Голль. На президента США Р. Никсона он произвел впечатление своей «дисциплиной, осанкой, требовавшей тишины и вызывавшей уважение». Другой тип поведения – неформален, старается быть очаровательным, жизнерадостным, привлекательным для общения. Многие высокопоставленные деятели Франции обладают теплотой и утонченным очарованием, однако это необязательно делает их слишком гибкими, когда речь идет о защите интересов Франции. Молодые французские дипломаты, в свою очередь, могут вести себя довольно жестко, как истинные «голлисты» [14, pp. 97–98].

Российский дипломат В. И. Попов также замечает, что с одними французами беседы и контакты могут вестись «в элитном тоне», а на ту же тему с другими – в совершенно ином. Кроме того, среди французов имеются «очень большие различия как по образованию, культуре, так и по политическим взглядам, и различия эти растут». Поэтому к каждому собеседнику следует «отнестись очень внимательно и только хорошо узнав партнера, выработать тактику общения с ним» [20, с. 266].

Необходимо учитывать также особенности французской речевой культуры. В общении с французами важен контекст разговора, когда существенная часть информации передается невербальным путем. Как известно, непрямой стиль общения свойственен представителям высококонтекстных культур. В этих культурах невербальные сигналы, намеки, косвенные, «неуловимые» моменты, тонкие нюансы смысла так же важны, как и явное содержание сообщения [2; 5].

Как отмечают исследователи, общение французов содержит множество имплицитных, скрытых смыслов, которые в словесных утверждениях не выражены явно и могут быть выведены из них с помощью дедукции или индукции. В такой коммуникации каждое явное утверждение сопровождается неявной частью, которая содержит порой более важную информацию, а явная часть выступает лишь как фрагмент, сжатая форма сообщения. Другими словами, важное сообщение содержится не в том, что сказано, а в недосказанном. Следовательно, для лучшего понимания французов часто нужно читать «между строк» [16, s. 29; 21].

Общий культурный контекст, понятный любому французу, позволяет им общаться ассоциативно, с помощью «шифров» и сокращений. При этом считается особенно изысканным сделать сообщение остроумным и содержащим множество аллюзий [16, s. 44; 21].

Исследователи высказывают предположение о том, что непрямой стиль общения возник во Франции по причине сильной централизации государства. Связанная с ней унификация всех сфер жизни, включая язык, образование, политику и экономику, способствовала формированию общей основы для взаимопонимания, позволяющей французам общаться друг с другом без необходимости постоянно объяснять многочисленные контексты тех или иных жизненных ситуаций [21].

Вероятно, немалую роль в формировании этой особенности сыграл также институт королевского двора. В период существования монархии социальное, а часто и экономическое существование представителей элиты зависело от благосклонности короля и его окружения. Государь, в свою очередь, распределял свое внимание и ресурсы таким образом, чтобы отдельные лица и группы интересов держали друг друга под контролем, чтобы у него не возникало соперников за престол. Строгий этикет служил инструментом для этого социального контроля. В результате внимание придворных было

постоянно сосредоточено на всех нюансах поведения, на каждом жесте, поскольку даже самое минимальное отклонение от правил могло привести к тяжелым последствиям. Внимательное наблюдение за окружением, самоконтроль становились важнейшими средствами для выживания. Чем лучше удавалось скрывать свои намерения и незаметно распознавать мысли и настроения других, тем легче было получить преимущество в социальной иерархии [16, s. 45–46].

И. Деманжа (Demangeat) и М. Мольц отмечают, что сильная конкуренция за статус и престиж, иерархия королевского двора способствовали развитию «лично ориентированной рациональности», для которой характерна важность взаимных неформальных обязательств. Поведение человека полностью мотивировалось благосклонностью, репутацией и сохранением своей чести. Эта рациональность выражалась в тонком разговорном, намеренно неоднозначном стиле общения [16, s. 46].

Все это свидетельствует еще об одном парадоксе французской культуры: с одной стороны, в ней существует двусмысленность и неоднозначность, а с другой – стремление к ясности и точности языка, что особенно ценится при заключении письменных соглашений. Таким образом, наряду с наличием «высокого» контекста, во французской культуре существуют черты, свойственные культурам с «низким» уровнем контекста, в которых большое значение придается словам и четкой вербальной коммуникации.

Как уже отмечалось, французская культура в значительной степени ориентирована на человека. Применительно к переговорам важно знать, что в общении с французами, прежде чем переходить к содержательной, предметной стороне, между партнерами должно установить хорошие личные отношения. При этом следует учесть, что французы склонны с подозрением относиться к «раннему» дружелюбию, поэтому в начале процесса построения отношений лучше вести себя сдержанно [17].

Обычно французы сотрудничают только с теми, кто им нравится и кому доверяют. Без эмпатии в этой стране ничего сделать нельзя. Иностранному переговорщику должен не только говорить, но и внимательно слушать французского собеседника. Важно также показывать, что вы понимаете, что пытается донести француз, даже если соглашение и не будет достигнуто [2; 5]. Обязательное рукопожатие или поцелуй, продолжительная светская беседа, изощренная шутка и постоянные небольшие невербальные сигналы – все это необходимо для успешного сотрудничества, отмечают И. Деманжа (Demangeat) и М. Мольц [16, s. 30–31].

По мнению Л. Каца, французы восхищаются интеллектуальными способностями собеседника, его остроумием, находчивостью, уравновешенностью, чувством такта и дипломатичностью, умением сохранять достоинство. Положительным качеством считается самообладание. Ораторское мастерство воспринимается как проявление яркого ума. Французов восхищает способность партнера обосновать свою позицию [17]. Однако, как замечает В. Ю. Дубинин, следует помнить, что даже «при самых добрых отношениях французы избегают переходить на панибратство» [15, с. 120].

Для того чтобы не допустить «потери лица» собеседника и сохранить гармонию общения, все аспекты обсуждаемой темы, которые могут привести к нарушению этических норм коммуникации, опускаются или высказываются с большой осторожностью. Негативная информация и критика должны выражаться тактично и дипломатично [21]. В. И. Попов обращает внимание, что французские коллеги «очень вежливы, предупредительны, того же требуют от собеседника и сами очень остро, негативно реагируют на любые замечания» [20, с. 267].

Л. Кац отмечает, что французы любят вести жаркие споры и повышать голос, чтобы подчеркнуть свою точку зрения, однако в целом не любят громкого и шумного поведения. Часто они могут подвергать сомнению аргументы собеседника, перебивать во время жаркой беседы, однако редко проявляют открытую враждебность [17]. О возможном проявлении «страстного», эмоционального темперамента французов во время переговоров говорит и Ч. Коген [2].

Как уже отмечалось, французские переговорщики хорошо относятся к юмору. Однако шутливость с их стороны может быть иронической (насмешливой) и циничной. Л. Кац не рекомендует отвечать тем же, т. к. есть риск обидеть собеседника [17]. В целом терпение, чуткость, сдержанность помогут наладить добрые отношения с французскими партнерами.

Подводя итог, следует отметить, что французские переговорщики особое внимание уделяют отстаиванию национальных интересов Франции. Государство для французов имеет почти сакральный характер. Они требуют уважительного отношения к Франции и ее позиции по международным вопросам. Французы очень чувствительны к попыткам принизить значение их страны, ущемить ее интересы и пренебречь ими.

Французы обладают высокой самооценкой, что обусловлено ощущением величия Франции, ее богатой историей и культуры. Высокое самомнение и манера поведения французов могут вызвать отрицательную реакцию у зарубежных партнеров.

Исследователи отмечают нежелание французов идти на компромиссы, стремление добиваться односторонних уступок, использовать конфронтационную тактику. Самоуверенность нередко приводит к тому, что они часто не имеют заранее подготовленной, запасной позиции на переговорах. Причины такого поведения можно увидеть в традиции великодержавной, имперской политики, убежденности французов в своей правоте и интеллектуальной непогрешимости. Некоторые исследователи приходят к выводу, что французы в целом не расположены к поиску «переговорных» решений проблем.

Образовательная система Франции «заточена» на развитие интеллектуальных способностей личности, формирование рационального мышления. Возможно, это способствует формированию у французов ощущения своего интеллектуального превосходства. Французские чиновники уверены в остроте своего ума и способности адаптироваться к любой ситуации. Авторитет собственного мнения затрудняет поиск компромисса с партнерами, что не слишком беспокоит французов.

Важной чертой французских партнеров является развитое воображение, смелый полет мысли, способность выдвигать оригинальные идеи. В общении с французами важно помнить, что ваш собеседник обладает развитым критическим мышлением, будет умело оспаривать аргументы и выявлять противоречия в рассуждениях оппонента. С одной стороны, это может затруднить диалог, а с другой – дать возможность найти творческое, нетривиальное решение сложных проблем. Сами французы очень ценят общение с неординарными личностями, обладающими уникальным опытом, эрудицией, интеллектуальными способностями. Они ценят элегантность, красоту изложения мыслей. Сильным инструментом в их арсенале являются обаяние, умение очаровывать.

Несмотря на преобладание жесткого подхода к переговорам, у французов есть чувство реализма, который помогает выходить из трудных ситуаций. Кроме того, если они заинтересованы в решении вопроса, то могут проявлять и гибкость. В целом их поведение часто зависит от конкретной переговорной ситуации.

Хотя во Франции большое значение придается слову, в то же время важен и контекст разговора, невербальная коммуникация, внимательное и чуткое отношение к собеседнику. Несмотря на хорошее расположение, французские партнеры, как правило, будут сохранять определенную дистанцию в отношениях. Богатая и противоречивая французская культура способствует разнообразию моделей поведения французских переговорщиков. Поэтому применительно к Франции особенно важно изучить индивидуальные особенности собеседника.

Список источников

1. Никольсон Г. Дипломатия. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1941.
2. Cogan Ch. Le style diplomatique français // Centre Thucydide. URL: https://www.afri-ct.org/wp-content/uploads/2007/11/25_Cogan.pdf/ (дата обращения: 20.04.2022).
3. Рубинский И. Ю. Приметы времени. Т. 3. Франция на новых рубежах. М.: Ин-т Европы РАН, 2018.
4. Cogan Ch. French Negotiating Behavior: Dealing with La Grande Nation. Washington: D.C., U.S. Institute of Peace Press, 2003.
5. Cogan Ch. French Negotiating Behavior: Dealing with La Grande Nation [VIDEO]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bMW9-syrEEK/> (дата обращения: 20.04.2022).
6. Франция. В поисках новых путей / под ред. Ю. И. Рубинского. М.: Весь Мир, 2007.
7. Жискар д'Эстен В. Французы: размышления о судьбе народа. М.: Ладомир, 2004.
8. Власть факта. Наследие де Голля и современная Франция [ВИДЕО]. URL: <https://smotrim.ru/video/2391444/> (дата обращения: 20.04.2022).
9. Власть факта. Вместе с Францией: Шарль де Голль [ВИДЕО]. URL: <https://smotrim.ru/video/1483140/> (дата обращения: 20.04.2022).
10. Ogliastri Enrique, Rendón María Isabel, Fosse Sébastien Michel. Negociación a la Francesa: un enfoque cualitativo // Cuadernos de Administración. 2017. Vol. 30. № 54. Pp. 91–123.
11. Lewis R. Here's The Trick To Negotiating With The French // INSIDER. 13.06.2014. URL: <https://www.businessinsider.com/negotiating-with-the-french-2014-6/> (дата обращения: 20.04.2022).
12. Гайденко П. П. Декарт // Большая российская энциклопедия: [сайт]. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/1944997> (дата обращения: 20.04.2022).
13. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Пер. с лат. и франц. Т. I / сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1989. С. 250–296.
14. Harrison Michael M. France: The Diplomacy of a Self-Assured Middle Power // National Negotiating Styles. Edited by Hans Binnendijk; Center for the Study of Foreign Affairs. Washington, D.C., Foreign Service Institute, U.S. Department of State: [Available from U.S. G.P.O.], 1987. Pp. 75–104.
15. Дубинин Ю. В. Мастерство переговоров. М.: Междунар. отношения, 2012.
16. Thomas A., Kammhuber S., Schroll-Machl S. (Hrsg.). Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation. Band 2: Länder, Kulturen und interkulturelle Berufstätigkeit. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht Verlag, 2007.
17. Katz L. Negotiating International Business – France. URL: <http://www.leadershipcrossroads.com/mat/cou/France.pdf/> (дата обращения: 20.04.2022).
18. H-Diplo Review Essay: Munholland on Cogan, Diplomatie à la française. URL: <https://issforum.org/essays/PDF/Munholland-Cogan.pdf/> (дата обращения: 20.04.2022).
19. Introduction au livre de Charles Cogan, Diplomatie à la française, par Hubert Védrine. URL: <https://www.hubertvedrine.net/introduction-au-livre-de-charles-cogan-diplomatie-a-la-francaise-par-hubert-vedrine/> (дата обращения: 10.06.2022).
20. Попов В. И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия – наука и искусство. М.: Междунар. отношения, 2003.
21. Kulturelle Werte in Frankreich – Eidam & Partner. URL: https://www.eidam-und-partner.de/files/downloads/eidam_und_partner_kulturelle_werte_in_frankreich.pdf (дата обращения: 20.04.2022).

22. Hoffmann S. French negotiating behavior. Dealing with la grande nation. By Charles Cogan. Washington, D.C.: U.S. Institute of Peace, 2003. 345 pp. // *Political Psychology*. 2006. Vol. 27. № 1. Pp. 147–149.

References

1. Nikol'son G. *Diplomatiya* [Diplomacy]. Moscow, Gos. izd-vo polit. lit., 1941. (In Russ.).
2. Cogan Ch. Le style diplomatique français. *Centre Thucydide*. Available at: https://www.afri-ct.org/wp-content/uploads/2007/11/25_Cogan.pdf/ (accessed: 20.04.2022).
3. Rubinskii I. Yu. Primety vremeni. T. 3. Franciya na novykh rubezhakh [Signs of the times. Vol. 3. France on new Frontiers]. Moscow, In-t Evropy RAN, 2018. (In Russ.).
4. Cogan Ch. French Negotiating Behavior: Dealing with La Grande Nation. Washington, D.C., U.S. Institute of Peace Press, 2003.
5. Cogan Ch. French Negotiating Behavior: Dealing with La Grande Nation [VIDEO]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=bMW9-syrEEk/> (accessed: 20.04.2022).
6. Frantsiya. V poiskakh novykh putei [France. Looking for new ways]. Moscow, Ves' Mir, 2007. (In Russ.).
7. Zhiskar d'Esten V. Frantsuzy: razmyshleniya o sud'be naroda [French: reflections on the fate of the people]. Moscow, Ladomir, 2004. (In Russ.).
8. Vlast' fakta. Nasledie de Gollia i sovremennaya Frantsiya [Power of fact. De Gaulle's Legacy and Modern France]. (In Russ.). Available at: <https://smotrim.ru/video/2391444/> (accessed: 20.04.2022).
9. Vlast' fakta. Vmeste s Frantsiei: Sharl' de Goll' [Power of fact. Together with France: Charles de Gaulle]. (In Russ.). Available at: <https://smotrim.ru/video/1483140/> (accessed: 20.04.2022).
10. Ogliastri Enrique, Rendón María Isabel, Fosse Sébastien Michel. Negociación a la Francesa: un enfoque cualitativo. *Cuadernos de Administración*. 2017, vol. 30, no. 54, pp. 91-123.
11. Lewis R. Here's The Trick To Negotiating With The French. *Insider*. Available at: <https://www.businessinsider.com/negotiating-with-the-french-2014-6/> (accessed: 20.04.2022).
12. Gaidenko P. P. Dekart [Descartes]. *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya*. (In Russ.). Available at: <https://bigenc.ru/philosophy/text/1944997> (accessed: 20.04.2022).
13. Dekart R. Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravlyat' svoi razum i otskivat' istinu v naukakh [Discussing the Method for Rightly Directing Your Mind and Seeking Truth in the Sciences]. *Dekart R. Essays*. Moscow, Mysl', 1989, pp. 250-296. (In Russ.).
14. Harrison Michael M. France: The Diplomacy of a Self-Assured Middle Power. *National Negotiating Styles*. Edited by Hans Binnendijk; Center for the Study of Foreign Affairs. Washington, D.C., Foreign Service Institute, U.S. Department of State: [Available from U.S. G.P.O.], 1987, pp. 75-104.
15. Dubinin Yu. V. Masterstvo peregovorov [Negotiation skill]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya, 2012. (In Russ.).
16. Thomas A., Kammhuber S., Schroll-Machl S. (Hrsg.). *Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation*. Band 2: Länder, Kulturen und interkulturelle Berufstätigkeit. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht Verlag, 2007.
17. Katz L. Negotiating International Business – France. Available at: <http://www.leadershipcrossroads.com/mat/cou/France.pdf/> (accessed: 20.04.2022).
18. H-Diplo Review Essay: Munholland on Cogan, *Diplomatie à la française*. Available at: <https://issforum.org/essays/PDF/Munholland-Cogan.pdf/> (accessed: 20.04.2022).
19. Introduction au livre de Charles Cogan, *Diplomatie à la française*, par Hubert Védrine. Available at: <https://www.hubertvedrine.net/introduction-au-livre-de-charles-cogan-diplomatie-a-la-francaise-par-hubert-vedrine/> (accessed: 10.06.2022).
20. Popov V. I. *Sovremennaya diplomatiya: teoriya i praktika* [Modern diplomacy: theory and practice]. *Diplomatiya - nauka i iskusstvo*. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya, 2003. (In Russ.).
21. *Kulturelle Werte in Frankreich – Eidam & Partner*. Available at: https://www.eidam-und-partner.de/files/downloads/eidam_und_partner_kulturelle_werte_in_frankreich.pdf (accessed: 20.04.2022).
22. Hoffmann S. French negotiating behavior. Dealing with la grande nation. By Charles Cogan. Washington, D.C.: U.S. Institute of Peace, 2003. 345 pp. *Political Psychology*. 2006, vol. 27, no. 1, pp. 147-149.

Информация об авторе

М. А. Булахтин – доктор исторических наук,
профессор кафедры государственного и муниципального управления, кафедры истории и
археологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

М. А. Bulakhtin – Doctor of Historical Sciences, Professor,
Perm State National Research University.

Статья поступила в редакцию 02.09.2022; одобрена после рецензирования 12.09.2022;
принята к публикации 13.09.2022.

The article was submitted 02.09.2022; approved after reviewing 12.09.2022; accepted for
publication 13.09.2022.

Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 130–135.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2022. No. 2 (92). P. 130-135.

Научная статья
УДК 94(470.53)-054.65

НЕМЕЦКИЕ И АВСТРИЙСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Татьяна Юрьевна Шестова

Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия, shestova-t@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается использование труда военнопленных немцев и австрийцев в Пермской губернии. Определены процедура выбора пленных, составления заявок от заводов, участие в этом процессе пермского губернатора. Охарактеризованы сферы использования военнопленных, их возрастной состав и специальности. Отмечены условия размещения пленных, условия труда и последствий отказа от работы.

Ключевые слова: военнопленные, немцы, австрийцы, Первая мировая война, Пермская губерния, заводской округ

Для цитирования: Шестова Т. Ю. Немецкие и австрийские военнопленные в Пермской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 130–135.

Original article

GERMAN AND AUSTRIAN PRISONERS OF WAR IN PERM GOVERNOR DURING THE FIRST WORLD WAR

Tatiana Yu. Shestova

Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Perm, Russia, shestova-t@mail.ru

Abstract. This article examines the use of the labor of German and Austrian prisoners of war in the Perm province. The procedure for the selection of prisoners, the preparation of applications from factories, the participation of the Perm governor in this process has been determined. The spheres of use of prisoners of war, their age composition and specialties are characterized. The conditions for placing prisoners, working conditions and the consequences of refusal to work are noted.

Keywords: prisoners of war, Germans, Austrians, World War I, Perm governor, factory district

For citation: Shestova T. Yu. German and Austrian prisoners of war in Perm governor during the First World War. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2022. No. 2 (92). Pp. 130-135. (In Russ.).

Первая мировая война существенно сказалась на трудовых ресурсах Пермской губернии. С начала военных действий Российская империя стала использовать труд военнопленных внутри страны (см., напр.: [1; 2; 3]). Законодательной базой для этого процесса было Положение о военнопленных, принятое Гаагской конвенцией¹, циркуляры Генерального штаба, распоряжения пермского губернатора М. А. Лозина-Лозинского и внутренние распоряжения заводууправлений.

¹ IV Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны. Заключена в г. Гааге 18 окт. 1907 г. // Действующее международное право. Т. 2. М., 1997. С. 575–587.
© Шестова Т. Ю., 2022

Парадоксально, но некоторые военнопленные на уральских заводах считались таковыми, фактически же не участвовали в военных действиях, а просто проживали на территории Пермской губернии. Так, с 1913 г. Лысьвенский заводской округ начал работу с эмалированной продукцией, тогда на заводе работала группа австрийских и немецких специалистов, с началом войны автоматически ставших врагами. Четырнадцать немцев, работавших в Лысьве, в заводской иерархии занимали высокие должности: конструктора, заведующие цехами, мастера. Заводоуправление обращалось к окружному инженеру и губернатору за разъяснениями о судьбе данных специалистов. К примеру, немец Эдуард Казамирович Навроцкий в 1914 г. был выслан в г. Вольск Саратовской губернии (если бы высылка состоялась в Архангельскую губернию, откуда вернуть его на Урал было бы невозможно)¹. В 1916 г. заводу управление добилося его возвращения в цех наряду с чешскими специалистами. В целом первое время иностранцев не трогали, но к 1916 г. три человека (Геншель, Юстль и названный выше Навроцкий) оказались высланы, а остальные окончательно перешли в статус военнопленных и были уволены. Заводоуправление было раздражено, что высылка коснулась с трудом приглашенных специалистов.

Другой пример. Сигизмунд Вирпсер родился в семье баварца, переехавшего в Россию, когда мальчику был год. Его сиблинги считались русскими. О том, что он германец, юноша «не знал до окончания гимназии и при призывном участке выяснил, что иностранец». С 1910 г. он просил о русском гражданстве, но бюрократические проволочки сделали его в 1914 г. официальным врагом. Спасла С. Вирпсера профессиональная деятельность: поскольку он окончил Петербургский политехнический институт, заводу управление оставило его в качестве практиканта².

Окружной инженер настаивал, что на заводах с казенными заказами не могут работать немцы и австрийцы, но позже Военная палата пояснила, что правила о военнопленных «не распространяются на тех германских, австрийских и венгерских подданных словаков, а также турецкоподданных христианского вероисповедования, которые оставлены в местах постоянного жительства в плену с разрешения подлежащих военных и гражданских властей»³. Это сохранило специалистов Лысьве в начале войны, но к 1916 г. Министерство внутренних дел стало опасаться промышленных диверсий со стороны немцев. «Начальникам губерний предложено проверить, не допущены ли военнообязанные немцы к ответственным местам на заводских работах, например, у мартеновских печей, станков и других таких машин и инструментов». Немцы могли остаться по личному поручению начальства⁴. Тогда же окружному инженеру вручили список военнопленных австрийцев, «которых желательно бы освободить от плена и принять обратно на завод, как полезных работников». Список утвердили при условии перехода в русское подданство.

Пермская губерния была связана также с транзитом больших групп военнопленных. Основными уральскими городами с военнопленными стали Камышлов, Ирбит, Верхотурье и Шадринск. Размещали пленных в больших помещениях – монастырях, школах, арестных домах, соляных амбарах, пожарных депо, освободившихся из-за сухого закона винных складах. В Шадринске, к примеру, использовали театр и ломбард⁵.

Весной 1915 г. пермский губернатор потребовал списки пленных с указанием их национальности, возраста, специальности, состояния здоровья. По национальному составу

¹ Государственный архив Пермского края. Ф. 209. Оп. 1. Д. 535 А. Л. 53.

² ГАПК. Ф. 209. Оп. 1. Д. 535 А. Л. 56.

³ ГАПК. Ф. 209. Оп. 1. Д. 535 А. Л. 22, 33, 39, 2, 24–27, 6, 8, 61, 14–15, 56, 76, 16, 90.

⁴ ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 2647. Л. 182.

⁵ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 592. Л. 165.

это были австрийцы, немцы, венгры, сербы, евреи, русины, чехи, словаки, поляки, мордовцы, хорваты, греки, итальянцы. Специальности пленных офицеров были разнообразны: врач, инженер, владелец зданий, банкир, аптекари, нотариус, мировые судьи, фабриканты искусственных минеральных вод, фабрикант консервов, урядники по заведованию лесами, адвокаты, студенты коммерческих вузов, профессор геологии, философ, пивовар, инспектор культуры. Сведения о специальностях направлялись в Министерство промышленности и торговли, а Генеральный штаб ведал распределением пленных по заводам. С мест запрос на пленных подавался окружному инженеру, затем – фабричному инспектору, от него – губернатору, от губернатора – в Главное управление Генерального штаба. С лета 1915 г. из этой цепочки исключили губернатора, и заводы могли обращаться сразу в Генеральный штаб. В заявках особое внимание уделялось размещению пленных и их изоляции от местных жителей. Направлял военнопленных Казанский военный округ. Изначально запросы делались на пленных славян, но скоро эта группа была исчерпана. Заводы, не подписавшие Положение о военнопленных, оставались без рабочих рук. Группы военнопленных должны были быть не менее двадцати пяти человек на предприятие, направлялись на срок не менее трех месяцев. В целом на заводах допускалось до 15 % военнопленных от общего числа рабочих. Контроль осуществляли фабричная и горная инспекции, полиция и губернатор¹.

Одним из первых заводов, использовавших труд военнопленных, стал Чермозский металлургический завод. В 1915 г. там работало 125 словаков или славян австрийской армии. Управляющий Чермозским округом П. Г. Лупанов осенью 1915 г. добился направления на завод девяноста пленных немцев, от которых ранее заводы отказывались; он просил также не перемещать их в другие места до конца войны.

К 1917 г. в Богословском горном округе числились до 10 тыс. военнопленных. Интересно, что Лысьвенский округ «опоздал» с подготовкой помещений (пленных не желали размещать в самой Лысьве), поэтому к лету 1915 г. он принял «военнопленных венгров и немцев», что было весьма накладно по содержанию охраны².

Губернатор М. А. Лозина-Лозинский требовал, чтобы военнопленным было разъяснено:

- 1) «всякий их труд обязателен и отказ с их стороны будет рассматриваться как открытое противодействие распоряжениям правительства»;
- 2) отказавшиеся будут «содержаться на строгом тюремном режиме».

Отказ от работ карался наказанием вплоть до смертной казни. В сентябре 1915 г. пермский воинский начальник предложил Лысьвенскому заводууправлению самостоятельно расстреливать отказывающихся, чем поверг в шок заводууправление. В 1916 г. губернатор распорядился за первый отказ от работы наказывать семью сутками ареста, за второй – арестом до трех месяцев, за третий – тюремным заключением до конца войны.

В 1915 г. пермская губернская земская управа решила, что «военнопленные, особенно немцы и венгерцы, ни в коем случае не могут быть допускаемы к работам на заводах и рудниках, но в качестве чернорабочих на дворе они, может быть, и явились бы полезными для дела при недостатке вообще рабочей силы»³. В заводских работах на пленных возлагалась прежде всего рубка дров. Так, в феврале 1917 г. в д. Кылосово на рубку дров отправили тридцать семь немцев⁴.

¹ ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 2647. Л. 30.

² ГАПК. Ф. 209. Оп. 1. Д. 587. Л. 29.

³ ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 2647. Л. 12.

⁴ ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 2648. Л. 9.

В 1914 г. управляющий Кизеловского чугунолитейного завода Граматчиков писал в Чермоз: «Считаю опасным допустить пленных в копи, можем взять знающих лесные работы до 500 человек». Строить бараки в лесу должны были сами военнопленные, причем так, чтобы после войны их можно было использовать для русских рабочих. Время работы военнопленных было такое же, как и у местных рабочих: семь дней на заводе и шесть-семь в рудниках. Заводы работали по непрерывному графику, работа в рудниках длилась 8–10 часов в день, в лесничествах – 10¹.

Согласно Порядку учета военнопленных и их труда предполагалось размещать пленных летом – в легких балаганах, зимой – в землянках, «чтобы поместить в ней по возможности целую сотню людей, что очень важно для удобства охраны». «При ночевке в лесу, военнопленные должны быть положены более кучно, причем границы лагеря должны быть обозначаемы вбитыми кольями, за которые военнопленные не должны переступать до выхода на работу». С 1916 г. для пленных немцев предполагался особый порядок выхода из барачных ночью, пересечение кольев грозило выстрелом на поражение².

Охрана была весьма затратна для заводов. Например, Чермозский завод вычитал за охранные услуги до двух третей зарплаты пленных немцев³. Правила содержания 1916 г. определили норматив охраны: на сто пленных полагалось пять охранников – четверо пеших и один конный; по два человека сменялись в ночную и дневную смены, конный вызывался по надобности. «Десятники должны говорить по-русски». Фельдфебели могли иметь переводчика⁴. Кроме того, одна четверть заработка отчислялась в фонд военнопленных⁵.

Сортировка пленных предполагала их изоляцию как от русского населения, так и внутри самой группы военнопленных. Поступило требование «военнопленных славян (сербы, чехи, поляки, русины, словенцы) отделять от венгров и австро-германских немцев, как в отношении их внутри быта, также, по возможности, и при распределении по работам». Национального деления следовало придерживаться и при размещении в больницах, при передвижении партий пленных в пути. Эта акция производилась в интересах славян, которые «от мадьяр и немцев претерпевают всякие обиды и притеснения на почве племенной вражды вообще и недовольства дружественным отношением славян к России»⁶.

«Правила о военнопленных» 1916 г. требовали от лиц, общающихся с немцами и венграми, «отрешиться от добродушия и простоты обращения. Нужно спокойное, замкнутое отношение, но и полная справедливость к оценке труда и поведения, никакого балагурства и шутовства: постоянное деловое и серьезное отношение и только по делу». Постановление «О военнопленных на сельскохозяйственных работах» запрещало пленным «всякие разговоры с населением, не вызываемые деловой надобностью и житейским обиходом, в особенности же разговоры на политические, военные и общественные вопросы, возбуждающие смуту, тревогу и неудовольствие». В августе 1916 г. пермский губернатор запретил горожанам «при отбытии и прибытии военнопленных устраивать им какие-либо общие встречи и проводы, собираться толпой, производить шум, крик и вступать с ними в разговоры и сношения». Если в 1914 г. была возможна материальная помощь пленным, то в 1916 г. это было запрещено, разрешалось только

¹ ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 2648. Л. 6, 11, 16; Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 118.

² ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 117–118.

³ ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 2647. Л. 24.

⁴ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 119.

⁵ ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 2647. Л. 22.

⁶ ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 2647. Л. 85, 103.

при посредстве воинского начальника. Нельзя было принимать гостей из числа пленных или брать от них письма. Письма от военнопленных передавались через уездные почтовые конторы в Пермь «для просмотра военной цензурой» (всего в 1916 г. прошло двенадцать писем¹).

За уклонения от работ пленные карались в том числе тюремным заключением. Уголовные дела, связанные с пленными разных национальностей, доходили до суда только в отношении немцев и австрийцев. Так, в деле ограбления телеги с хлебом крестьянина И. С. Килунцова на сумму 3 руб. 60 коп. были уличены четырнадцать человек. Интересен национальный состав задержанных: румын, мадьяр, еврей, поляк, серб. Если основной возраст пленных составлял 20–30 лет, то в ограблении участвовали старые пленные – от 28 до 48 лет. Из четырнадцати человек под суд пошли шестеро, выявленные как зачинщики, а в заголовке дела фигурировали только австрийцы.

Очень драматично выглядело дело о драке на Надеждинском заводе Богословского округа. В тот момент на заводе работало шестьсот пленных. Охрана не уследила за тремя немцами. «Морген Шигош, Франц Войс и Иоганн Шумаер, проникнув во двор, хотели пройти в свои цеха воротами, ход которыми запрещен, стоявшие ворот стражи не стали их пропускать. Завязалась борьба время каковой Шумаер, толкнув сторожа Козьму Шулакова под проходивший паровоз скрылся. Шулаков задавлен смерть, виновные задержаны, подробности почтой», – телеграфировал губернатору полицейский исправник. Проверка немцев по биркам присутствия выявила двадцать четыре человека без бирок, а из них свидетели опознали преступников. Канцелярия губернатора подчеркивала, что особое внимание уделяется военнопленным из недружественных России стран, и требовала военного суда. Суд приговорил И. Шумаера к смертной казни. Инженер Постников просил пермского губернатора М. А. Лозина-Лозинского о смягчении наказания, «ожидая тяжелого впечатления на десять тысяч пленных, работающих округе, указанного приговора отрицательного влияния на работу и взаимного отношения с русскими». Губернатор телеграфировал: «Ходатайствовать за убийцу Шумаера отказываюсь». И. Шумаер был повешен².

Таким образом, немецкие и австрийские военнопленные попадали в Пермскую губернию через распределительные пункты рабочей силы при Казанском военном округе. Пленные были изолированы от местного населения и военнопленных других национальностей. Средний их возраст составлял 20–30 лет.

Второй малочисленной группой пленных были немцы, уже проживавшие на Урале. Их «защитой» становилась профессиональная деятельность.

В 1914 г. основными направлениями труда были тяжелые лесные работы и рубка дров, а затем диапазон деятельности был расширен до железнодорожного строительства. Уклонение от труда каралось: от лишения пищи до тюремного заключения.

Пожилые немцы были отпущены с Урала в 1918 г. при посредничестве Красного Креста.

Список источников

1. Смирнов Ю. И., Скрипникова М. И. Военнопленные на территории России в годы Первой мировой войны // Вестник Международного института экономики и права. 2016. № 1 (22). С. 135–139.

2. Суржикова Н. В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015.

¹ ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 2647. Л. 170.

² ГАПК. Ф. 209. Оп. 1. Д. 587. Л. 13.

3. Тихонов А. В. Использование труда военнопленных Четверного союза в экономике регионов в годы Первой мировой войны на примере Калужской и Тульской губернии // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1. С. 123–126.

References

1. Smirnov Yu. I., Skripnikova M. I. Voennoplennyye na territorii Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny [Prisoners of war in Russia during the First World War]. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava*. 2016, no. 1 (22), pp. 135-139. (In Russ.).

2. Surzhikova N. V. Voennyi plen v rossiiskoi provintsii (1914-1922 gg.) [Military captivity in the Russian provinces (1914–1922)]. Ekaterinburg, 2015. (In Russ.).

3. Tikhonov A. V. Ispol'zovanie truda voennoplennykh Chetvernogo soyuza v ekonomike regionov v gody Pervoi mirovoi voiny na primere Kaluzhskoi i Tul'skoi gubernii [The use of the labor of prisoners of war of the Quadruple Union in the regional economy during the First World War on the example of the Kaluga and Tula provinces]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016, no. 1, pp. 123-126. (In Russ.)

Информация об авторе

Т. Ю. Шестова – доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры теории и практики управления,
Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Information about the author

T. Yu. Shestova – Doctor of Historical Sciences, Docent,
Professor at the Department of Management Theory and Practice,
Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration.

Статья поступила в редакцию 02.09.2022; одобрена после рецензирования 12.09.2022; принята к публикации 13.09.2022.

The article was submitted 02.09.2022; approved after reviewing 12.09.2022; accepted for publication 13.09.2022.

Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 136–140.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2022. No. 2 (92). P. 136–140.

Научная статья
УДК 323(470)

**ФОРМИРОВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕРЕЗНИКОВСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА
ПЕРМСКОГО КРАЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
Часть II***

**Владимир Викторович Шилов¹, Алёна Николаевна Брезгина²,
Светлана Сергеевна Лепп³, Екатерина Валерьевна Самойлова⁴**

^{1,2,3,4} Березниковский филиал Пермского национального исследовательского
политехнического университета, Березники, Россия

¹ vvs595959@mail.ru

² kit20081990@mail.ru

³ schwarz4832@yandex.ru

⁴ samoylova@bf.pstu.ru

Аннотация. Рассматриваются условия труда и быта рабочих и служащих в досоветский период. Анализируются причины социальных потрясений, негативные последствия русской революции и гражданской войны. Показаны примеры подавления оппозиции властными структурами. Проводится утверждение о важности исторических уроков для решения современных проблем социума.

Ключевые слова: солеварение, содовое производство, жилищные условия, промышленный кризис, война, репрессии, управление, качество жизни

Для цитирования: Шилов В. В., Брезгина А. Н., Лепп С. С., Самойлова Е. В. Формирование революционной ситуации на территории Березниковского городского округа Пермского края в конце XIX – начале XX века. Часть II // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 136–140.

Original article

**FORMATION OF A REVOLUTIONARY SITUATION
ON THE TERRITORY OF THE BEREZNIKI URBAN DISTRICT
OF THE PERM TERRITORY IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURY
Part II**

Vladimir V. Shilov¹, Alyona N. Brezgina², Svetlana S. Lepp³, Ekaterina V. Samoilova⁴

^{1,2,3,4} Berezniki Branch of Perm National Research Polytechnic University, Berezniki, Russia

¹ vvs595959@mail.ru

² kit20081990@mail.ru

³ schwarz4832@yandex.ru

⁴ samoylova@bf.pstu.ru

* Часть I см.: Вестник Прикамского социального института. 2022. № 1 (91). С. 225–234.
© Шилов В. В., Брезгина А. Н., Лепп С. С., Самойлова Е. В., 2022

Abstract. The working and living conditions of workers and employees in the pre-Soviet period are considered. The causes of social upheavals, the negative consequences of the Russian revolution and civil war are analyzed. Examples of suppression of the opposition by power structures are shown. A statement is made about the importance of historical lessons for solving modern problems of society.

Keywords: salt production, soda production, living conditions, industrial crisis, war, repressions, management, quality of life

For citation: Shilov V. V., Brezgina A. N., Lepp S. S., Samoilova E. V. Formation of a revolutionary situation on the territory of the Berezniki urban district of the Perm territory in the late 19th – early 20th century. Part II. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2022. No. 2 (92). Pp. 136-140. (In Russ.).

1917 г. круто изменил судьбу всего населения самодержавной России. По всей стране проходили рабочие собрания, демонстрации, крестьянские волнения. Всюду создавались Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. На территории нашего исследования почти ежедневно возникали организованные и стихийные митинги, на которых шел жаркий политический диспут между различными политическими силами, прежде всего, между большевиками, меньшевиками и эсерами.

В Верхнекамье представители поселковых Советов вошли в районный Совет рабочих депутатов с постоянным местом пребывания в Березниках. Тогда же был создан комитет профсоюза «Сода – соль», а самое первое организационное собрание членов РСДРП (б) местного района состоялось на станции Усольская 28 апреля 1917 г.

Однако руководящее положение в Северном Прикамье в то время занимали меньшевики. Объяснялось это в значительной степени тем, что многие большевики еще не вернулись с фронтов и мест ссылок. Но уже в июне 1917 г. приехал упомянутый ранее большевик А. И. Потемин.

Постепенно теснее стали связи с Пермской окружной большевистской организацией РСДРП. В середине ноября 1917 г. большевики Березниковского содового завода создали свою заводскую организацию. Председателем партийной ячейки стал А. И. Потемин.

На большевиков содового завода, представлявших собой наиболее влиятельную в Березниках организацию, была возложена трудная задача по учреждению советской власти в районе. Эта задача усложнялась для них тем, что в Березниковском районном Совете было немало меньшевиков, а в соседнем Соликамском продолжало оставаться сильным влияние сторонников Временного правительства и уездной буржуазии.

Большевики, невзирая на малочисленность своих рядов, взялись за активную организаторскую и разъяснительную работу. И. Г. Кабанов (впоследствии министр электропромышленности), А. И. Потемин и другие активисты выступали на митингах и собраниях, рассказывали рабочим о задачах социалистической революции. Одновременно создавался отряд Красной гвардии, и сразу шло обучение вступивших в него содовиков и солеваров. Командиром отряда был избран П. А. Зверев (будущий «второй красный директор»).

В ноябре 1917 г. коммунисты содового завода потребовали созвать экстренное заседание Березниковского районного Совета рабочих депутатов. На заседании после обстоятельного обсуждения вопроса о текущем моменте меньшевик Зюзин был освобожден от должности председателя райсовета. Партийная ячейка завода рекомендовала избрать на этот пост П. А. Зверева. Следом за этим районный Совет и отряд Красной гвардии содового завода обезоружили и распустили «Комитет обороны страны». Упразднена была и милиция Временного правительства. Охрану завода взяли на себя рабочие и красногвардейцы.

Таким образом, советская власть на территории нынешнего Березниковского городского округа была установлена. Многие сделали для этого и секция солдат-фронтовиков под руководством Кабанова и Вяткина.

Своей резолюцией от 12 декабря 1917 г. Березниковский районный Совет поддержал советскую власть и правительство Совета Народных Комиссаров. Верхнекамские большевики последовательно и решительно претворяли в жизнь свои боевые лозунги. Из поселковых Советов были устранены меньшевистски настроенные элементы. Рабочие содового завода под руководством большевиков, в частности, красногвардейский отряд П. А. Зверева, а также прибывшие на помощь шахтеры Кизела и металлурги Лысьвы, обезоружили соликамских (по их мнению) контрреволюционеров и установили в Соликамске советскую власть. Затем был созван уездный съезд Советов, на котором было решено уезд называть не Соликамским, а Усольским, и село Новое Усолье в 1918 г. получило статус города.

20 мая 1918 г. областной Совет народного хозяйства принял постановление, согласно которому Березниковский содовый завод стал собственностью государства. Руководить всей жизнью предприятия начиная с августа 1918 г. стал деловой совет, который объединил членов рабочего контроля, уже имевших опыт управления производством, а также представителей от рабочих всех цехов и от инженерно-технической интеллигенции.

Ставший председателем делового совета А. И. Потемин был наделен правами директора. Выдвижение бывшего «простого» рабочего Потемина на высокий руководящий пост было характерным для того времени.

Тем не менее охвативший страну кризис остро поставил вопрос о «связи города с деревней», продовольственная проблема обострялась. Голодали рабочие, нечем было кормить детей, и задача снабжения трудящихся городов хлебом легла на плечи бойцов продовольственных отрядов, которые тогда создавались повсеместно. По мнению руководства страны, решить данную проблему могла «политика военного коммунизма» (1918–1921 гг.).

На содовом заводе был организован продотряд под руководством рабочего столярного цеха Утина. Под селом Верх-Кондас его отряд попал в засаду. В экспозиции заводского (корпоративного) музея Березниковского содового завода в эпоху социализма можно было прочесть: «Отряд попал в засаду, устроенную кулаками. Враги Советской власти зверски убили рабочих завода: товарищей Бурцева, Собакина, Трапезникова, Цыренных и других. Однако, несмотря на сопротивление кулачества, продотряды изымали излишки зерна».

Гражданская война привела к трагическим последствиям. Исторические документы о том периоде истории свидетельствуют: «Летом 1921 г. люди ели лесные ягоды, листья смородины, малины, липы, мололи древесные опилки, солому и употребляли их в пищу. Хлеб из лебеды считался деликатесом. Порезали скот, поели собак и кошек. Осенью начался мор... На продукты обменивали швейные машины, сепараторы, орудия труда, сбрую – все, что находило спрос. Такой обмен происходил, главным образом, в Усольском уезде» [1, с. 100].

Народное хозяйство находилось в упадке. В Пермском Прикамье были взорваны многие мосты и заводы. Квалифицированные специалисты уходили в поисках лучшей доли в другие регионы или стремились уехать за рубеж. На территории нашего исследования оказались разрушенными мосты на пути от станции Усольская до Губахи, и содовый завод лишился очень многих высококлассных специалистов.

Экономика Урала после гражданской войны находилась в кризисном состоянии. В 1920 г. объем промышленного производства составлял всего 12 % от довоенного уровня [2, с. 553]. Многочисленные человеческие жертвы гражданской войны вообще нельзя выразить в денежном эквиваленте.

Стабильное и поступательное развитие промышленности и сельского хозяйства (экономики в целом) в истории человечества очень часто замедляется, а порой и просто делает большой шаг назад из-за социально-политических катаклизмов, возникающих по вине недальновидных, некомпетентных, порой малограмотных политиков и экономистов или просто из-за нездоровых амбиций морально нечистоплотных, агрессивных политических авантюристов.

Функции исторической социологии можно сформулировать тремя словами: анализ, синтез, прогноз. В нашем случае рассмотренные тяжелые условия труда и быта трудящихся и членов их семей в досоветский период, нежелание властей слушать «оппозицию», «подготовили почву» для революции и гражданской войны.

Учитывая рассмотренные негативные «уроки отечественной истории», современным российским властям следует решать социальные проблемы комплексно, внимательно анализируя требования и чаяния самых широких слоев населения (привлекая для этого социологическую науку), не дожидаясь «неожиданного» всплеска революционной активности масс (как наблюдалось в январе 2022 г. в Казахстане, которую очень быстро «возглавили» радикалы и террористы). Таким образом, вопрос социализации и индивидуализации личности и в XXI в. актуален, как и более века назад [3].

Одной из важнейших задач для российского общества сегодня является создание «среднего класса», т. е. социальной общности, которая будет иметь устойчивые и достаточные доходы для удовлетворения самого широкого круга своих материальных и социокультурных потребностей. Политики, и особенно «законодательная ветвь власти», должны осознать: ликвидация разрыва в доходах богатых и бедных, достойное качество жизни у подавляющей части населения РФ будет лучшей «прививкой» от любой «цветной революции».

Список источников

1. Прикамье. Век XX: учеб. пособие / Г. С. Мурсалимов [и др.]. Пермь, 1999. 389 с.
2. Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург, 2000. 640 с.
3. Шедяков В. Е. Общественное развитие как элемент личной безопасности: диалектика социализации и индивидуализации // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 2 (83). С. 94–101.

References

1. Prikam'e. Vek XX: uchebnoe posobie [Prikamye. XX century: study guide]. Perm, 1999, 389 p. (In Russ.).
2. Ural'skaia istoricheskaiia entsiklopediia [Ural Historical Encyclopedia]. Ekaterinburg, 2000, 640 p. (In Russ.).
3. Shediakov V. E. Obshchestvennoe razvitie kak element lichnoi bezopasnosti: dialektika sotsializatsii i individualizatsii [Social development as an element of personal security: the dialectic of socialization and individualization]. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta*. 2019, no. 2 (83), pp. 94–101. (In Russ.).

Информация об авторах

В. В. Шилов – кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Общенаучные дисциплины»,
Березниковский филиал Пермского национального исследовательского политехнического

университета, член Правления Российского общества социологов (Пермское отделение);

- А. Н. Брезгина** – инженер кафедры «Общенаучные дисциплины»,
Березниковский филиал Пермского национального исследовательского политехнического
университета, член Российского общества социологов (Пермское отделение);
- С. С. Ленн** – преподаватель социологии кафедры «Общенаучные дисциплины»,
Березниковский филиал Пермского национального исследовательского
политехнического университета;
- Е. В. Самойлова** – заведующий лабораториями кафедры «Общенаучные дисциплины»,
Березниковский филиал Пермского национального исследовательского
политехнического университета.

Information about the authors

- V. V. Shilov** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of General Scientific Disciplines,
Berezniki Branch of Perm National Research Polytechnic University,
Member of the Board of the Russian Society of Sociologists (Perm Branch);
- A. N. Brezgina** – Engineer at the Department of General Scientific Disciplines,
Berezniki Branch of Perm National Research Polytechnic University,
member of the Russian Society of Sociologists (Perm Branch);
- S. S. Lepp** – Lecturer in Sociology at the Department of General Scientific Disciplines,
Berezniki branch of Perm National Research Polytechnic University;
- E. V. Samoilova** – Head of laboratories at the Department «General Scientific Disciplines,
Berezniki branch of Perm National Research Polytechnic University.

Статья поступила в редакцию 09.05.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022;
принята к публикации 23.05.2022.

The article was submitted 09.05.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for
publication 23.05.2022.

Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 141–150.
Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2022. No. 2 (92). P. 141-150.

Научная статья
УДК: 37.013.83: 159.99

ПРОБЛЕМЫ СОВМЕЩЕНИЯ РАБОЧЕГО ПРОЦЕССА И ОБУЧЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ, СПЕЦИАЛИСТОВ

Мария Константиновна Дуванская¹, Наталья Александровна Литвиновская²,
Антон Валерьевич Литвиновский³

^{1,2,3} Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Пермь, Россия

¹ maryduf@mail.ru

² nlitvinovskaya@mail.ru

³ litvaperm@gmail.com

Аннотация. В статье на основе анализа литературы и проведенного опроса выявлены основные положительные и отрицательные моменты совмещения рабочего и образовательного процессов. Основной упор сделан на образование взрослых людей, подробно рассмотрены психологические проблемы, возникающие при совмещении этих процессов. Анализ результатов социологического опроса приведен в краткой форме, достаточной, однако, для получения выводов. В конце статьи приведены основные выводы и рекомендации.

Ключевые слова: непрерывное образование, образование взрослых людей, мотивация к образовательному процессу, рабочий процесс, образовательный процесс, психологические проблемы

Для цитирования: Дуванская М. К., Литвиновская Н. А., Литвиновский А. В. Проблемы совмещения рабочего процесса и обучения взрослых людей, специалистов // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 141–150.

Original article

PROBLEMS OF COMBINING THE JOB ACTIVITIES AND EDUCATIONAL PROCESS OF ADULTS, SPECIALISTS

Maria K. Duvanskaya¹, Natalia A. Litvinovskaya², Anton V. Litvinovsky³

^{1,2,3} Perm National Research Polytechnic University,
Perm, Russia

¹ maryduf@mail.ru

² nlitvinovskaya@mail.ru

³ litvaperm@gmail.com

Abstract. Based on the analysis of the literature and the conducted survey, this article identifies the main positive and negative aspects of combining work activities and educational process. The main emphasis is pointed on the educational process of adults and the psychological problems that arise in them when combining these processes are considered in detail. The analysis of the results of the sociological survey is given in a brief form, however, sufficient to draw conclusions. The main conclusions and recommendations are given at the end of the article.

Keywords: continuous education, adult education, motivation for the educational process, job activities, educational process, psychological problems

For citation: Duvanskaya M. K., Litvinovskaya N. A., Litvinovsky A. V. Problems of combining the job activities and educational process of adults, specialists. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2022. No. 2 (92). Pp. 141-150. (In Russ.).

Тенденция современного общества такова, что все чаще и чаще людям приходится получать дополнительное образование, дополнительную квалификацию или повышать существующую. Рынок труда постоянно меняется, и возникают новые потребности в профессиях, которые невозможно удовлетворить в течение нескольких месяцев или даже лет. Вместе с тем многие профессии, которые еще недавно являлись высокооплачиваемыми и востребованными, перестали быть таковыми, и люди вынуждены или мириться со снижающимися доходами, или развивать смежные специальности, а иногда и полностью переквалифицироваться. Все это приводит к росту заинтересованности людей в получении второго и последующих образований. Однако если при получении первой профессии образование являлось основной деятельностью студентов, то для взрослого, работающего и семейного человека получение образования – это дополнительная нагрузка: приходится совмещать работу и обучение, что влечет дополнительные психологические нагрузки.

В целом совмещение рабочего процесса и образования рассматривается людьми положительно. Что же касается студенческой среды, то это частое явление [1–3]: по данным Федеральной службы государственной статистики 48 % населения студенческого возраста занимаются той или иной трудовой деятельностью [4, с. 28]. При этом главным мотивирующим фактором для поиска работы студентами остается финансовая независимость, желание иметь свои собственные доходы, однако не в последнюю очередь студенты стремятся получить и опыт работы в своей профессии. Работодатель по-прежнему ориентирован на предоставление места человеку с опытом работы по специальности. Не каждый из работодателей готов проверять профессиональные компетенции выпускников и выращивать кадры под собственные нужды. Совмещение работы с получением профессии для студентов является хорошей возможностью закрепить знания, полученные в вузе, приобрести или укрепить умения и навыки работы, более полно освоить профессиональные компетенции [2]. Кроме того, это дает возможность на заключение договоров целевого обучения и гарантию рабочего места по окончании вуза.

Однако совмещение рабочего процесса с учебным имеет и ряд негативных моментов. В первую очередь, это дополнительная нагрузка. В зависимости от рабочего графика это может привести к нехватке времени для самостоятельной работы студента, к эмоциональному и психологическому выгоранию из-за сокращения времени отдыха.

В современных реалиях образование человека не заканчивается с получением диплома и присвоением какой-либо квалификации. Зачастую людям приходится постоянно проходить различные обучающие курсы, а часть профессий подразумевает обязательное повышение квалификации не реже определенного периода. Например, все преподаватели вузов обязаны раз в три года проходить различные курсы повышения квалификации. Помимо этого, динамичный рынок труда вынуждает работающих людей менять профессии: иногда осваивать смежные специальности, чтобы стать более универсальным специалистом, иногда полностью менять сферу деятельности. Все это подразумевает в концепции непрерывного образования [5–7]. И в этом также есть как положительные, так и отрицательные стороны. Взрослым, зачастую уже состоявшимся в своей профессии людям приходится снова «садиться за парту». Но к этому моменту у

большинства людей есть семьи, дети, рабочее место, и если для студента процесс образования является основным, то для взрослого работающего и семейного человека образование переходит в дополнительную нагрузку. Это требует поиска как временных, так и внутренних ресурсов.

Среди населения с помощью социальных сетей нами было проведено исследование мнения насчет совмещения рабочего и образовательного процесса. В опросе приняли участие более ста человек, проживающих в разных городах России. Выборка осуществлялась случайным образом, ее можно считать репрезентативной. Опрос проводился с помощью как корпоративных сетей некоторых предприятий, так и различных городских групп в социальной сети «ВКонтакте». Все участники отвечали анонимно. Всего было задано девять вопросов, ряд вопросов подразумевал один вариант ответа, были вопросы с несколькими возможными ответами. Часть вопросов были открытыми, люди могли высказать свою позицию, если она, по их мнению, отличалась от предложенных вариантов ответа. После эти ответы анализировались и, если не противоречили или просто дополняли один из вариантов, то включались в него или же рассматривались отдельно.

Более половины опрошенных работают больше десяти лет, т. е. это состоявшиеся в своих сферах специалисты. Чуть больше 20 % опрошенных работают менее пяти лет, т. е. являются молодыми специалистами. Суммарная доля неработающих и пенсионеров составила 10,6 %. Остальная часть приходится на людей, работающих от пяти до десяти лет. Иными словами, основное число опрошенных составили трудоспособные граждане. При этом большинство из них – специалисты (54,9 %), часть имеют магистерскую или ученую степень (8,9 %).

Доля людей без высшего образования составила 19,5 % (рис. 1). Именно от этой категории можно было бы ожидать желания продолжить образование. Однако примерно треть из всех, кто не готов продолжить свое образование (6 человек), были именно из этой группы. И лишь 14 % опрошенных из категории специалистов и магистров не готовы к дальнейшему обучению. Два человека из опрошенных, имеющие ученую степень, высказали намерение продолжать образование, однако это слишком малая выборка и выводы по ней нужно делать с осторожностью. Можно предположить, что люди с высшим образованием «привычны» к обучению, это их естественная социальная или психологическая потребность.

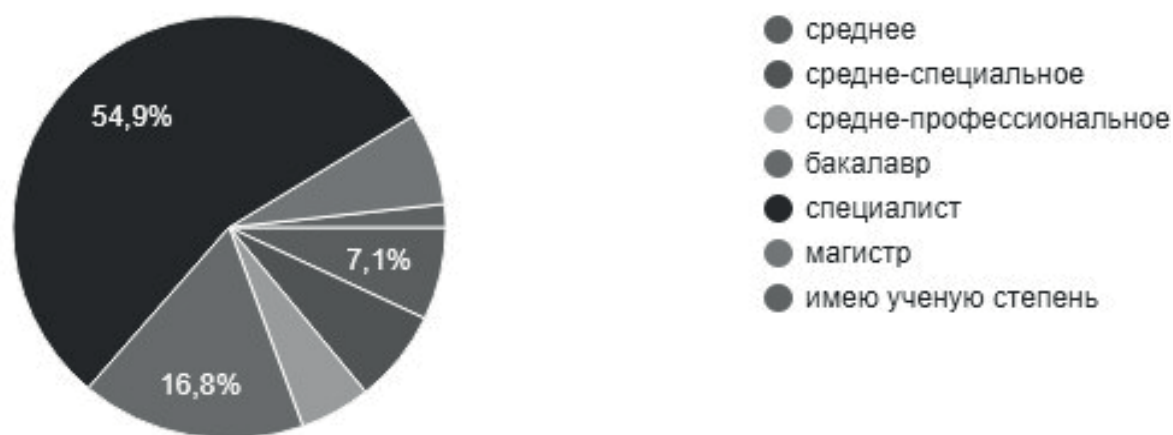

Рис. 1. Распределение опрошенных людей по уровням образования

Если говорить о готовности к образованию, то большинство опрошенных выказали желание продолжать обучение (рис. 2). Данный вопрос позволял выбрать несколько вариантов ответа. Все ответы в своем варианте можно отнести к ответу «да» в разных вариациях. Наиболее интересны случаи, когда люди выбирали одновременно и положительный, и отрицательный ответ (таких оказалось три ответа); при этом объяснение своего отказа у людей было разное: страх платного образования, ответственность перед семьей, нехватка внутренних ресурсов. Иными словами, люди осознают необходимость образования, однако признают, что они сами не готовы его продолжить. Вероятнее всего, это частные случаи, а не закономерность. Однако на них все же стоит обратить внимание, т. к. это может оказаться признаком эмоционального выгорания. Или же это более честные ответы, когда люди признают свое нежелание обучаться. Возможно, что этот вопрос требует дальнейшего изучения.

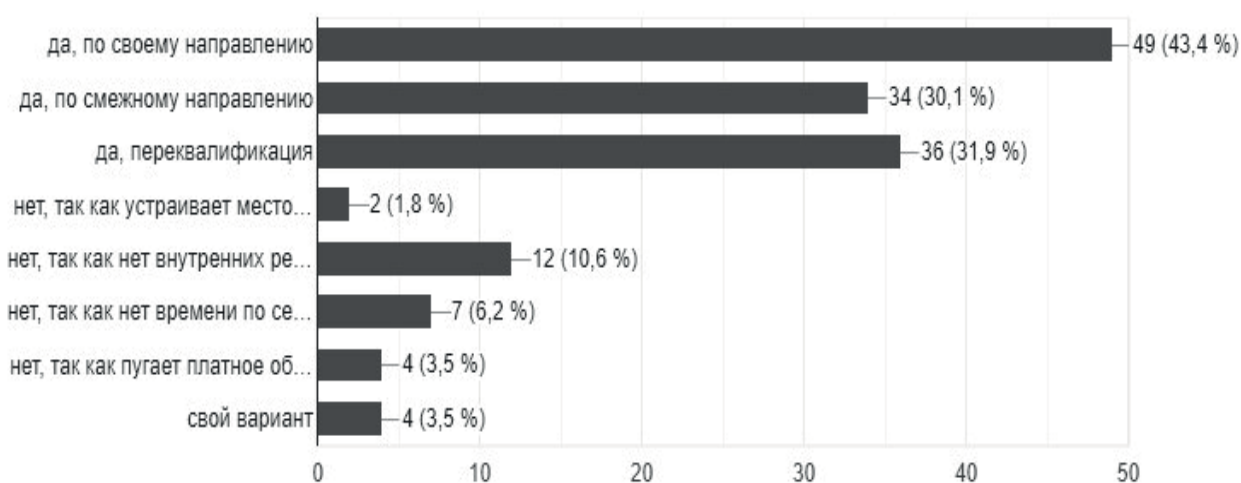

Рис. 2. Диаграмма распределения ответов на вопрос о готовности людей продолжать обучение

У большинства опрошенных (61 %) есть дети. Казалось бы, наличие детей может оказаться сдерживающим фактором для образования, т. к. придется совмещать не только работу, образование, но еще и родительские обязанности. Однако никакой четкой корреляции между нежеланием продолжить образование и наличием детей не обнаружилось. Более того, среди ответов о мотивации к продолжению обучения были и ответы о повышении статуса в глазах детей / родных (рис. 3). Доля этих ответов составила 14,5 %, что достаточно существенно.

Среди главных мотивов для обучения, конечно же, первое место занимает финансовая составляющая. Большинство из опрошенных рассчитывают, что обучение, в конце концов, приведет к более высоким доходам. При этом нельзя сказать, что это связано с переквалификацией. Большинство все же предпочли бы развиваться по своему направлению (рис. 2). Однако уже на втором месте среди мотивов выделяется самооценка. И лишь на третьем месте, с небольшой разницей, – вопрос карьерного роста. Здесь следует проанализировать также то, что вопросы оценки со стороны окружающих хоть и набрали значимое количество отметок, все же сильно отстают от самооценки. Роль самооценки в достижении жизненных и профессиональных успехов – одна из наиважнейших [8]. Это указывает на еще одну важную психологическую роль образования взрослых, которую не стоит упускать из вида. Близкое число ответов, связанных с самооценкой и продвижением по карьерной лестнице, говорит о неразрывности двух этих понятий для опрашиваемых.

(оба этих варианта отметил 31 человек). В целом можно сделать вывод, что от дальнейшего образования люди ожидают улучшения как материального, так и морально-психологического и общественного состояния. Это говорит о ценности образования в обществе, причем не только как набора профессиональных знаний. И это же говорит о спросе на дальнейшее обучение даже после получения профессии. В обществе есть спрос на обучение взрослых.

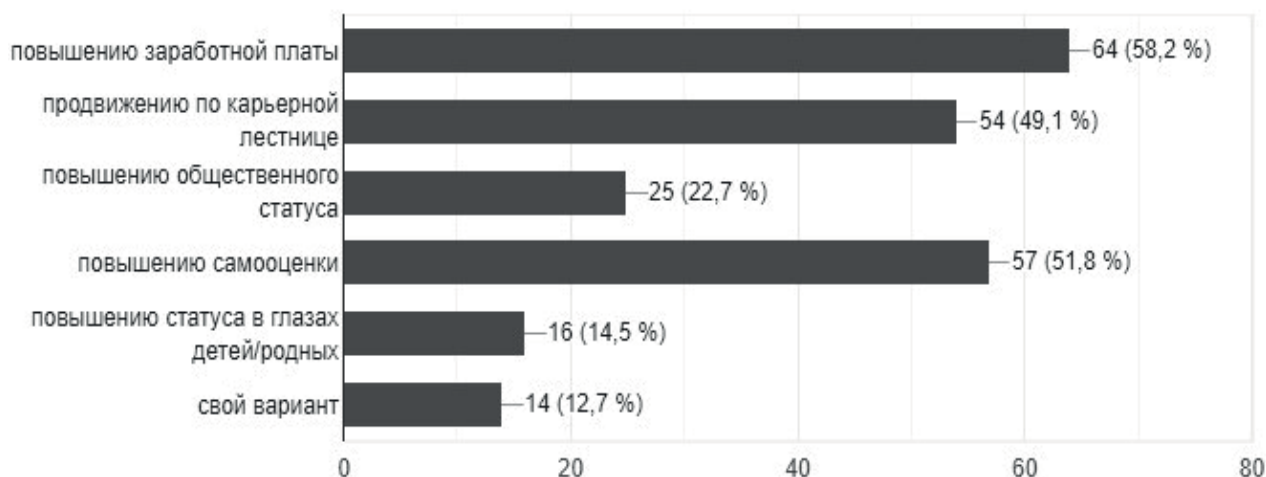

Рис. 3. Диаграмма распределения ответов на вопрос о мотивации к обучению

При этом больше половины опрошенных вообще не знают о бесплатных вариантах получения дальнейшего образования (56,6 %), и лишь 33,6 % знают о бесплатных курсах переподготовки, остальные знают о бесплатной возможности обучения в магистратуре в вузах для специалистов и бакалавров. Таким образом, половина из опрошенных не рассматривают возможность бесплатного получения образования. Хотя полностью сменить профессию готовы почти половина респондентов (рис. 4).

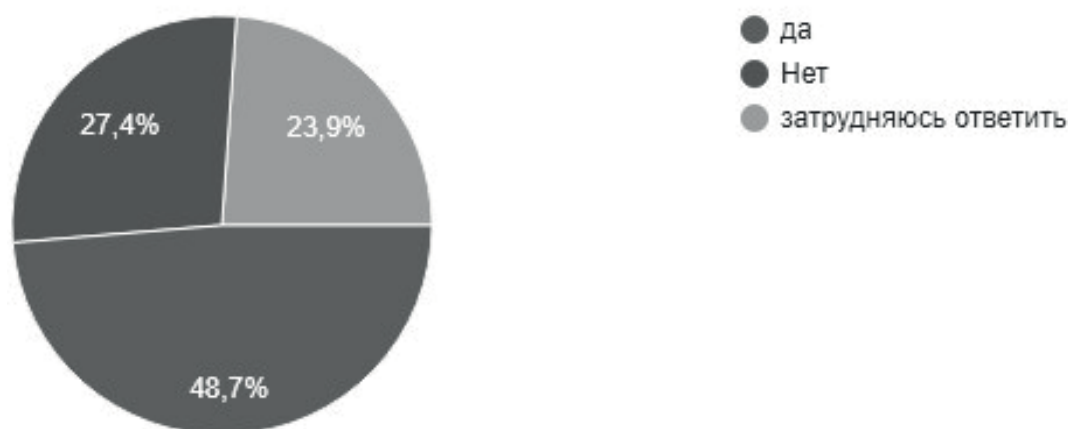

Рис. 4. Готовность людей к переподготовке

Здесь может скрываться недовольство людей той сферой деятельности, в которой они работают, неудовлетворенность своим местом в ней, желание попробовать что-то новое, желание получить профессию с большим заработком или более престижную. Это несколько противоречит ответам о готовности к обучению, т. к. о переквалификации писали

всего около 32 %. По всей видимости, разница в ответах указывает на то, что в целом есть категория людей, частично удовлетворенных своей профессией. Строго довольны своим выбором профессии 27,4 %. И это никак не связано со стажем работы, т. к. ответы «нет» распределились примерно одинаково в группах с различным стажем. В то же время, лишь четверо неработающих из числа опрошенных ответили, что однозначно готовы к смене профессии. Большинство из безработных затруднились с ответом. Это может говорить о том, что они не работают не из-за профессиональных навыков и не из-за разочарования в профессии. Скорее всего, есть какие-то внутренние или семейные обстоятельства. Вполне возможно и простое отсутствие желания работать и, соответственно, получать новую профессию, проходить обучение. В целом же можно сделать вывод о профессиональной мобильности людей.

Что касается резерва времени, который неизбежно придется искать при совмещении работы и обучения, то большинство людей готовы отказаться от личных увлечений или времени на отдых, и лишь 11,5 % рассматривают вариант поиска резервов в рабочем времени. Это достаточно сильная и здравая позиция, т. к. позволяет избежать профессионального и личного выгорания, ведь долго жить в стрессовой ситуации, когда нет времени на хобби или отдых, человек не может [9, 10]. Такое совмещение образования и рабочего процесса возможно лишь на краткосрочный период.

В вопросе о форме обучения почти половина опрошенных выбрали для себя вариант обучения онлайн (рис. 5). Все остальные формы обучения, кроме дневной, распределились примерно поровну. Минимум предпочтений дневной формы как раз и объясняется сложностью совмещения обучения и рабочего процесса.

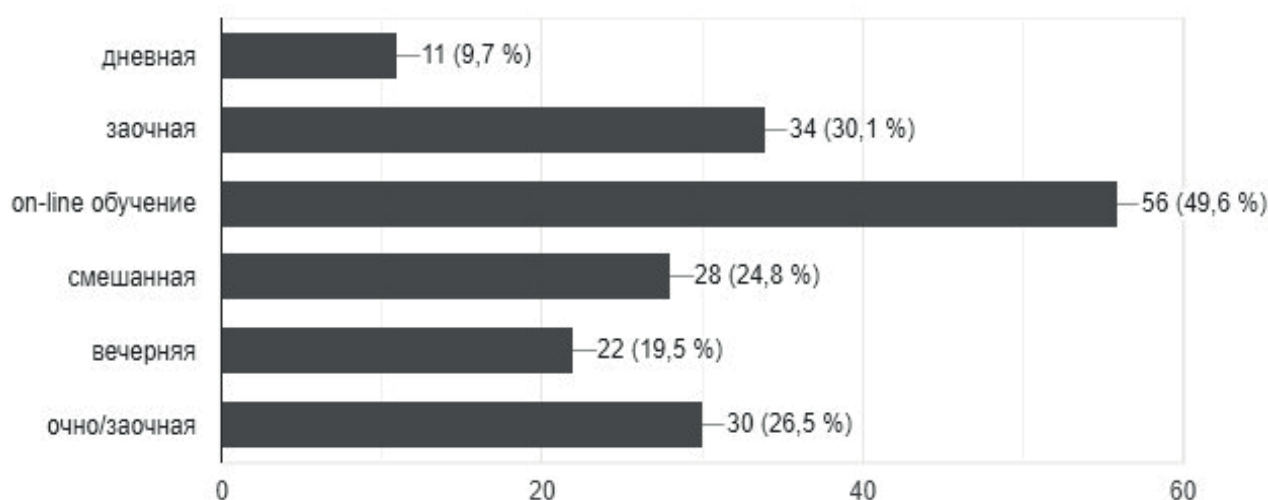

Рис. 5. Предпочитаемые формы обучения

Однако при обсуждении форм обучения с некоторыми респондентами выявилось, что у людей есть некое недоверие к качеству онлайн-образования. Это связано с новизной подобного метода. Люди не понимают методiku такого процесса. Кроме того, выяснилось, что главную сложность опрошенные видят в контроле за усвоением знаний.

При дополнительной беседе с теми специалистами, кто на данный момент повышает свою квалификацию или проходит переподготовку, получает второе высшее образование в очной форме в вузах, а также образование по программам магистратуры и аспирантуры, выяснилась еще одна психологическая сложность такого обучения. Это

связанно со сменой социальных ролей, когда в рабочее время человек может занимать руководящую должность, принимать решения, а в учебном процессе он становится студентом, зависимым от решения преподавателя и выполняет ту работу, которую ему поручают, т. е. становится, до некоторой степени, подчиненным. А при работе в смешанной, разновозрастной группе возникает еще и психологическая проблема непринятия в коллективе. Остальные студенты (аспиранты), младшие по возрасту, не могут воспринимать специалиста как равного, в то же время у самого специалиста возникает психологический дискомфорт. Такую смешанную группу сложно назвать комфортной для всех, и она неизбежно распадается на две подгруппы, хотя и не конфликтующие. Скорее, это две обособленные подгруппы, которые практически не контактируют друг с другом. Однако тут наблюдается еще один некомфортный для взрослого человека момент: в целом у взрослых людей есть определенный психологический страх неправильного ответа, особенно у тех, кто работает преподавателем, учителем или занимает руководящую должность. Принцип быть всегда правым у этих людей выработан профессией. Этим людям особенно сложно обучаться в разновозрастных коллективах. Они могут избегать отвечать перед группой и при этом больше настаивать на индивидуальной работе. Это выражается еще и в том, что такие люди редко задают вопросы по материалу, даже если им не все понятно.

Особенности запросов взрослых людей к образовательному процессу также отличаются от студенческих. Мотивация на обучение у взрослых людей выше, т. к. для них это не навязанное обществом стереотипное поведение, когда образование рассматривается просто как этап жизни, обязательный и неизбежный, а осознано сделанный выбор для достижения конкретных целей [11].

Такая мотивация имеет как положительный, так и отрицательный момент. Сама по себе высокая мотивированность позволяет ответственно относиться к процессу обучения, а прагматичный подход предъявляет к программе обучения особые требования. Общая программа обучения взрослых людей чаще приводит к разочарованию, возникает ощущение бесполезной траты времени на изучение тех дисциплин, которые являются общеобразовательными. Разочарованность приводит к тому, что взрослый человек теряет эту мотивацию, какой бы высокой она ни была в начале. Ведь его временной ресурс ограничен, и тратить его на то, что не приносит непосредственной пользы в его профессиональной деятельности, обучающейся не готов. При этом положительные моменты для развития его личности, как правило, не берутся в расчет. Из-за этого возникает потребность в разработке очень конкретных, узкоспециализированных образовательных программ с ограниченным набором компетенций, но более глубокой их проработкой, либо в гибком подходе при обучении [6, 12]. С психологической точки зрения это требует дополнительной проработки мотивации взрослого человека – не с выявлением абстрактных полезных моментов, а с формулированием конкретных указаний, какую именно пользу получит обучающийся [12–13].

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. Совмещение образовательного и рабочего процессов несет несомненную пользу для студентов: позволяет им на практике усваивать и учиться применять знания, полученные в учебном заведении, расширять свои компетенции.

2. Совмещение образовательного и рабочего процессов для взрослых людей – необходимость, т. к. в современном обществе наблюдается большой запрос на непрерывное образование и регулярное углубление и обновление знаний. Люди, не проходящие дополнительного обучения, проигрывают в карьерном росте.

3. Совмещение образовательного и рабочего процессов взрослых людей несет определенные психологические трудности и риски, среди которых особенно выделяется нехватка времени. Его приходится отнимать от личного времени и времени на отдых, как следствие, риск эмоционального выгорания из-за резко возросшей нагрузки.

4. У взрослых людей высокая мотивированность в обучении, но эта мотивация быстро пропадает, если обучение не соответствует их запросу или ожиданиям от процесса обучения.

5. К обучению взрослых людей необходимы индивидуальный подход и гибкий график, что несет дополнительную нагрузку преподавателю. Выходом из этой ситуации могло бы стать дистанционное или смешанное обучение.

6. При совместном обучении молодых и взрослых людей наблюдаются сложности их взаимодействия. Это также может привести к необходимости дифференцированного подхода к работе преподавателя. За исключением комфортной атмосферы в группе других рисков это не несет.

7. У взрослых людей в значительной мере присутствует страх неправильного ответа. В зависимости от индивидуальных особенностей личности это может привести как к более тщательной подготовке, так и к потере мотивации к обучению. Особенно остро это наблюдается в разновозрастных коллективах.

Список источников

1. Харченко В. С. Совмещение работы и учебы в вузе: новые практики или новые смыслы // Вопросы образования. 2013. № 3. С. 92–104.
2. Пасовец Ю. М. Вторичная занятость студентов как фактор профессионализации и социальной интеграции молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 183–199. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.4.64.12>.
3. Михайлова Н. К., Яркова Т. А. Совмещение учебы студентов с работой – путь к профессии? // Экономика труда. 2019. Т. 6. № 2. С. 764–774.
4. Труд и занятость в России. 2021 [Электронный ресурс]: стат. сб. / Росстат. М., 2021. 177 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2021.pdf (дата обращения: 29.03.2022).
5. Колесникова И. А. Концептосфера непрерывного образования: логика и методология изучения // Непрерывное образование в XXI веке. 2016. № 3 (15). С. 124–140.
6. Саламатов А. А. Методология и перспективы развития современного непрерывного образования // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 8. С. 113–124.
7. Зайцева О. В. Непрерывное образование: основные понятия и определения // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 7 (85). С. 106–109.
8. Сиатова М. А. Роль самооценки в достижении жизненного успеха // Национальная ассоциация ученых. 2015. № III (8). С. 103–105.
9. Тарасова Т. В., Погбаева А. Д. Анализ особенности соотношений увлечения и профессионального выбора // Вестник Мордовского университета. 2011. № 2. С. 83–85.
10. Баталин А. А. Связь качества сна человека и мотивации, организующей деятельность // Вестник Пермского университета. 2013. № 1 (13). С. 124–129.
11. Борщева Н. Л., Глухова М. И. Непрерывное образование: различие подходов // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 12. С. 163–165.
12. Суйкова О. А. Андрагогические принципы в реализации непрерывного образования взрослых // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2018. № 4 (37). С. 61–68.
13. Андреева Н. Ю. Психологические особенности обучения взрослых с учетом различных учебных стилей // Инновационное развитие профессионального образования. 2015. № 1 (07). С. 36–41.

References

1. Kharchenko V. S. Sovmeshchenie raboty i ucheby v vuze: novye praktiki ili novye smysly [Combining work and study at a university: new practices or new meanings]. *Voprosy obrazovaniya*. 2013, no. 3, pp. 92-104. (In Russ.).
2. Pasovets Yu. M. Vtorichnaya zanyatost' studentov kak faktor professionalizatsii i sotsial'noi integratsii molodezhi [Secondary employment of students as a factor of professionalization and social integration of youth]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2019, vol. 12, no. 4, pp. 183-199. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.4.64.12>. (In Russ.).
3. Mikhailova N. K., Yarkova T. A. Sovmeshchenie ucheby studentov s rabotoi - put' k professii? [Combining students' studies with work - the way to a profession?]. *Ekonomika truda*. 2019, vol. 6, no. 2, pp. 764-774. (In Russ.).
4. Trud i zanyatost' v Rossii. 2021 [Labor and employment in Russia. 2021]. Moscow, 2021, 177 p. (In Russ.). Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2021.pdf (accessed: 29.03.2022).
5. Kolesnikova I. A. Kontseptosfera nepreryvnogo obrazovaniya: logika i metodologiya izucheniya [Conceptosphere of Lifelong Education: Logic and Methodology of Study]. *Nepreryvnoe obrazovanie v XXI veke*. 2016, no. 3 (15), pp. 124-140. (In Russ.).
6. Salamatov A. A. Metodologiya i perspektivy razvitiya sovremennogo nepreryvnogo obrazovaniya [Methodology and prospects for the development of modern lifelong education]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2014, no. 8, pp. 113-124. (In Russ.).
7. Zaitseva O. V. Nepreryvnoe obrazovanie: osnovnye ponyatiya i opredeleniya [Continuing education: basic concepts and definitions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2009, no. 7 (85), pp. 106-109. (In Russ.).
8. Siatova M. A. Rol' samootsenki v dostizhenii zhiznennogo uspekha [The role of self-esteem in achieving success in life]. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh*. 2015, no. III (8), pp. 103-105. (In Russ.).
9. Tarasova T. V., Pogbaeva A. D. Analiz osobennosti sootnosheniya uvlecheniya i professional'nogo vybora [Analysis of the features of the relationship between passion and professional choice]. *Vestnik Mordovskogo universiteta*. 2011, no. 2, pp. 83-85. (In Russ.).
10. Batalin A. A. Svyaz' kachestva sna cheloveka i motivatsii, organizuyushchei deyatel'nost' [Relationship between the quality of human sleep and motivation that organizes activity]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 2013, no. 1 (13), pp. 124-129. (In Russ.).
11. Borshcheva N. L., Glukhova M. I. Nepreryvnoe obrazovanie: razlichie podkhodov [Continuing Education: Differences in Approaches]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2013, no. 12, pp. 163-165. (In Russ.).
12. Suikova O. A. Andragogicheskie printsipy v realizatsii nepreryvnogo obrazovaniya vzroslykh [Andragogical principles in the implementation of continuing education for adults]. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov*. 2018, no. 4 (37), pp. 61-68. (In Russ.).
13. Andreeva N. Yu. Psikhologicheskie osobennosti obucheniya vzroslykh s uchetom razlichnykh uchebnykh stilei [Psychological features of adult learning, taking into account different learning styles]. *Innovatsionnoe razvitie professional'nogo obrazovaniya*. 2015, no. 1 (07), pp. 36-41. (In Russ.).

Информация об авторах

М. К. Дуванская – кандидат психологических наук,
доцент кафедры социологии и политологии,

Пермский национальный исследовательский политехнический университет;

Н. А. Литвиновская – магистрант кафедры
строительного инжиниринга и материаловедения,

Пермский национальный исследовательский политехнический университет;

А. В. Литвиновский – магистрант кафедры
строительного инжиниринга и материаловедения,

Пермский национальный исследовательский политехнический университет.

Information about the authors

M. K. Duvanskaya – *Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science,
Perm National Research Polytechnic University;*

N. A. Litvinovskaya – *Undergraduate,
Perm National Research Polytechnic University;*

A. V. Litvinovsky – *Undergraduate,
Perm National Research Polytechnic University.*

Статья поступила в редакцию 06.09.2022; одобрена после рецензирования 16.09.2022; принята к публикации 19.09.2022.

The article was submitted 06.09.2022; approved after reviewing 16.09.2022; accepted for publication 19.09.2022.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ

В научном журнале «Вестник Прикамского социального института» публикуются материалы, которые связаны с анализом социально-экономических, правовых, социокультурных отношений, посвящены актуальным проблемам развития личности, общества и государства, носят как теоретический, так и экспериментальный характер, обобщают результаты исследований ученых и распространяют опыт практики работы специалистов в указанных отраслях. Приоритетное исследовательское направление – теоретические и практические вопросы совершенствования системы обеспечения национальной безопасности и реализации стратегических национальных приоритетов.

Подача материалов в журнал «Вестник Прикамского социального института» означает согласие автора(ов) на их публикацию в журнале и размещение в режиме свободного доступа в интернете.

Публикация в журнале и рассылка электронного экземпляра – бесплатная. Печатный экземпляр журнала предоставляется при условии оплаты – 500 руб. за один экземпляр. Иногородние авторы оплачивают также почтовую пересылку – 250 руб.

Рукописи принимаются в порядке поступления. Количество статей в журнале ограничено. Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов, проверки их на оригинальность текста с помощью системы «Антиплагиат» и редактирования статей для публикации. Статьи, написанные не по тематике журнала, оформленные не по правилам, не рассматриваются.

К рукописи прилагается заявка на публикацию статьи:

Фамилия, имя, отчество на русском языке	
Фамилия, имя, отчество на английском языке	
Место работы на русском языке	
Место работы на английском языке	
Должность на русском языке	
Должность на английском языке	
Электронная почта	
Телефон с указанием кода города*	
Необходимость печатного экземпляра журнала (Да / нет)	
Адрес для отправки журнала (с почтовым индексом)*	

* Адрес и телефон в журнале не печатаются.

Статьи и заявки направляются в электронном виде по адресу: psi.nauka@mail.ru или представляются по адресу: 614002, Пермь, ул. Чернышевского, 28, Прикамский социальный институт, каб. 930 (9-й этаж), научный и редакционно-издательский отделы. Телефон редакции – (342) 205-50-36.

1. Для создания статей используется текстовый редактор Microsoft Office Word. Шрифт **Times New Roman 14**, междустрочный интервал – **1,5**, рекомендуемый объем – **до 15 страниц** (до 30 тыс. знаков). Все поля – **2 см**.

2. В начале статьи указывается **УДК**.

3. Далее указываются **сначала на русском, затем на английском языке**:

– на первой строке полужирным шрифтом прописными буквами с выравниванием по центру – **название** статьи;

– на второй строке слева полужирным шрифтом – **имя, отчество и фамилия** автора(ов);

– на третьей строке слева через запятую – **наименование организации (учреждения)**, где работает или учится автор(ы), **адрес организации (учреждения)**, где работает или учится автор(ы) (**город и страна**), **электронный адрес автора(ов) (e-mail)**;

– далее с выравниванием по ширине – **аннотация (авторское резюме)**, т. е. изложение основного содержания и результатов исследования. Объем аннотации – до 250 слов. Аннотация должна кратко отражать основное содержание статьи (актуальность, предмет, методологию, результаты исследования, выводы). В аннотацию не должны включаться дословно предложения из текста статьи;

– ниже с выравниванием по ширине – **ключевые слова** (5–15 слов, словосочетаний);

– ниже с выравниванием по ширине – **информация для цитирования**: указываются полные выходные данные статьи на русском и английском языках для облегчения ее цитирования (автор(ы), название статьи, название и год издания, номер выпуска).

4. **Список источников** приводится в конце статьи, оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008. Литература и электронные источники помещаются в списке в порядке упоминания или цитирования в статье; нумерация списка – автоматическая. Для статей, включенных в список, указывается интервал страниц публикации, например: Гуреева А. Н. Медиаактивность российской молодежи как драйвер медиатизации политики // Век информатизации. 2020. № 2. С. 31–36.

В список источников включаются литература и электронные ресурсы, а ссылки на нормативные правовые акты (в том числе из сети Интернет или справочно-правовых систем) и архивные источники размещаются в форме автоматических постраничных сносок (внизу страницы с новой нумерацией на каждой странице, шрифт сносок – Times New Roman 10).

При описании электронных ресурсов из сети Интернет указывается электронный адрес цитируемой веб-страницы, а не сайта в целом; после электронного адреса необходимо в круглых скобках указать дату обращения к документу: (дата обращения: 01.02.2021).

В списке источников помещаются **только те ресурсы, на которые в тексте статьи есть ссылки**.

5. **Ссылки** на источники из списка даются внутри текста статьи в квадратных скобках с указанием конкретных страниц, на которых расположен цитируемый текст: [2, с. 312; 3].

6. В конце статьи помещается дополнительная информация об авторе(ах) на русском и английском языках: **И. О. Фамилия автора(ов), ученые степень и звание, должность** (по желанию автора(ов)); **наименование организации (учреждения), ее подразделения**, где работает или учится автор(ы).

Пример оформления статьи

УДК 351.74

ПРЕСТУПНОСТЬ И РАБОТА ПОЛИЦИИ В ИНДУСТРИАЛЬНОМ ЦЕНТРЕ УРАЛА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА В ГОРОДЕ БЕРЕЗНИКИ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Владимир Викторович Шилов¹, Татьяна Николаевна Сергеева²

^{1,2} Березниковский филиал Пермского национального исследовательского политехнического университета, Березники, Россия

¹ Vvvs595959@mail.ru

² garri_62@mail.ru

Аннотация. На основе прикладного социологического исследования и статистической информации дается оценка криминогенной ситуации и работы сотрудников межмуниципального отдела полиции Министерства внутренних дел Российской Федерации «Березниковский» Пермского края. Методом социологического опроса определен уровень доверия жителей города Березники и Усольского муниципального района Пермского края к представителям правоохранительных органов. Проводится утверждение, что для достижения правопорядка полиция должна быть ориентирована не только на милитаризованные структуры, наряду с репрессивными мерами должна набирать силу ориентация на социальное обслуживание населения.

Ключевые слова: реформа, гражданское общество, свобода, ответственность, сотрудничество

Для цитирования: Шилов В. В., Сергеева Т. Н. Преступность и работа полиции в индустриальном центре Урала (по результатам социологического опроса в городе Березники Пермского края) // Вестник Прикамского социального института. 2022. № ... С. ...

CRIME AND POLICING IN THE INDUSTRIAL CENTER OF THE URALS (BY RESULTS OF SOCIOLOGICAL SURVEY IN BEREZNIKI, PERM TERRITORY)

Vladimir V. Shilov¹, Tatiana N. Sergeeva²

^{1,2} Berezniki branch of Perm National Research Polytechnic University, Berezniki, Russia

¹ Vvvs595959@mail.ru

² garri_62@mail.ru

Abstract. On the basis of applied social research and statistical evaluation are given the crime situation and the work of the staff of inter-municipal police department of the Interior Ministry “Berezniki” Perm territory. The method of the sociological survey determined the level of trust and the residents of the city of Berezniki and Ussolye municipal district of the Perm territory to representatives of law enforcement agencies. States that in order to achieve the right order and the police must be focused not only on the militarized structure, but also, along with repressive measures, should be a growing trend, oriented towards the social service of the population.

Keywords: reform, civil society, freedom, responsibility, cooperation

For citation: Shilov V. V., Sergeeva T. N. Crime and policing in the industrial center of the Urals (by results of sociological survey in Berezniki, Perm Territory). Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2022. No. ... Pp. ... (In Russ.)

Защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействие преступности, охрана общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности – эти вопросы всегда находятся в центре внимания политиков и общественности [1, с. 19].

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства¹.

Список источников

1. Аналитический обзор зарубежных исследований о практике изучения и формирования общественного мнения о полиции / ВНИИ МВД России. М., 2003.
2. Ипамян А. П. Оценка деятельности органов внутренних дел в механизме налаживания их взаимодействия с населением // Проблемы взаимодействия органов внутренних дел с обществен-

¹ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] (принята всенарод. голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 04.11.2021).

ными объединениями по охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности: материалы круглого стола 27 янв. 2006 г. / Акад. управления МВД России. М., 2006. С. 96–97.

3. Заманихина Т. Участковые стали «писателями». Сенаторы обещали законодательную поддержку МВД // Рос. газета. 2013. 31 окт.

4. Владимир Колокольцев: «Полиция должна заслужить доверие граждан» // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. 2012. 12 июля. URL: <https://мвд.рф/news/item/150545> (дата обращения: 12.03.2022).

5. Бунов Е. Г. Сотрудники органов внутренних дел об эффективности их деятельности // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 87–89.

Информация об авторах

В. В. Шилов – кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Общественные дисциплины»,
Березниковский филиал Пермского национального исследовательского политехнического

университета; член Правления Российского общества социологов (Пермское отделение);

Т. Н. Сергеева – старший преподаватель кафедры «Общественные дисциплины»,
Березниковский филиал Пермского национального исследовательского
политехнического университета.

Information about the authors

V. V. Shilov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Scientific Disciplines,
Berezniky branch of Perm National Research Polytechnic University;

Member of the Board of the Russian Society of Sociologists (Perm branch);

T. N. Sergeeva – Senior Lecturer at the Department of Scientific Disciplines,
Berezniky branch of Perm National Research Polytechnic University.

Статья поступила в редакцию ...; одобрена после рецензирования ...; принята к публикации ...

The article was submitted ...; approved after reviewing ...; accepted for publication ...

Лицензия 90Л01 № 0010062 от 22.10.2020 г.
выдана Федеральной службой по надзору
в сфере образования и науки

Автономная некоммерческая
организация высшего и
профессионального образования

ПРИКАМСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

**ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ПО НАПРАВЛЕНИЯМ
ПОДГОТОВКИ
(БАКАЛАВРИАТ):**

- Психология,
- Экономика,
- Менеджмент,
- Юриспруденция.

ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ

Очная, заочная, очно-заочная

**ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ**

Общеразвивающие программы
для детей и взрослых.

**ПОВЫШЕНИЕ
КВАЛИФИКАЦИИ
ПЕРЕПОДГОТОВКА КАДРОВ**

По всем реализуемым
образовательным программам.
Подробнее на сайте института.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КЛИНИКА

Оказание бесплатной юридической
помощи гражданам.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
КЛИНИКА**

Кризисный центр психологической
помощи людям, попавшим в сложные
жизненные ситуации.

**e-mail: pkpsi@yandex.ru
сайт: www.psi.perm.ru**

**г. Пермь, ул. Чернышевского, 28
тел.: (342) 214 26 16**

Автономная некоммерческая организация
профессионального образования

ПЕРМСКИЙ ГУМАНИТАРНО- ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ КОЛЛЕДЖ

**Среднее
профессиональное
образование**

*Лицензия 59Л01 № 0004155 выдана 29.10.2018 г.
Министерством образования и науки Пермского края*

СПЕЦИАЛЬНОСТИ:

**Специалист по
информационным
системам**

**- Информационные системы
и программирование**

Бухгалтер

**- Экономика и бухгалтерский
учет (по отраслям)**

Юрист

**- Право и организация
социального обеспечения**

Специалист по рекламе

- Реклама

Дизайнер

- Дизайн (по отраслям)

ПРИЁМ НА БАЗЕ

9 и 11 классов

ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ

Очная, заочная

**г. Пермь,
ул. Чернышевского, 28
сайт: www.pgtk-perm.ru**

**Приёмная комиссия
тел.: (342) 214 26 16
e-mail: pkpsi@yandex.ru**

